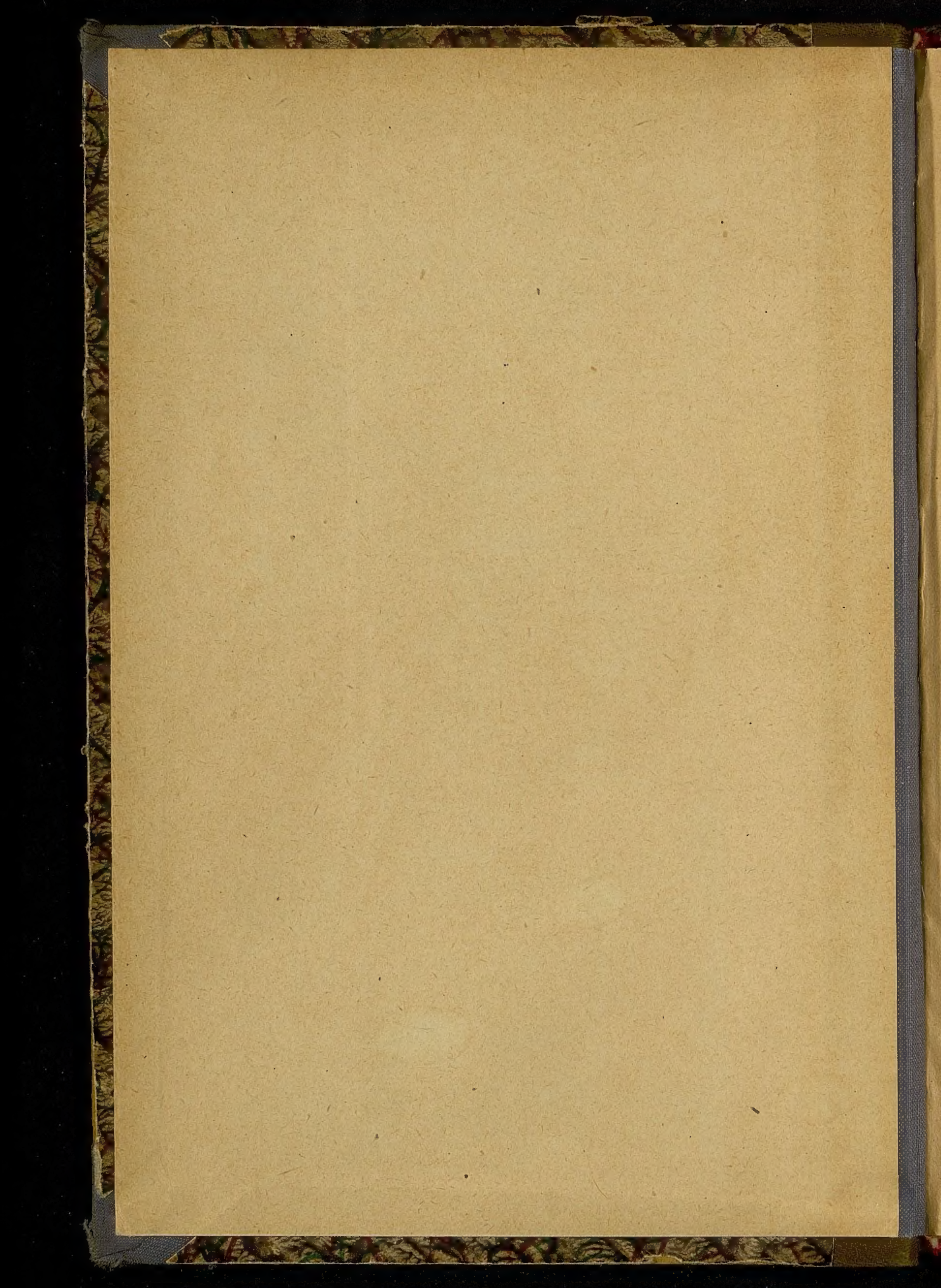

K77 3/102
3/102

КОМИССИЯ ПО ИССЛЕДОВАНИЮ
И ИСПОЛЬЗОВАНИЮ
ОПЫТА МИРОВОЙ
И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

А. А. МАНИКОВСКИЙ

БОЕВОЕ СНАБЖЕНИЕ РУССКОЙ АРМИИ в 1914—1918 г.г.

ТРЕТЬЯ
ЧАСТЬ

Под редакцией Н. Л. Владиславского

МОСКВА
1923

В. В. Р. С. № 676. Тираж 1950.

Главлит № 7341. Типогр. „Красная Печать", аренд. В. В. Р. С. Москва.

ОТДЕЛ I.

1) „Выстрелы" для артиллерийских орудий.

Теперь я перехожу к тому предмету боевого снабжения, с недостатка которого начались все наши беды и неудачи на фронтах, откуда с первых же недель войны стали раздаваться вопли отчаяния, больно отозвавшиеся во всей России и так и не прекращавшиеся в течение еще целого года... В нем, именно в этом недостатке снарядов, все. увидели главнейшую причину наших поражений, и потому понятна та тревога, которая была поднята у нас в тылу, когда эта причина стала ясной, и та буря негодования, которая разразилась над головой главного виновника этого несчастья, каковым без долгих размышлений было признано учреждение, на прямой обязанности которого лежало снабжение армии боевыми припасами, т.-е. ГАУ, вся последующая деятельность которого за время войны так и прошла под этим знаком жестокого осуждения.

Но в какой мере заслужены эти обвинения, вот вопрос, разобраться в котором в то время никому и не приходило в голову, но который ныне должен быть освещен и разобран со всей доступной нам полнотой и беспристрастием.

Вот почему исследование этого вопроса должно быть произведено возможно подробно и всесторонне.

Прежде всего, необходимо отметить, что наиболее острый недостаток, о котором только и говорилось в течение почти всего первого года войны,—был недостаток

в выстрелах к 3″ скорострельным пушкам. О нехватке выстрелов к более крупным калибрам заговорили лишь с осени 1915 года. Поэтому прежде всего будет разобран вопрос именно о 3″ выстрелах.

1) Выстрелы к 3″ пушкам.

1. Нормы запасов (боевые комплекты):

Здесь, естественно, надо расчленить вопрос на два:

а) каков был запас этих выстрелов к началу войны и

б) каково было задание довольствующему органу о пополнении этого запаса уже за время самой войны.

К исследованию этих вопросов и перейдем.

Запас военного времени.

Величина запаса военного времени получается простым перемножением числа орудий, положенных состоять к началу мобилизации в войсках, на число выстрелов, назначенных на каждое орудие; на орудия, назначенные в запас военного времени, выстрелов не положено вовсе.

Как видно из таблицы, приведенной на стр. 12 главы об орудиях по мобилизационному расписанию 1910 года, к началу мобилизации должно было состоять в войсках 3″ скорострельных пушек:

3″ легких	5.480
3″ конных	432
3″ горных	424
Итого	6.336

Фактически же к началу войны, т.-е. к 20 июля 1914 года, состояло налицо 3″ скорострельных пушек:

3″ легких	5.588
3″ конных	390
3″ горных	408
Итого	6.386

т.-е. в общем налицо оказалось пушек 3″ калибра на 50 штук более положенного.

Число выстрелов, согласно того же мобилизационного расписания 1910 года, положенное для означенных пушек, было таково:

на 3″ легкую	1.000
на 3″ конную	1.000
на 3″ горную	1.200

Таким образом, в запасе военного времени должно было к началу войны состоять выстрелов:

к 3″ легким	5.480.000	5.912.000
к 3″ конным.	432.000	
к 3″ горным	508.800	
	6.420.800	

Фактически же к 20 июля состояло налицо выстрелов:

к 3″ легким и конным. . .	5.774.780
к 3″ горным	657 825
	6.432.605

(См. „Свод“ сведений верховной следственной комиссии о снабжении армии артиллерийскими снарядами, стр. 5, таблица 1).

Следовательно, к началу войны состояло налицо к 3″ пушкам выстрелов даже немного больше против положенного по мобилизационному расписанию (на 12.000 штук).

Значит, вся суть дела сводится к „норме выстрелов“, положенной на каждую пушку, и ее-то, эту норму, надо рассмотреть особо.

Норма запаса выстрелов на 3″ пушку.

Этот вопрос подвергался серьезному и всестороннему обсуждению, уже начиная с Японской войны.

Тотчас же по окончании ее, в 1906 году, при ГАУ была образована особая комиссия под председательством

генерал-инспектора артиллерии для обсуждения ряда назревших вопросов, в связи с организацией новой скорострельной артиллерии [1]). В состав этой комиссии вошли 17 генералов и штаб-офицеров артиллерии, из коих 7 были видными участниками Русско-Японской войны.

При обсуждении в этой комиссии вопроса о боевом комплекте для 3″ скорострельной артиллерии, были приняты во внимание следующие соображения:

1) о скорострельности отдельного орудия и целой батареи;

2) о наибольшем числе выстрелов, сделанном отдельными батареями в односуточном сражении;

3) число выстрелов, сделанное крупными артиллерийскими единицами (бригадами), принимавшими наибольшее участие в кампании, в течение года;

4) среднее за всю войну число выстрелов на орудие, участвовавшее в войне.

При этом были установлены следующие данные опыта только-что минувшей войны:

1) Боевая скорострельность нашей 3″ пушки (т.-е. фактически осуществляемая в боях) очень велика, и она может расходовать громадное количество патронов. Поэтому совершенно справедливо ее прозвали „мотовкой“.

2) Наибольшее число выстрелов, сделанное отдельными батареями в односуточном бою, составляет до 500 на орудие.

3) Во время главных операций этой войны было израсходовано на каждую 3″ пушку:

во время	Ляоянских боев. . . .	по 190	выстр.
„	Шахейских „ . . .	по 25	„
„	Сандепу „ . . .	по 88	„
„	Мукденских „ . . .	по 387	„

[1]) Вопросы, подлежавшие обсуждению комиссии:

1) о числе орудий в батарее; 2) о числе орудий на 1000 штыков и 1000 сабель; 3) об отношении числа гаубиц к числу полевых пушек; 4) о числе батарей в дивизионе и о дальнейшем соединении групп батарей; 5) о делении артиллерии на дивизионную и корпусную; 6) о подчинении полевой артиллерии начальникам дивизий; 7) о хозяйстве в артиллерийских частях; 8) о боевом комплекте, его размере и распределении; о роде снарядов и %-м их отношении. Организация полевых парков; 9) штаты мирного и военного времени полевой скорострельной артиллерии.

4) Всего участвовало в войне 1276 орудий, и в течение всей кампании было расстреляно и утрачено около 918.000 орудийных патронов. Так что в среднем за всю кампанию было израсходовано всего около 720 выстрелов на пушку.

При дальнейшем обсуждении вопроса о размерах боевого комплекта комиссия установила следующие общие основания:

а) Стеснение в бою батарей в расходовании выстрелов действует крайне тяжело и приводит к упущению удобных случаев нанести неприятелю существенный вред.

б) Чем больше общее число орудий одного рода и калибра, на которое надо заготовить боевой комплект, тем меньше может быть число выстрелов, заготовляемых на одно орудие.

в) При малой производительности отечественных заводов размер боевого комплекта должен быть больше, так как изготовление выстрелов во время войны может оказаться ничтожным. (Я с умыслом подчеркнул последнюю фразу, содержавшую предвиденье комиссии, увы, не послужившую должным предостережением, кому слушать сие надлежало).

г) Содержание больших комплектов сильно затрудняет их освежение.

д) В запас военного времени предстоит заготовить боевые комплекты на количество орудий, превосходящее не менее как в 5 раз то, какое было в только-что минувшую войну (с Японией), когда участвовало всего около 1300 пушек.

е) В течение минувшей войны большинством начальников было заявлено требование иметь в боевом комплекте не менее 1000 выстрелов на полевую скорострельную пушку; старшими же начальниками это требование увеличено на 40% (в запас сверх тысячи).

После всестороннего обсуждения в комиссии этого вопроса он был поставлен на голосование и большинством 15 голосов было решено, что размер боевого комплекта, заготовляемого в мирное время, должен быть по 1000 вы-

стрелов на каждую полевую скорострельную пушку; за 1400 выстрелов было подано только д в а голоса.

Размер боевого комплекта в 1000 выстрелов не встретил возражений и со стороны военного министра и в установленном порядке получил утверждение в 1908 году. Таким образом, и ГАУ, и междуведомственная комиссия, ведавшая тогда делом перевооружения, должны были принять к руководству при заготовлении боевого комплекта утвержденную норму запаса по 1000 выстрелов на действующую пушку.

Впоследствии как в среде строевых артиллерийских начальников, так и со стороны старших чинов генерального штаба раздавались голоса о недостаточности такой нормы боевого комплекта. Так, с назначением генерала Жилинского начальником генерального штаба, он неоднократно высказывался за необходимость увеличить эту норму; того же взгляда придерживался и начальник канцелярии военного министерства, генерал Данилов. Но этот кардинальный вопрос, требовавший для положительного решения громадных новых ассигнований, служил предметом лишь частного и случайного обмена мнений и никогда не обсуждался ни в комиссии, устанавливающей норму боевых запасов, ни в комитете генерального штаба. Главным препятствием тому, конечно, были затруднения финансового характера, выразившиеся в „предельном бюджете“, сверх которого отвоевывать даже незначительные суммы у министерства финансов было делом очень и очень трудным.

Тем не менее, в конце 1912 года генералу Жилинскому удалось выхлопотать для ГАУ, специально на усиление боевых комплектов для 3″ скорострельных пушек, 10 миллионов рублей. На эту сумму при тогдашней цене за выстрел в 20 рублей можно было заготовить 500.000 выстрелов. А так как всего их подлежало заготовлению около 6½ миллионов, то прибавка получалась ничтожная, всего в 8%.

Около того же времени генерал-квартирмейстер ГУГШ генерал Данилов Ю. Н. уведомил начальника ГАУ, что во французской армии решено увеличить боевой комплект

полевой скорострельной артиллерии до 3000 выстрелов на пушку. Такое решение нельзя не признать вполне целесообразным, т. к. при теперешней скорострельности полевой пушки сила артиллерии не столько в числе пушек, сколько в числе выстрелов на каждую пушку.

Но осуществить это мудрое решение полностью не удалось и Франции, и к началу войны она имела едва ли более 2000 выстрелов на пушку [1]).

Если бы и мы захотели последовать этому благому примеру и довести свои комплекты хотя бы до 2000 выстрелов на пушку, то на 6.500 пушек это потребовало бы нового дополнительного ассигнования в

$$6.500 \times 1000 \times 20 = 130.000.000 \text{ рублей.}$$

А если бы комплекты довести до 3.000 на пушку, то потребовалась бы сумма вдвое большая, т.-е. 260 миллионов рублей.

На такие суммы сверхштатных ассигнований никакой военный министр, даже при всей поддержке государственной думы, конечно, рассчитывать в те времена не мог, особенно имея в виду, что тут речь шла только о выстрелах для одного 3″ калибра.

Но, кроме затруднений чисто финансового характера, против значительного увеличения боевых комплектов выдвигался, как уже упомянуто выше, еще один очень веский аргумент, именно: чем больше боевой комплект,—тем дольше его освежить, а, значит, тем большей порче он подвергается за продолжительное время своего хранения.

При существовавших до войны нормах боевых комплектов и размерах отпусков на практическую стрельбу,— боевые припасы могли быть освежены в следующие сроки:

---

[1]) Причина та же — затруднения финансового характера, т. к. добиваться от парламента кредитов на такие расходы было для французского военного министерства очень не легко в последний перед войной период. И только после „Фашодской пощечины“ парламент стал щедрее; но упущенного наверстать к началу войны не удалось.

По последним сведениям, Франция к началу войны должна была иметь по 1700 выстр. на орудие, но имела около 1200 снаряж. и 200 неснаряж., т.-е. всего 1400. *Ред.*

Боевые заряды—в течение 16 лет,
дистанционные трубки „ 18 лет,
шрапнели „ 35 лет,
гранаты со взрывателями „ 175 лет,
(как расходуемые только на показные стрельбы).

С уверенностью можно сказать, что ни боевые заряды, ни дистанционные трубки столь долгого хранения не выдержат, т. к. существующий у нас бездымный порох с трудом дотянет без существенной порчи в южных округах до 10, а в северных до 15 лет (особенно при хранении в патронах), дистанционные же трубки не выдержат и 8—10-летнего хранения. Что касается собственно снарядов и взрывателей (неснаряженных), то они, конечно, могли бы храниться без порчи многие годы, но при непрерывном прогрессе в конструкции их они, конечно, скоро устарели бы и потребовали бы замены их более современными образцами.

Единственный, казалось бы, при таких условиях выход—соответственное увеличение размера отпуска на практические стрельбы—оказывался неосуществимым, вследствие значительного дополнительного расхода, недопустимого опять-таки по финансовым соображениям.

И вот в этом заколдованном кругу финансовых и технических затруднений мы топтались до самой войны.

А, между тем, на решение этого вопроса должны были оказать существенное влияние еще два обстоятельства, о которых в комиссиях и совещаниях или не упоминалось вовсе, или упоминалось только вскользь.

Это—политическая вероятность войны и возможная ее продолжительность.

По поводу первой из них надо сказать, что, начиная с 1910 года, уже была налицо серьезная тревога в политических кругах всей Европы, а с 1912—не осталось, кажется, ни малейшего сомнения, что вопрос общеевропейской войны—вопрос самого недалекого будущего, до такой степени низко пал политический барометр Европы после балканских событий. А если это так, то и все соображения о порче боевых комплектов при продолжи-

тельном хранении должны были совершенно отпасть и надо было, напротив, не тянуть и медлить, а с лихорадочной поспешностью, как на пожар, начать увеличивать боевые комплекты, как и прочие артиллерийские и иные средства войны.

Что касается второго обстоятельства—**вероятной продолжительности войны**, то на этот счет единомыслие в военных кругах было поразительное: и военные писатели всех стран, и наиболее авторитетные представители генерального штаба, нашего и всех других, без особого труда вселили во всех нас твердое убеждение, **что грядущая война не может быть длительной**; что вероятный ее срок—три месяца, а максимальный—полгода; что за это время будут завершены все серьезные операции и участь кампании будет решена [1]).

Всем в большей или меньшей степени был известен (секретный) расчет времени германского генерального штаба, согласно которому в точности были определены моменты сперва последовательного разгрома Франции—до занятия Парижа включительно, а затем—такой же операции по отношению к России..... И ведь, что всего замечательнее—это то, что этот план чуть-чуть не осуществился на деле..... И хоть „чуть-чуть“ не считается, но все же нельзя не отметить, что если бы не неожиданные задержки со „слабенькими крепостцами“ Бельгии да не

---

[1]) Здесь интересно отметить, что даже в начале 1915 года существовала уверенность, что война может скоро окончиться. Так, в представлении Главного артиллерийского управления в Военный Совет от 21. 1. 15 г. передается телеграмма Ставки о последовавшем повелении, чтобы „ко дню заключения мира наличность орудийных патронов была не ниже 2000 на орудие“, и затем добавляется: для исполнения этого повеления количество заказанных и подлежащих еще заказу патронов должно быть таково, чтобы его хватило на все время войны, а остаток был не меньше 11.000.000 (что и составит по 2000 на орудие).

Количество патронов, необходимых для ведения войны, не поддается строгому учету, т. к. время окончания войны неизвестно. В виду этого заказ этот придется рассчитывать вперед приблизительно на такой срок, в течение которого, если бы выяснилось, что кампания будет ещё продолжаться, можно было заблаговременно продолжать заготовление.

Определяя срок этот в шесть месяцев и имея в виду, что в период наиболее интенсивного развития боев армия расходовала около 1.500.000 патронов в месяц, надо полагать, что в настоящее время достаточно довести заказы до 1.500.000 × 6 = 9.000.000, что составит с указанным выше количеством около 20.000.000 патронов.

знаменитая „удача“ французов на Марне, то кампания действительно могла бы выйти очень недлительной, а именно как раз такой, какой она представлялась перед войной... И вот если бы это случилось, то и 1000 патронов на пушку оказалось бы, пожалуй, достаточно, так как их хватило бы, как это будет показано далее, на кампанию месяцев в 4—5 и даже в 6.

Но этого не случилось, и кампания вышла не в 3 и не в 6 месяцев, а затянулась более чем на 3 года, и при этом как бы напрашивается вывод, что не только имевшийся запас в 1000 выстрелов, а и вдвое и даже втрое больший оказался бы все равно недостаточным, т. к. даже при 3000 выстрелах на пушку это дало бы общий запас всего ок. 19 миллионов патронов, между тем как за один 1916 год было истрачено ок. 28 миллионов 3″ выстрелов, а на следующий год требовалось их 36 миллионов. Из этого совершенно ясно, что подобную войну вести на одни запасы мирного времени, как бы велики они ни были, немыслимо...

Но было несомненной ошибкой делать из этого вывод, что поэтому не было особого смысла увеличивать запас. напр., свыше 1000 выстрелов на пушку, т. к. если бы этих запасов было у нас более 1000, напр., 2000 и, тем паче, 3000, то, во-первых, нашей промышленности было бы больше времени раскачаться, а во-вторых, нашему командованию не пришлось бы в самый решительный первый период войны не только приостанавливать некоторых из начатых уже действий, но иногда и вовсе отказываться от необходимых и обещавших успех операций, как об этом подробнее будет сказано далее. И хотя правда, что крики и вопли с фронта начали подыматься еще в то время, когда „возимые запасы“ были почти нетронуты, но иной психологии у войск и не бывает: ведь поздно, по их убеждению, кричать, когда уже и эти запасы подходят к концу, ибо всякий знает, сколько времени идет только на подвоз из фронтовых складов, а тем паче—из глубокого тыла. А если к этому прибавить, что затяжка в пополнении комплектов стала сказываться уже в августе, то будет вполне понятна та тревога, которая охватила наши фронты

и, несомненно, пагубно отразилась на наших военных действиях. Поэтому вопрос об увеличении нормы боевых комплектов даже на относительно небольшую величину должен был заслуживать всякого внимания, и я перехожу к выяснению причин, помешавших осуществлению даже того скромного увеличения (на 500.000 выстрелов), о котором было сказано выше, несмотря на сознанную безусловную его необходимость.

Дело было так.

Как уже упомянуто выше, еще со времени утверждения „Новой организации полевой артиллерии", т.-е. с 1910 года, ГУГШ пришло к убеждению о недостаточности боевого комплекта в 1000 выстрелов на пушку, но дальше одних разговоров об этом не шло. Но вот в 1912 году разразившиеся события на Балканском полуострове повелительно потребовали от слов перейти к делу, и ГУГШ решило действовать. 17 октября было собрано экстренное совещание из старших представителей довольствующих управлений и им было предложено тут же, т.-е. почти без всякой предварительной подготовки, заявить требования на кредиты и указать, на какие именно нужды эти кредиты необходимы каждому управлению теперь же, как если бы они требовались на первые четыре месяца войны. Эти кредиты должны были быть затем испрошены у совета министров и, как отпущенные в промежуток между сессиями законодательных учреждений, должны были быть израсходованы в течение того срока, на который испрашивались, т.-е. в течение четырех месяцев.

Возможно ли это было сделать? Конечно, нет, особенно имея в виду, что все заводы, изготовлявшие в мирное время предметы боевого снабжения, были в это время перегружены работой по изготовлению запасов по реорганизации армии (по программе 1910 г.) и никаких новых заказов, по крайней мере на ближайшие сроки, принять не могли. О расширении существующих заводов тогда не подымалось и речи, так как в столь короткий срок, да еще зимою, выполнить такое расширение не представлялось возможным. Таково

было мнение представителей ГАУ на этом совещании. Тем не менее, представители ГУГШ настояли на том, чтобы норма боевого комплекта для 3″ полевых пушек была увеличена с 1000 до 1500 на пушку и чтобы ГАУ немедленно приступило к этому увеличению. Тут же наскоро была подсчитана стоимость такого увеличения—в 60.000.000 рублей, и было предложено ГАУ теперь же получить одну шестую часть этой суммы, т.-е. 10 миллионов рублей, для приступа к работам. Кредит на эту сумму был отпущен ГАУ по постановлению совета министров от 2 ноября 1912 года и с трудом был „размещен“ по заводам в счет будущей возможности изготовить на него патроны для 3″ пушек, но, конечно, в течение ближайших четырех месяцев израсходован не был. Вот какие объяснения по этому поводу дал верховной следственной комиссии бывший начальник хозяйственного отдела ГАУ ген. Смысловский: „Чтобы понять, в какие невыносимые условия было тогда поставлено решение этого вопроса, надо отметить, что в то время наши пороховые заводы не справлялись с имевшимися у них нарядами на изготовление пороха настолько, что вполне определилась необходимость постройки еще одного порохового завода. Из двух трубочных заводов Самарский едва только начал приступать к валовому изготовлению трубок, Петроградский же был занят исправлением трубок, уже состоявших на вооружении, но пришедших в негодность вследствие целого ряда причин, из которых главнейшею была продолжительность хранения при не вполне приспособленной для того конструкции. Снабжение полевой артиллерии гранатными патронами (недавно введенными на вооружение) только-что начиналось и, судя по ходу работ и отпуску кредитов, могло быть закончено только к осени 1914 года. Таким образом, в виду указанных причин, попытка увеличения боевых комплектов, едва начатая в 1912 году, к началу текущей войны почти вовсе не успела получить осуществления“.

Как ни убедительны все доводы и как действительно ни трудны были условия, в какие было поставлено ГАУ, всеж-таки оно в этот важный момент не сделало всего

того, что могло бы сделать. А могло оно сделать много: получить побольше денег (благо представился такой редчайший случай) и на них произвести расширение как казенных, так и частных, работавших на оборону, заводов; из последних некоторые могли еще принять заказы. Правда, в 4 месяца ни все взятые деньги не были бы израсходованы, ни заводы не успели бы фактически „расшириться", но зато дополнительное оборудование было бы выписано, к необходимым постройкам было бы приступлено (частью хотя бы в теплушках: в Кронштадте колоссальная 12″ башенная батарея была построена зимой, в тепляке) и дело было бы прочно поставлено на рельсы; так что, не успев развернуться именно в 4-хмесячный срок, оно зато оказалось бы вполне подготовленным через год, а уже к войне 1914 года—нечего и говорить, что готовность заводов получилась бы полная. И такой случай был упущен, и упущен по вине ГАУ—это надо отметить вполне определенно.

Правда, это не обошлось бы даром для ГАУ, его пощипали бы со всех сторон и контроль, и финансы, и совет министров, и государственная дума, и то же самое военное министерство (в лице своей канцелярии), но что-же,—на это надо было итти, благо налицо был такой предлог, как категорическое настояние ГУГШ, которое несомненно и поддержало бы ГАУ при этих нападках на него. А кроме того, ГАУ должно было иметь в виду еще один, хотя и очень устарелый, но по важности первостепенный документ, а именно два постановления Военного Совета, состоявшиеся в 1904 году: 26 августа и 16 декабря. Эти постановления, хотя и с десятилетней давностью, тем не менее так близко касаются рассматриваемого вопроса и так исчерпывающе (в инструкционном отношении) решают его, что я считаю необходимым привести здесь выдержки из них:

а) Военный Совет в заседании 26 августа 1904 года, приняв во внимание громадные расходы боевых припасов в Японскую войну, положил предоставить ГАУ: 1) обсудить вопрос, достаточны ли размеры установленных комплектов сих припасов, не должны ли означенные комплекты

быть увеличены и достаточна ли производительность наших заводов для обеспечения потребности армии в случае большой и продолжительной войны; 2) по обсуждении этих вопросов, испрашивать в скорейшем времени разрешения тех мероприятий, которые окажутся необходимыми для полного и своевременного обеспечения армии предметами артиллерийского довольствия.

б) Военный Совет в заседании 16 декабря 1904 года вернулся к обсуждению общего вопроса, рассмотренного им в заседании 26 августа, и при этом нашел:

1) что скорейшее увеличение запаса боевых наших припасов является крайне настоятельным;

2) что для этого расширение наших технических артиллерийских заведений является неизбежным и

3) что к таковому расширению (или же к устройству новых заведений) желательно приступить с началом строительного периода 1905 года, почему все подготовительные к тому работы необходимо выполнить в возможно скорейшем времени.

Расширение упомянутых заведений Военный Совет признал желательным произвести с таким расчетом, чтобы в случае общей мобилизации всей армии и большой войны отечественные заводы могли при напряженной работе выделывать в год примерно то же количество боевых припасов, какое в течение года будет расходоваться, так как только при этом условии будет вполне обеспечена неослабная боевая готовность армии, а также и флота, получающего часть боевых своих запасов от заводов военного ведомства. Вместе с тем, такое расширение производительности наших заводов, по мнению Военного Совета, было бы выгодно еще и в том отношении, что позволило бы не увеличивать содержимого в мирное время боевого комплекта до таких размеров, при которых своевременное его освежение являлось бы невозможным.

В частности, Военный Совет остановился на опасности, представляемой тем, что у нас имеется лишь по одному заведению, выделывающему трубки и капсюли...

В виду вышеизложенного Военный Совет положил:

„Вновь предложить ГАУ безотлагательно выяснить, насколько производительность подведомственных ему заведений должна быть увеличена для обеспечения довольствия в случае общей войны, и войти с надлежащим ходатайством с таким расчетом, чтобы необходимые строительные работы могли быть начаты весною 1905 года".

Правда, что упомянутое выше совещание в ГАУ о нормах боевых комплектов состоялось в 1906 году, т. е. два года спустя после цитируемых заседаний Военного Совета, и потому решения совещания являются как бы ответом и на приведенные постановленя Военного Совета. Да, отчасти это так, но только отчасти; ибо подробно разобрав вопрос о норме выстрелов на орудие и признав, что препятствием для должного увеличения комплектов явилась бы затруднительность их освежения, совещание ГАУ, предвидя ничтожную производительность наших заводов, вовсе не коснулось вопроса о необходимости соответствующего их развития, чтобы усиленной производительностью их во время самой войны покрыть ту недостаточность норм запасов, на которой по необходимости пришлось остановиться в мирное время. Между тем, Военный Совет, еще раньше предвидя эти затруднения и истекающую из них неизбежность сокращения боевых комплектов, ясно и определенно указал на единственное средство парализовать этот крупнейший, по нужде допускаемый, недочет—заблаговременное и соответственное развитие заводов, готовящих боевые припасы. ГАУ же и тогда, в 1904—1906 г.г., слабо, не в полной мере, использовало эти указания Военного Совета и затем, в 1912 году, опять упустило случай опереться на них, как этого требовали обстоятельства.

Но, обвиняя ГАУ, нельзя оставить без упрека в этом деле и ГУГШ, которое, исхлопотав в 1912 году первую порцию в 10 миллионов на увеличение комплектов, тем и ограничилось. Оно не только не провело в законодательном порядке этого важного мероприятия об увеличении боевых комплектов с 1000 до 1500 ни тотчас по открытии ближайшей сессии законодательных учреждений, ни в течение последующего времени

вплоть до начала войны, но и не поинтересовалось даже проследить, на что и как были израсходованы отпущенные 10 миллионов рублей и отчего не требуются остальные 50 миллионов, необходимые для увеличения боевых комплектов с 1000 до 1500 выстрелов. А это было более чем необходимо в виду тех возражений, которые выставляли представители ГАУ в совещании 17/30 октября и по которым можно было заключить, что ГАУ может и не развить всей той энергии, какой требовало это важнейшее дело. Кроме того, Главное Управление Генерального Штаба, как и Главное Артиллерийское Управление, совершенно игнорировало указания Военного Совета о надлежащем развитии заводов, работающих на оборону. Таким образом, ГУГШ, взявши с 1910 года в военном ведомстве палку в свои руки, капралом все-таки не стало.

2) Пополнение боевых комплектов во время войны.

Итак, комплект в 1000 выстрелов на пушку оказался несомненно малым. А что было сделано, чтобы этот недостаток можно было исправить во время войны? Да очень мало. Здесь надо отметить, что ни ГАУ, ни ГУГШ не озаботились привести в достаточную ясность картину „снарядного" хозяйства военного ведомства; другими словами, ни то ни другое управление не смогло бы до войны ответить вполне определенно на вопрос: на каких заводах, в какие сроки и по скольку в месяц будет или может готовиться выстрелов, чтобы в течение года войны мобилизационные запасы были восполнены, а, буде понадобится, и удвоены или даже утроены. Относительно винтовок, пулеметов, ружейных патронов и орудий—картина была довольно ясна сама собой, т. к. изготовлявшие их заводы были или казенные или, если частные (Тульский патронный, Путиловский), то, как готовящие только военное снабжение, были все время на виду и даже до некоторой степени под контролем Главного Артиллерийского Управления (через артиллерийских приемщиков) и производительность их как нормальная, так и форсированная, была в точности известна ГАУ.

Ничего подобного не было по отношению к „выстрелам“, а ведь их в запасе военного времени состояло ок. 7 миллионов и притом всем было ясно, что этого запаса заведомо недостаточно, следовательно месячная порция предстоящих заготовок во время самой войны, особенно принимая во внимание постановление совещания 17/X 12 г. о необходимости увеличения боевых комплектов с 1000 до 1500 на пушку, должна была представляться в количестве не менее одного миллиона выстрелов.

Значит, ГАУ предстояла такая задача: расписать по заводам наряды и притом в порядке „мобилизационном“ (отдельно на каждый из элементов выстрела: снаряд; трубка-взрыватель; боевой заряд; разрывной заряд; гильза; капсюльная втулка) по расчету на выход миллиона выстрелов в месяц[1]). А ГУГШ должно было проверять эти наряды совершенно так же, как обычно поверялась мобилизационная готовность войсковых частей и управлений особыми лицами, регулярно командировавшимися по особому повелению.

А так как ничего подобного сделано не было, то ГАУ, повидимому, даже не вполне реально сознавало свою обязанность фактически подготовить производительность заводов хотя бы на полмиллиона выстрелов в месяц, т.-е. $^1/_{12}$ часть имевшегося запаса военного времени, так как вполне определенного на этот счет приказания или указания ГАУ не было и речь все время шла только о „запасах“ военного времени, так что создавалось впечатление, что будущую войну предположено вести исключительно на эти „запасы“, а вовсе не на регулярное возобновление их с заводов во все время войны. Правда, вышеприведенное положение Военного Совета 1904 года силы своей как будто не теряло, но оно было так давно и после него было столько разного рода комитетов, совещаний, комиссий и заседаний, в которых говорилось именно о тех же вопросах и однако ни разу не повторялись ни

---

[1]) Конечно, как показал опыт войны, одного миллиона в месяц было недостаточно, но если бы хотя миллион и даже полмиллиона было с первых месяцев войны, то несомненно картина всей кампании получалась бы другая. Да и развивать с миллиона или с полмиллиона совсем не то, что почти с ноля.

по существу, ни формально (хотя бы в виде простой ссылки) означенные положения Военного Совета,—что о них забыли очень основательно и притом все: как те, к кому они непосредственно относились (ГАУ), так и те, кто должен бы был, с принятием нового порядка в военном ведомстве, т. е. с 1910 года, блюсти за этим делом (ГУГШ), и даже сам Военный Совет.

В доказательство этого ниже привожу выписки из показаний верховной следственной комиссии бывшего начальника ГАУ ген. Кузьмина-Караваева и его ближайшего помощника по хозяйственной части ген. Смысловского, а затем письмо начальника ГУГШ к начальнику ГАУ. Из этих документов с полной очевидностью явствует, что как та, так и другая сторона пребывали до самого начала войны в глубокой уверенности, что все их обязанности по снабжению армии боевыми припасами на случай предстоящей войны исчерпывались заботами о доведении боевых комплектов до утвержденных норм запасов военного времени, и лишь грянувшая война заставила подумать об „изыскании способов к изготовлению новых запасов огнестрельных припасов и к скорейшей их доставке на театр военных действий“.

Вот эти документы:

I. Выписка из показаний ген. Кузьмина-Караваева.

„В первые дни мобилизации Начальник Генерального Штаба предъявил мне требование по ускорению готовности местных парков и к приступу изготовления новых огнестрельных припасов, сверх существующих запасов. Для исполнения первого требования были даны надлежащие указания начальникам артиллерии в округах, склады коих снаряжали боевые комплекты местных парков, а в Казанский и Виленский округа были посланы офицеры от ГАУ, благодаря деятельности коих удалось несколько ускорить ход работ по снаряжению патронов. Второе требование было исполнено приказанием развивать работу на всех заводах до возможного предела; на даваемые в определенных цифрах наряды смотреть отнюдь не как на исчерпывающие

потребность, а лишь для исчисления необходимых кредитов и материалов; получив требуемое и поставив производство изделий в указанном размере, сейчас же итти на дальнейшее увеличение производительности завода, возобновляя требование на новое денежное ассигнование. Принимая участие в некоторых совещаниях по вопросам, связанным с начавшейся общей мобилизацией армии и получая к исполнению соответственные приказания военного министра, я видел, что в деле снабжения армии огнестрельными припасами от ГАУ требуется не только полное обеспечение войск ружейными и пулеметными патронами в количестве установленных запасов, но и незамедлительное снабжение армии таковыми же патронами сверх существующих норм.

При предварительном расчете по исполнению этого, впервые предъявленного требования, мои соображения сводились к следующему: обеспечение боевыми припасами зиждется главным образом на работе казенных заводов, частная промышленность ставит сырые материалы, а из готовых изделий может оказать существенную помощь в деле снабжения снарядами, гильзами, упрощенными взрывателями и порохом. Как казенные, так и частные заводы, изготовляющие элементы пушечных выстрелов, могли с первого месяца мобилизации работать для создания запасов 3-дм. патронов, требуемого сверх нормы, другими словами, для восстановления расходуемого боевого комплекта, так как установленное законом количество пушечных огнестрельных припасов было налицо и требовало лишь работы по снаряжению в патроны".

II. Две выписки из показаний г.-л. Смысловского.

а) „Основное положение о кратковременности кампании неизбежно влекло за собою и у нас и у союзников естественный, но, к сожалению, оказавшийся весьма неправильным, принцип обеспечения армии:

Война ведется за счет тех запасов, которые заготовлены в мирное время.

В мирное время эти запасы были предметом постоянных забот; и у нас и у наших союзников (французов) существовала постоянная тенденция к их увеличению. Но вопрос о том, чем будет питаться армия, когда запасы будут израсходованы, постоянно оставался в тени. Если и приходилось когда-либо говорить о нем, то только в смысле в о с с т а н о в л е н и я запасов п о с л е в о й н ы.

Из изложенного можно будет видеть, что в отношении пушечных патронов и многого другого к началу войны запасы состояли полностью. Мало того, нетрудно убедиться, что для непродолжительной войны, два—три месяца, какою она ожидалась, их было достаточно. Только уже во время войны и нам и нашим союзникам пришлось лицом к лицу столкнуться с другим принципом снабжения армии:

В о й н а в е д е т с я н а т е м а т е р и а л ь н ы е с р е д с т в а, к о т о р ы е м о г у т б ы т ь п р е д о с т а в л е н ы а р м и и в н у т р е н н и м и п р о и з в о д и т е л ь н ы м и с и л а м и с в о е й с т р а н ы.

Ошибочность основного принципа снабжения армии и послужила главной причиной неудовлетворительности снабжения“.

б) „Как уже было неоднократно указано выше, при соображениях об обеспечении армии пушечными патронами во время войны вопрос о производительности заводов, их изготовляющих, никогда не поднимался, естественно поэтому, что ко времени начала войны она была в том состоянии, в каком находилась обычно в мирное время: за немногими исключениями, размер ее, т.-е. помещения, оборудование, обеспечение рабочей силой и отчасти материалами и т. п., определялся существовавшими перед войною заказами мирного времени. Правда, после Японской войны в военном ведомстве был поднят вопрос об обеспечении армии за счет производительности заводов, состоялись д а ж е к а к и е - т о п о л о ж е н и я В о е н н о г о С о в е т а, результатом коих после долгих проволочек было появление Самарских заводов, трубочного и взрывчатых веществ; однако, последние годы перед войною вследствие целого ряда крупных мероприятий по усовершен-

ствованию армии работы у всех заводов и для мирного времени было такое количество, что и с нею они не справлялись. Постепенно, под влиянием целого ряда и других побочных причин, о роли заводов в отношении питания армии почти вовсе забыли.

В мирное же время потребность в пушечных патронах была весьма значительна и определялась почти исключительно пополнением расхода на практику. Это составляло от 400.000 до 600.000 в год, тогда как во время войны потребность определялась в 2.400.000 в месяц (т.-е. в 72—48 раз больше)".

III. Копия письма ген. Янушкевича от 21/VII 1914 г. к ген. Кузьмину-Караваеву.

„В виду открытия военных действий и вследствие того, что условия войны на западном фронте ни в каком отношении не могут быть сравнены с условиями последней Русско-Японской войны 1904-1905 годов,—я обращаюсь к вашему высокопревосходительству с усердной и настоятельной просьбой о разработке и осуществлении теперь же всех мероприятий по ускорению готовности местных артиллерийских парков.

Равным образом представляется крайне необходимым немедленно же изыскать способы к изготовлению новых запасов огнестрельных припасов и к скорейшей их доставке на театр военных действий.

Считаю своим долгом заявить вашему высокопревосходительству, что от своевременного изготовления и доставки потребного действующей армии количества огнестрельных припасов в значительной степени будет зависеть успех войны".

Для дополнения картины ниже приводится еще один документ: доклад начальника Генерального Штаба от 21/VII 14 г. по тому же вопросу:

IV. Копия доклада ген. Янушкевича военному министру.

„В виду открытия военных действий и необходимости вести войну с полным напряжением всех сил и средств, представляется нужным теперь же изыскать способы для

обеспечения действующей армии огнестрельными припасами сверх имеющихся запасов.

Вопрос об увеличении огнестрельных запасов уже возбуждался, но разрешение его было временно отложено, впредь до доведения запасов до намеченной нормы.

Хотя в настоящее время запас огнестрельных припасов еще окончательно не доведен до установленной нормы, однако современные условия настоятельно требуют безотлагательного заготовления их сверх установленных норм.

Испрашивается разрешение вашего высокопревосходительства предложить Главному Артиллерийскому Управлению незамедлительно приступить к заготовлению огнестрельных припасов сверх существующих норм".

Резолюция военного министра: „Не только предложить, но и передать Главному Артиллерийскому Управлению высочайшую волю государя императора, чтобы оно напрягло для этого все свои силы. С своей стороны надеюсь, что это будет выполнено с полным успехом и Главное Артиллерийское Управление заслужит одобрение войск, а не ропот и нарекания".

Из этого последнего документа уже без всяких сомнений ясно, что на заготовление „новых припасов сверх существующих норм" смотрелось, как на мероприятие, раньше совершенно не предусмотренное и требующее еще изыскания способов для его осуществления. Ясно, что даже теперь не вспомнили о мудрых постановлениях Военного Совета от 26. VIII и 16. XII—1904 года.

Таким образом, как ГАУ, так и его начальство понимали задачу обеспечения армии боевыми припасами в том смысле, что к началу войны должны быть полностью налицо все запасы военного времени, согласно установленных норм. О необходимости же иметь наготове заводы, способные в годичный срок возобновить эти запасы, а следовательно, иметь и все необходимые для сего материалы,—об этом положительно никто не думал и не заботился.

Забыл об этом и сам почтенный Военный Совет; по крайней мере, он ни разу не напомнил об этом ГАУ, хотя два представления его—от 9/VIII (утвержденное Военным Советом 14/VIII) и от 17/IX (утвержденное 18/IX)—прямо касались этого вопроса, как видно из следующих выписок:

1) „Соображения: Признавая необходимым скорейшее обеспечение артиллерии снарядами на пополнение убыли их в течение войны, каковую убыль можно принять на первое время войны равною четверти установленного комплекта для 3″ полевых шрапнелей, т.-е. 1.500.000 шт. (и половины для гранат) (400.000 шт.) и для 48 - лин. бомб (в 160.000 шт.), ГАУ полагало бы необходимым воспользоваться полностью полученными предложениями, при чем заявленные цены полагалось бы признать, в виду исключительных обстоятельств настоящего времени и чрезвычайного вздорожания цен на материалы, допускаемыми, а условия, предлагаемые заводами, приемлемыми“.

2) „Ныне выяснилась потребность в дальнейшем заготовлении этих снарядов, вследствие определившегося за истекшее время войны чрезвычайного расхода их на театре военных действий“.

И вспомнила о постановлении 1904 года только в 1915 году верховная следственная комиссия, извлекшая из архива Военного Совета вышеупомянутые журнальные постановления и поставившая ГАУ вопрос, почему они не были исполнены.

Начальник ГАУ в ответ на это приводит на ст своих показаний следующее объяснение:

„Базируясь на производительности наших заводов, я давно пришел к убеждению, что в случае войны артиллерийское ведомство может изготовить, не прибегая к заграничным заказам, $5^1/_2$ миллионов 3″ патронов, конечно, при условии наличия требуемого запаса заграничных материалов. Следовательно, рассчитанный на год большой войны запас патронов 3″ скорострельной артиллерии в размере 5.654.300 штук может быть восстановлен своими заводами, казенными и частными, в течение года“.

Затем, в виду указаний верховной следственной комиссии на то: а) что при начале войны к поставкам 3″ снарядов были готовы только два казенных завода (Златоустовский и Ижевский) с месячной производительностью по 25.000 снарядов каждый, а всего 50.000 в месяц на 6.500 орудий; б) что частные заводы потребовали значительного времени на приспособление для приступа к работам и в) что ГАУ должно было предвидеть неизбежное увеличение числа орудий в самом начале войны [1]), а потому и озаботиться увеличением числа выстрелов,— начальник ГАУ дал такие об'яснения:

„Наши отечественные заводы были способны к напряженной работе по изготовлению в течение года войны $5^1/_2$ миллионов 3-дм. патронов. Необходимое для обеспечения этой работы количество заграничных материалов состояло налицо.

В „Своде сведений“ имеется указание на то, что артиллерийское ведомство должно было предвидеть увеличение числа орудий на театре военных действий при самом начале войны.

Сформирование новых строевых частей производится по распоряжению ГУГШ; в ГАУ не было никаких данных к предположению о создании новых батарей полевой артиллерии. В действительности батареи формировались на замену погибших, но число действующих на фронте 3-хдм. орудий не увеличилось — 216 орудий легкой артиллерии были приобретены в Японии по соображениям политического характера, они куплены с небольшим боевым комплектом, наши же снаряды и наш порох для них непригодны.

Частные заводы, изготовлявшие раньше снаряды, конечно, требовали значительного времени на приспособление для приступа к работе. Конечно, ни один частный завод, имевший по прежним заказам известное оборудование, не может сохранять продолжительное время готовность к той же работе, лишь в ожидании получения нового заказа на то же изделие; очевидно, его станки не

[1]) В подтверждение этого в „Своде“ приводится факт покупки у Японии 216 орудий легкой артиллерии.

могут оставаться в бездействии, он их приспособит для иного производства, на которое удалось ему получить работу; также не может частный завод хранить запасы неходовых материалов. У столь богатого завода, как Путиловский, нашелся запас шрапнельных центральных трубок, оставшийся от старых заказов, но это явление я могу назвать исключительным. Даже казенные артиллерийские заводы имеют запасы материалов в весьма малом размере, а годовой запас заграничных материалов разрешен им лишь по настоянию государственной думы.

Несколько лет назад заводы горного ведомства имели намерение образовать запас некоторых материалов для орудийного и снарядного производства, но государственный контроль не согласился на занесение в смету исчисленного кредита".

Все эти объяснения начальника ГАУ — совершенная истина, и никто не сомневался, что Россия сможет изготовить не только $5^1/_2$ миллионов 3″ выстрелов в год, а и значительно больше того. Весь вопрос только в том, с какого срока начинается такая подача выстрелов.

Ведь весь смысл заблаговременной подготовки заводов и состоит в том, чтобы они „отмобилизовались" одновременно с войсками и вместе с ними же вступили в работу: те—на полях сражений, а эти—у своих станков в мастерских и заводах. И вот этой-то „мобилизационной" подготовки у нас сделано не было. Конечно, она потребовала бы прежде всего отпуска значительных средств из государственного казначейства и в этом ГАУ и военное ведомство вообще встретили бы решительный протест со стороны как министерства финансов, так и государственного контроля. Но тогда по крайней мере дело было бы вполне ясно и причина нашей неготовности вполне определенна. Теперь же, хотя во многих подобных случаях такие отказы в отпуске кредитов налицо и нет ни малейшего сомнения, что то же самое было бы и в данном случае, однако прямо утверждать этого все же нельзя.

Но даже и в случае отказа в кредитах поверяющими ведомствами ведь было куда и апеллировать: с уверен-

ностью можно утверждать, что государственная дума, вообще широко шедшая навстречу военному ведомству в вопросах государственной обороны, и тут пришла бы на помощь, особенно после событий 1912 г. на Балканском полуострове. И тогда картина получилась бы иная: весь „подготовительный“ период (все расчеты, выписки оборудования, заготовка лекал, инструмента и материалов, постройки и даже подготовка кадров мастеровых) можно было бы закончить еще в мирное время и быть готовым к войне хотя бы по расчету на $^1/_2$ миллиона выстрелов в месяц, начиная с 2-го или 3-го месяца. Правда, это было не совсем то, что потребовалось потом самой войной, но все же несравнимо лучше того, с чем война нас застала: ведь выхода полумиллиона выстрелов в месяц мы достигли почти через год. А ведь в первый, важнейший период войны, когда еще не были выбиты старые кадры и война еще имела характер полевых операций, важен был каждый лишний парк, особенно имея в виду, что силу нашей количественно слабой артиллерии можно было увеличить за счет ее скорострельности, т.-е. усиленного питания ее патронами.

Конечно, и при осуществлении указанных мероприятий нам все же было бы далеко до той великолепной организации, которую создала предусмотрительность наших врагов и о которой было упомянуто в первом отделе настоящего труда; но все-таки это был бы основательный фундамент, на котором уже сравнительно легко было возводить дальнейшую стройку, а то нам пришлось начинать все почти с самого начала.

Итак, надо признать, что по части подготовки нашей снарядной промышленности к напряженной деятельности к началу войны у нас не было сделано почти ничего. Дальше рассмотрим, что было сделано в этом отношении за время самой войны; а теперь перейдем к обследованию, как мы распорядились с мобилизационными запасами выстрелов, заготовленными в мирное время.

3) Степень готовности местных парков.

Как известно, питание армии на фронтах „выстрелами“ должно было производиться согласно следующей организации.

Весь запас в 1000 выстрелов на каждую действующую пушку, из коих $^1/_7$ часть ($15^0/_0$) должна была быть с гранатами и $^6/_7$ ($85^0/_0$)—со шрапнелями, распределялся таким образом: 428 находились на хранении в самих же строевых частях (в батареях и артиллерийских парках), с выступлением в поход возились в зарядных ящиках и составляли так-называемый „возимый запас“. Ближайшее наблюдение за состоянием возимого запаса возложено на свое же строевое начальство. Остальные 572 выстрела хранились в мирное время при складах и составляли так-называемые „местные парки“, которые должны были подаваться на театр военных действий по железной дороге в назначаемые пункты, из которых батареи могли бы питаться, подвозя себе выстрелы при помощи своих артиллерийских парков.

Всего на действующую армию было положено 112 легких местных парков, при чем комплект каждого состоял из 14.000.000 винтовочных патронов и 29.072 пушечных 3-дм. патронов (4.296 с гранатой и 24.776 со шрапнелью). По степени готовности парки эти разделялись на три типа:

Тип А, в котором винтовочные патроны „снаряжены“, т.-е. составные части их (гильза, порох, пуля, капсюль) соединены в патрон, а пушечные патроны содержатся в так-называемом неокончательно снаряженном виде, т.-е. гильза, боевой заряд, капсюльная втулка и снаряженный снаряд соединены в патрон, но дистанционные трубки в шрапнели не ввернуты. Во избежание порчи трубок полагалось отправлять их на театр военных действий отдельно в герметической укупорке и ввертывать в очко шрапнелей только в войсках.

Тип Б, в котором винтовочные патроны снаряжены, а пушечные хранятся в разобранном виде, т.-е. порох в виде отдельных готовых зарядов, в герметических ящиках, шрапнели с пулями, но не снаряженные порохом, капсюльные втулки и трубки—в герметической укупорке.

Тип В, в котором и винтовочные и пушечные патроны хранятся в разобранном виде.

Такие три типа парков вызывались желанием хранить в мирное время отдельные части патронов, в особенности порох, в раздельном виде, т. к. при этом они значительно лучше сохраняются, чем в патронах; для некоторого же числа парков сроки готовности заставляли поступаться этими соображениями и хранить патроны в разной степени снаряжения еще в мирное время. Из изложенного ясно, что для изготовления парка типа А надлежало только пополнить его личным составом, укупорить патроны и погрузить их на железную дорогу; в парке типа Б, кроме того, надо было предварительно снарядить пушечные патроны, а в парке типа В—и винтовочные.

Операция снаряжения патронов пушечных не представляет собою чего-либо сложного (за исключением сборки снаряда с гильзою, требующей специального станка), производится вручную, и потому успех ее определяется почти исключительно количеством рабочих и наличием подходящих помещений для работ по снаряжению; снаряжение винтовочных патронов, наоборот, представляет собою сложную деликатную операцию, требующую оборудованной станками и механизмами „снаряжательной мастерской“ и обученных рабочих. Для выполнения снаряжения винтовочных патронов с объявлением мобилизации надлежало: набрать рабочих, обучить их снаряжению и затем уже производить самое снаряжение.

Парки, расположенные в одном пункте, предполагалось мобилизовать,—а следовательно и снаряжать—последовательно, т.-е. приступить к снаряжению и пушечной и винтовочной части каждого последующего парка не раньше, нежели будет закончено все снаряжение предыдущего. Этим и объясняются колоссальные сроки мо-

билизационной готовности парков, достигшие 480 дней[1]). (Табл. № 1—стр. 33).

№ 1.

Главное Управление Генерального Штаба, Отдел Генерал-Квартирмейстера. Часть I Обер-Квартирм. 16. III. 1911 г.

№ 625.

В Главное Артиллерийское Управление.

При сем препровождаются для сведения в трех экземплярах:

1) доклад по Главному Управлению Генерального Штаба от 3 марта 1911 года за № 48 и

2) журнал комиссии по распределению запасов военного времени, исчисленных по новым нормам (о передовых артиллерийских запасах армии).

Подлинное за надлежащими подписями.

№ 2.

Доклад по Главному Управлению Генерального Штаба, Отдел Генерал-Квартирмейстера, Часть I Обер-Квартирм. Делопроизводство 2. 3 марта 1911 года № 48.

О формировании передовых артиллерийских запасов армий.

При сем представляется журнал заседания 3, 5 и 14 января и 2 марта 1911 года комиссии по распределе-

---

1) Весь этот порядок и чрезвычайно длительный срок мобилизации местных парков приводится начальником ГАУ как еще одно категорическое доказательство того, насколько глубоко было положено в основание питание армии патронами за счет запасов мирного времени, а не за счет производительности заводов, т. к. очевидно, что допустить хотя бы в принципе готовность парка на 480-й день можно было лишь только при условии, если считать, что парк этот не понадобится раньше этого срока, или не понадобится вовсе в течение всей большой, но кратковременной войны.

нию запасов военного времени, исчисленных по новым ормам.

Испрашивается: угодно ли будет Вашему Высокопревосходительству

1) Утвердить намеченные отделом генерал-квартирмейстера Генерального Штаба пункты формирования передовых артиллерийских запасов армий и распределение запасных артиллерийских частей и местных артиллерийских парков в военное время.

2) Согласиться с предложениями комиссии о подготовительных работах мирного времени по формированию и порядку укомплектования в военное время личного состава управлений передовых артиллерийских запасов армий.

3) Согласиться с мнением комиссии об увеличении в мирное время числа легких местных артиллерийских парков типа А за счет парков типа Б и В.

4) Утвердить намеченные сроки готовности местных артиллерийских парков в военное время.

5) Разрешить не строить снаряжательной мастерской в Ташкенте.

6) Согласиться с мнением комиссии о размещении местных артиллерийских парков и снаряжательной мастерской не в Самаре, а на ст. Томылов.

7) Согласиться с мнением комиссии о необходимости в первую очередь сосредоточить боевые запасы в местных парках, распределенных по армиям.

Подписал: Генерал-Майор Обручев.

Рукою Помощника Военного Министра написано: „Военному Министру 4/3“.

Рукою Военного Министра написано: „Согласен. С. 5/3“.

ТАБЛИЦА № 1.

Местные легкие парки.

№№ по пор.	Означение по категориям и типам.	Пункты расположения. Округ.	В мирное время.	В военное время.	По каким армиям расписаны.	К какому дню мобилизации должны быть снаряжены.
	А. Расписанные по армиям.					
	I. — Легкие типа А.					
	а) с кадр. мирн. времени.					
1	„ „ „		Олита.	Олита.	I	
2	„ „ „		Гродно.	Гродно.	II	
3	„ „ „		Ровно.	Ровно.	III	
4	„ „ „		Винница.	Винница.	III	
5	„ „ „		Тирасполь.	Тирасполь.	VII	
	б) без кадр. мирн. врем.					
6	„ „ „ „		Ковна.	Ковна.	I	
7	„ „ „ „		Осовец.	Осовец.	II	
8	„ „ „ „		кр. Ново-Георгиевск.	кр. Ново-Георгиевск.	II	
9	„ „ „ „		Брест-Литовск.	Брест-Литовск.	V	
10	„ „ „ „		Киев.	Киев.	III	
11	„ „ „ „		Выборг.	Выборг.	VI	
12	„ „ „ „		Тифлис.	Тифлис.	Кавк.	
13	„ „ „ „		Карс.	Карс.	„	
14	„ „ „ „		Александрополь.	Александрополь.	„	
15	„ „ „ „		Ташкент.	Ташкент.	Турк.	
16	„ „ „ „		„	„	„	

№№ по пор.	Означение по категориям и типам.	Пункты расположения. Округ.	В мирное время	В военное время.	По каким армиям расписаны.	К какому дню мобилизации должны быть снаряжены.
17	б) без кадр. мирн. врем.		Асхабад.	Асхабад.	Турк.	
18	" " " "		Владивосток.	Владивосток.	Прим.	
19	" " " "		Хабаровск.	Хабаровск.	"	
	Всего типа А—19.					
	II. Легкие типа Б.					
	без кадров.					
20	" "		Ковно.	Ковно.	I	12
21	" "		Двинск.	Двинск.	I	12
22	" "		"	"	I	19
23	" "		"	"	I	26
24	" "		"	"	I	33
25	" "		кр. Ново-Георгиевск.	кр. Ново-Георгиевск.	II	12
26	" "		Брест-Литовск.	Брест-Литовск.	II	12
27	" "		"	"	II	19
28	" "		"	"	II	26
29	" "		Киев.	Киев.	III	19
30	" "		"	"	III	26
31	" "		"	"	III	33
32	" "		Бобруйск.	Бобруйск.	IV	12
33	" "		"	"	IV	40
34	" "		"	"	IV	61
35	" "		"	"	IV	19
36	" "		"	"	V	47
37	" "		"	"	V	68

№№ по пор.	Означение по категориям и типам.	Пункты расположения. Округ.	В мирное время.	В военное время.	По каким армиям расписаны.	К какому дню мобилизации должны быть снаряжены.
38	без кадров.		Петербург.	Петербург.	VI	12
39	" "		Кременчуг.	Кременчуг.	VII	19
40	" "		"	"	VII	26
41	" "		Иркутск.	Иркутск.	Заб.	19
42	" "		Чита.	Чита.	"	12
43	" "		"	"	"	26
44	" "		Благовещенск.	Благовещенск.	Прим.	12
	Итого типа Б—25.					
	III. Легкие типа В.					
	без кадров.					
45	" "		Петербург.	Петербург.	VI	30
46	" "		"	"	VI	60
47	" "		"	"	VI	90
48	" "		"	"	VI	120
49	" "		"	"	VI	150
50	" "		"	"	VI	180
51	" "		Георгиевск.	Георгиевск.	Кавк.	60
52	" "		"	"	"	90
53	" "		"	"	"	120
54	" "		"	"	"	150
55	" "		Хабаровск.	Хабаровск.	Прим.	60
56	" "		"	"	"	90
	Итого типа В—12.					
	Всего легких—56.					

№№ по пор.	Означение по категориям и типам.	Пункты расположения.			По каким армиям расписаны	К какому дню мобилизации должны быть снаряжены.
		Округ.	В мирное время.	В военное время.		
	Б. Не расписан. по армиям.					
	Легкие типа В. без кадров.					
57	" "		Курск.	Курск.	—	60
58	" "		"	"	—	90
59	" "		"	"	—	120
60	" "		"	"	—	150
61	" "		"	"	—	180
62	" "		"	"	—	210
63	" "		"	"	—	240
64	" "		"	"	—	270
65	" "		"	"	—	300
66	" "		"	"	—	330
67	" "		"	"	—	360
68	" "		Луганск.	Луганск.	—	30
69	" "		"	"	—	60
70	" "		"	"	—	90
71	" "		"	"	—	120
72	" "		"	"	—	150
73	" "		"	"	—	180
74	" "		"	"	—	210
75	" "		"	"	—	240
76	" "		"	"	—	270
77	" "		"	"	—	300
78	" "		"	"	—	330

№№ по пор.	Означение по категориям и типам.	Пункты расположения.			По каким армиям расписаны.	К какому дню мобилизации должны быть снаряжены.
		Округ.	В мирное время.	В военное время.		
79	без кадров.		Луганск.	Луганск.	—	360
80	" "		"	"	—	390
81	" "		"	"	—	420
82	" "		"	"	—	450
83	" "		Москва или Раево.	Москва или Раево.	—	60
84	" "		"	"	—	90
85	" "		"	"	—	120
86	" "		"	"	—	150
87	" "		"	"	—	180
88	" "		"	"	—	210
89	" "		"	"	—	240
90	" "		Самара-Томылово.	Самара-Томылово.	—	60
91	" "		"	"	—	90
92	" "		"	"	—	120
93	" "		"	"	—	150
94	" "		"	"	—	180
95	" "		"	"	—	210
96	" "		"	"	—	240
97	" "		"	"	—	270
98	" "		"	"	—	300
99	" "		"	"	—	330
100	" "		"	"	—	360
101	" "		"	"	—	390
102	" "		"	"	—	420
103	" "		"	"	—	450

№№ по пор.	Означение по категориям и типам.	Пункты расположения.			С какими армиям расписаны.	К какому дню мобилизации должны быть снаряжены.
		Округ.	В мирное время.	В военное время.		
104	„ „		Самара-Томылово.	Самара-Томылово.	—	480
105	„ „		Омск.	Омск.	—	60
106	„ „		„	„	—	90
107	„ „		„	„	—	120
108	„ „		„	„	—	150
109	„ „		„	„	—	180
110	„ „		„	„	—	210
111	„ „		„	„	—	240
112	„ „		„	„	—	270
	Итого—56.					
	Всего легких—112.					

Из последнего из этих документов видно, что из 112 местных легких парков только 19 должны были быть типа А, т.-е. быстро, по пополнении их личным составом, отправляемые на фронт. Готовность же остальных 93 парков предполагалась таковой:

через 12 дней — 8 парков
„ 19 „ 6 „
„ 26 „ 5 „
„ 30 „ 2 „

итого в 1-й месяц 21 парка,

через 33 дня — 2 парка
„ 40 „ 1 „
„ 47 „ 1 „
„ 60 „ 8 „

итого во 2-й месяц 12 парков,

через 61 день — 1 парк
„ 68 „ 1 „
„ 90 „ 8 „

итого в 3-й месяц 10 парков,

а в 3 месяца 43 парка

через 120 дней — 7 парков
„ 150 „ 7 „
„ 180 „ 6 „
„ 210 „ 5 „
„ 240 „ 5 „
„ 270 „ 4 „
„ 300 „ 3 „
„ 330 „ 3 „
„ 360 „ 3 „
„ 390 „ 2 „
„ 420 „ 2 „
„ 450 „ 2 „
„ 480 „ 1 „

Значит, после незамедлительной подачи первых 19 парков лит А, или всего 17% от 112 парков, подача остальных шла бы таким темпом:

в 1-й месяц	21 парк	(19%)
во 2-й „	12 „	(11%)
в 3-й „	10 „	(9%)
Итого в 3 месяца	43 парка	(39%),

а дальше уже совсем черепашьим шагом: по 7, 6, 5, 4, 3, 2 и 1 парку в месяц.

При намеченной в таком темпе подаче парков меньше всего можно было требовать от довольствующего управления неустанной заботливости о какой-то спешке в изготовлении новых комплектов, раз что имеющиеся готовые не очень торопятся собрать и растягивают подачу их на фронт почти на полтора года.

Таким образом, еще в конце 1911 года наше ГУГШ пребывало в благодушной уверенности в допустимости работы с такой „прохладцей“ в снаряжении местных парков, как 16 месяцев, и только в начале 1912 года вопрос о готовности их вызвал первую тревогу.

Для увеличения этой готовности было решено часть парков, содержащихся по типу Б, т.-е. с неснаряженными пушечными патронами, перевести снаряжением в тип А. Парки эти были снаряжены, но затем, с течением времени, по установленному порядку снаряженные патроны выдавались из них в войсковые части на пополнение израсходованных на практическую стрельбу, на замен же их в местные парки поступали с заводов отдельные огнестрельные припасы. Таким образом, парки типа Б, обращенные в начале 1912 года единовременной работой в тип А, с течением времени должны были опять обратиться в тип Б, т. к. для поддержания их в снаряженном виде потребовалась бы опять работа войсковых частей, ложившаяся на них крайне тяжелым бременем. Для разъяснения этого вопроса ГАУ велась переписка, но до начала кампании он не получил какого-либо окончательного решения.

Вторая тревога о сроке снабжения патронами произошла осенью 1912 года во время Балканской войны, когда в Петрограде было собрано совещание из начальников штабов пограничных и резервных к ним военных округов. Давая объяснение к этому совещанию, начальник хоз. отдела ГАУ (г.-м. Смысловский) обратил внимание на то обстоятельство, что задержка в мобилизации парков происходит главным образом вследствие связи изготовления пушечной части с винтовочной, требующей для снаряжения несравненно большего времени. Несообразность такого положения вещей казалась еще более непонятной в виду того, что в то время (да и до самой войны) у нас не было полного комплекта винтовочных патронов (по 1.000 на винтовку), а потому винтовочных патронов в неснаряженном виде (парк типа В) не состояло вовсе, т.-е. и снаряжать-то было нечего.

На заседаниях совещания г.-м. Смысловским было указано на возможность ускорения снаряжения пушечных частей местных парков и даны теоретические данные успеха работы, зависевшие главным образом от числа приборов для соединения снаряда с гильзою, имевшихся в то время в каждом из складов. При этом было обращено особое внимание совещания на то обстоятельство, что сообщаемые весьма утешительные, но теоретические данные не могут иметь решительно никакого практического значения, если склады в момент мобилизации не будут снабжены достаточным количеством войсковых или наемных рабочих, или расположение или помещения складов не дадут возможности развить работу в требуемом размере. Так как эти стороны вопроса могли быть разрешены исключительно местным окружным начальством, то представитель ГАУ обратился к совещанию с предложением произвести в каждом из округов опыт частичного снаряжения парков и на основании получаемых результатов выработать меры для достижения требуемого успеха.

Результаты совещаний начальников окружных штабов были изложены в журнале, который был сообщен ГАУ только в апреле 1913 года и выписка из коего приводится ниже.

Копия выписки из журнала совещания 6/19 и 7/20 ноября 1912 года начальников окружных штабов по вопросам о подготовке к войне на западном фронте (секретно).

О необходимости скорейшей готовности местных парков.

Рассмотрев сроки прибытия местных парков, назначенных в распоряжение армий, в районы сосредоточения и время изготовления парков, остающихся в ведении министерства, совещание пришло к заключению, что снабжение армий огнестрельными припасами после первых 2—3 боев (в течение 1—2 месяцев войны) нельзя признать обеспеченным.

В силу этого совещание пришло к выводам:

1) Местные парки, назначенные в непосредственное распоряжение армий, должны прибыть в районы сосредоточения не позже 40—45 дня мобилизации.

2) Все остальные парки должны быть изготовлены в течение первых трех месяцев с таким примерно расчетом:

1. к 45 дню должно быть изготовлено по 370 патронов на орудие,

2 на 60 день—еще по 130 патронов,

3. на 90 день – все остальные запасы.

Цифры эти вытекают из следующих соображений:

К первому дню мобилизации в войсковом и орудийном запасе батареи наши имеют приблизительно по 370 патронов, в назначенных армиям местных парках—по 130; всего-же по 500 патронов на орудие. Количества этого хватит не более как на два, в лучшем случае на три больших сражения, каковые могут произойти в течение первых полутора—двух месяцев войны.

Таким образом, патроны, изготовленные к 45 дню, должны пойти на пополнение войсковых запасов, а заготовленные к 60 дню—на пополнение парковых.

Что касается винтовочных патронов, то таковые по тем же соображениям должны быть изготовлены:

1) в течение 1—2 месяцев, чтобы было по 500 патронов на винтовку;

2) к 3-му месяцу—еще по 250;

3) к 4-му месяцу—остальной запас, которым будет располагать военное ведомство.

К тому времени приборы для снаряжения пушечных патронов, о которых только и могло позаботиться ГАУ, были уже заказаны; все же остальное не входило в его круг прав и обязанностей и могло быть выполнено или распоряжением местного окружного начальства, или распоряжением военного министра через ГУГШ.

Журнал совещаний к прочтению и подписи представителей ГАУ не предъявлялся. В нем есть несомненные погрешности, как, например, исчисление войскового запаса пушечных патронов, теоретические данные о скорости снаряжения парков приняты до поверки их на местах, как окончательные.

Из этого журнала и записки ГУГШ видно, что о дальнейшем питании армии патронами за снаряжением и подачею всех артиллерийских парков не только не было дано каких-либо указаний ГАУ, но даже не было высказано хоть намека на какое-либо пожелание. Речь шла исключительно только о пополнении тех запасов мирного времени, какие полагались по существовавшим тогда нормам, но которых к тому времени полностью еще не было, и о скорейшей подаче этих запасов в армию. Как оказалось впоследствии, сокращенные сроки изготовления парков так и остались непроведенными в жизнь, так как никаких распоряжений об их изменении ГУГШ сделано не было.

„Для обеспечения беспрепятственного пополнения патронами явится необходимость приступить с первого дня мобилизации к изготовлению всех парков, в том числе и расположенных в азиатских округах. Содержимые в этих округах патроны, в случае войны на западном фронте, несомненно послужат для пополнения запасов действующих на этом фронте армий. Перевозка сих запасов в пункты назначения будет сделана своевременно распоряжением военного министерства. Что касается обеспечения артиллерии Московского и Казанского округов мелинитовыми

гранатами, то таковые вновь не изготовляются, а имеющиеся налицо уже распределены по войскам пограничных округов".

Наконец, в третий раз вопрос о сроках готовности местных артиллерийских парков был поднят почти перед самым началом текущей войны по почину ГАУ, что видно из копии сношения ГУГШ в ГАУ от 13/VI 1914 года № 813.

Вот эта копия:

„Вследствие сношения от 6-го июня сего года за № 2040-м, по вопросу, какие сроки готовности местных парков в отношении снаряжения патронов желательно принять, — уведомляется, что, по мнению ГУГШ, необходимо по соображениям оперативного порядка, чтобы все парки были готовы не позднее конца 3-го месяца мобилизации; 75%— не позднее конца 2-го месяца и половина парков — не позднее 30-го дня мобилизации".

Наконец, 17-го июня 1914 года у начальника Генерального Штаба г.-л. Янушкевича состоялось совещание с представителями ГАУ, на котором еще раз выяснялся вопрос об ускорении подачи запасов мирного времени. Кроме того, были такие же совещания с представителями Генерального Штаба в ГАУ.

Как видно из приводимых ниже копий трех документов, для осуществления намеченных пожеланий требовалось провести в жизнь целый ряд мероприятий организационного и хозяйственного характера, из которых некоторые, как, например, постройка новых снаряжательных мастерских при условии мирного времени, потребовали бы двух—трех лет времени. Организационные изменения должны были быть проведены ГУГШ; это же управление должно было сделать распоряжение об изменении мобилизационного расписания и сроков готовности. Между тем, можно видеть, что ГУГШ, намечая одно только получение предварительных сведений к 20-м числам июля, в то же время уже ввело в свои оперативные соображения новые мероприятия, как бы уже существующими. Повидимому, оно даже не отдавало

себе отчета в сущности дела, так как полковник Жуков (см. документ № 3), несмотря на ясное предложение на усмотрение Генерального Штаба двух вариантов новой организации местных парков (см. документ № 2), не понимает, что без заключения хозяина дела—ГУГШ—нельзя узнать, на каком из вариантов следует остановиться.

Намеченные мероприятия по ускорению снаряжения парков при таких условиях, конечно, проведены в жизнь до начала войны не были. Провести их в организационном и мобилизационном отношении могло только ГУГШ непосредственными сношениями с начальниками военных округов, чего сделано не было.

Достойно быть отмеченным, что и на этот раз, перед самой войной, ни одного намека на дальнейшее питание армии, за израсходованием всех запасов мирного времени, сделано не было.

Вот копии упомянутых документов:

№ 1.

От делопроизводителя части 1-го обер-квартирмейстера Главного Управления Генерального Штаба подполковника Жукова, начальнику отделения Главного Артиллерийского Управления.

23-го июня 1914 года № 276.

По докладе генерал-квартирмейстеру штаба результата нашего совещания по вопросу о переводе местных парков типа Б и В в тип А, его превосходительство велел просить, в виду необходимости по соображениям оперативного порядка, чтобы на театре военных действий к 40-му дню мобилизации было сосредоточено не менее $^2/_3$ установленной нормы патронов на единицу оружия, т.-е. 600—700 патронов на орудие и винтовку,—перевести в тип А не 16, а 20 легких парков типов Б и В, как об этом генерал-майор Смысловский говорил на совещании у начальника Генерального Штаба.

В дополнение намеченных нами необходимо перевести еще следующие из легких типа Б в тип А парки:

1 парк в Двинске № 21
2 парка в Бобруйске №№ 32 и 33 и
1 парк в Киеве № 29

Всего . . 4 парка.

Соответственно этому переводу еще 4 парков типа Б в тип А, нужно иметь в виду, что готовность остальных парков типа Б тоже повысится.

В виду необходимости спешно вышеуказанный перевод парков из типов Б и В в тип А внести в ведомость сосредоточения, генерал-квартирмейстер просит не отказать к 30-му сего июня сообщить отделу генерал-квартирмейстера новую ведомость готовности парков и те мероприятия, которые Главное Артиллерийское Управление будет проводить в жизнь теперь же, согласно результата совещания у начальника Генерального Штаба по сему вопросу.

№ 2.

Начальник Главного Артиллерийского Управления по 1-му отделу. Делопроизводство мобилизационное. 28/30 июня 1914 года № 2291, по № 813 (секретно).

В Главное Управление Генерального Штаба.

По результатам совещаний, имевших место как в Главном Управлении Генерального Штаба, так и в Главном Артиллерийском Управлении по поводу сокращения сроков готовности местных артиллерийских парков до пределов, намеченных Главным Управлением Генерального Штаба, Главное Артиллерийское Управление признало необходимым признать следующие меры, могущие ускорить готовность означенных парков до намеченных сроков:

I) Имея в виду, что снаряжение винтовочных патронов требует значительно большего времени, чем снаряжение пушечных, необходимо готовность местного легкого

парка в отношении одних патронов поставить в полную независимость от готовности других патронов, для чего следует теперь же образовать в каждом местном легком парке два отдела или полупарка—один ружейный и другой пушечный. Мера эта потребует дополнительного наряда при мобилизации 2 классных обер-фейерверкеров (начальников отделов) и 31 нижнего чина на каждый парк; ныне по штату местного парка положено: 2 обер-офицера, 1 артиллерийский чиновник и 53 нижних чина; при образовании в местном парке двух отделов: ружейного и пушечного потребуется: 2 обер-офицера, 1 артиллерийский чиновник, 2 классных обер-фейерверкера и 84 нижних чина.

Если же Главным Управлением Генерального Штаба признано более целесообразным совершенно разделить местные легкие парки, каждый на 2 самостоятельных местных парка: „ружейный“ парк и „пушечный“ парк, то потребуется дополнительный наряд 2 обер-офицеров, 1 артиллерийского чиновника и 35 нижних чинов на каждый парк, считая штатный состав каждого пушечного и ружейного парка: 2 обер-офицера, 1 артиллерийский чиновник и 44 нижних чина.

II) Увеличить число легких парков со снаряженными патронами типа А за счет парков типа Б и В.

а) Для этой цели в отношении пушечных патронов по соглашению с Главным Управлением Генерального Штаба предположено перевести в тип А четыре парка типа Б за №№ 21, 29, 32, 37 и 16 парков типа В за №№ 57—60, 89—100, всего 20 парков, снабдить снаряжательные мастерские двойным числом приборов для снарядки патронов и увеличить число рабочих часов.

Эта мера даст возможность, как видно из прилагаемого при сем расчета № 1—готовность местных парков (легких, горных и мортирных) на 40-й день мобилизации привести в готовность слишком 75% всех парков, а из числа парков Европейской России до 71%.

б) В отношении ружейных патронов необходимо перевести из парков типа В в парки типа А и Б двадцать

легких парков в местах, указанных в последней графе расчета № 2, доведя таким образом число парков с готовыми патронами до 71 и оставив 41 парк с неснаряженными патронами. При таком числе тех и других парков на 90 й день мобилизации будет готово 79% от числа всех парков и 75% парков Европейской России.

III) Удвоить мощность проектированных снаряжательных мастерских в пяти пунктах: в Курске, в Томылове, в Москве, в Георгиевске и Омске.

IV) Увеличить число рабочих часов в названных мастерских с 8-ми до 12-ти.

Эти последние две меры имеют в виду ускорить в будущем готовность парков исключительно в отношении винтовочных патронов и, благодаря им, таковую готовность, как видно из прилагаемого расчета за № 2, можно будет довести на 60 день мобилизации до 80% от числа всех парков Европейской России и на 90 день до 97% как от числа всех парков, так и от числа парков Европейской России.

При этом Главное Артиллерийское Управление ставит непременным условием, чтобы необходимые для обслуживания снаряжательных мастерских рабочие, в числе примерно 320 человек на каждую, сверх кадрового числа рабочих—по 30—40 на мастерскую, были включены в общий мобилизационный наряд. На эту надобность, считая всего 13 мастерских (6 мастерских двойной мощности и одна ординарная), потребуется до 4.160 человек.

К этому необходимо добавить, что все меры, предусматривающие ускорение мобилизационной готовности местных легких парков в отношении ружейных патронов, имеют в виду лишь будущее время, когда в парках типа В будут содержаться патроны в составных частях, так как теперь в этих парках всех типов состоят готовые патроны, за малым исключением (до 60 мил.).

По поводу изложенного Главное Артиллерийское Управление просит доставить заключение.

Приложение: два расчета.

№ 3.

За делопроизводителя части 1-го обер-квартирмейстера Главного Управления Генерального Штаба подполковника Жукова.

11 июля 1914 года № 292.

Начальнику отделения Главного Артиллерийского Управления.

„По указанию генерал-квартирмейстера имею честь сообщить, что сношение Главного Артиллерийского Управления от 28/30 июня сего года за № 2291 в отделе генерал-квартирмейстера получено.

Сообщенные в нем сведения вполне соответствуют тому, что было выработано на совещании начальника Генерального Штаба 17 июня сего года,—а потому теперь же является крайне необходимым мероприятия, которые решено принять с целью улучшения вопроса о снабжении армии патронами, возможно скорее провести в жизнь, а также установленные сроки готовности полупарков пушечных и винтовочных сообщить в мобилизационный отдел, а для составления планов перевозок—расчеты (о грузе и проч.) в отдел военных сообщений.

Эти сведения желательно получить от Главного Артиллерийского Управления в назначенных отделах не позднее 20-х чисел сего июля.

Причем уведомляю, что для оперативных соображений уже теперь сообщенные сведения в сношении № 2291 приняты в расчет.

Единственно является непонятным в сношении № 2291, что Главное Артиллерийское Управление спрашивает от Главного Управления Генерального Штаба заключение по сообщенным сведениям, которые явились результатом совещаний, как у начальника Генерального Штаба 17-го июня сего года, так и в 1-м делопроизводстве части 2-го обер-квартирмейстера при вашем участии.

Не откажите уведомить, о чем именно желательно иметь заключение Главного Управления Генерального Штаба".

Таким образом мы, имея сравнительно незначительный запас боевого комплекта (примерно раз в десять меньший против того, что потребовалось на самом деле за время войны), не проявили достаточной энергии, чтобы хотя этот запас подать армии беззамедлительно: до конца 1912 года мы миримся с такими нелепыми сроками готовности местных парков, как 480 дней; а когда совещание 6—7 ноября 1912 года установило новые сокращенные сроки (максимальный—в 90 дней), то официальное извещение об этом ГАУ последовало лишь в апреле следующего года. А затем само ГАУ раскачалось лишь в конце июня 1914 года представить в ГУГШ свои соображения о тех мероприятиях, кои необходимы для осуществления этих новых (сокращенных) сроков готовности парков и, повидимому, ГУГШ считает это вполне нормальным. При этом ГАУ считало, что ГУГШ сделает само, как и должно было быть, соответствующие распоряжения по округам (не подведомственным ни в каком отношении ГАУ), но последнее, т.-е. ГУГШ, видимо даже не понимало, что надо сделать, а потому ничего не сделало. Таким образом, эти новые сокращенные сроки так и остались на бумаге, хотя были предрешены в ноябре 1912 г. и даже „в оперативных соображениях учитывались как бы уже существующими . . ."

Читая эту идиллическую переписку двух главных управлений, от которых зависела боевая готовность армии, можно подумать, что речь шла о каких-то сущих пустяках и притом во время глубочайшего политического затишья, а не за месяц до ясно уже определившейся войны.

После всего сказанного вполне естественно, что с началом мобилизации начались крайние затруднения с изготовлением и подачей местных парков, вследствие того состояния, в каком находились к этому времени боевые припасы как в войсковых артиллерийских частях, так и

в окружных складах (местных парках). Об этом состоянии необходимо сказать особо.

4) Состояние боевых комплектов перед войной.

Состояние это можно охарактеризовать, „как полнейший хаос“. Трудно представить, до какой степени этот важнейший вопрос мало интересовал как ближайшее начальство—начальников артиллерии и командующих войсками в округах, так и ГУГШ, в ведение которого перешли с 1910 года все мобилизационные вопросы, т.-е. вопросы по боевой готовности армии. Ни одного раза ни в одном из округов не было произведено поверки наличия, порядка хранения и освежения боевых комплектов по инициативе местного или центрального войскового начальства. И только один начальник ГАУ, являвшийся с 1910 года не более, как главным артиллерийским каптенармусом, распинается на все лады, уговаривая вышедших уже из сферы его влияния начальников окружных артиллерийских управлений и совсем с ним не считавшихся строевых артиллерийских начальников навести, наконец, хоть какой-либо порядок в том хаосе, какой являло собой хранение боевых припасов в частях войск и в окружных складах.

Правда, надо признать, что было много и не зависевших от местных властей причин, в силу которых завести должный порядок в этом деле было затруднительно.

Из них стоит упомянуть о следующих.

Во-первых, после Японской войны на Дальнем Востоке осталось значительное количество снаряженных 3″ патронов, которые надо было ликвидировать возможно скорее, отпуская их, во избежание порчи, на практику в первую очередь, чем задерживалось освежение комплектов самих войсковых частей.

Во-вторых, огромное количество состоявших в комплектах дистанционных трубок оказались неисправными и нуждающимися в переделке; поэтому их пришлось из многочисленных мест хранения высылать на исправление на трубочные заводы и потом обратно рассылать на места.

В-третьих, согласно новой дислокации (реоргани-

зация обороны государства по программе 1910 года) войсковые части были довольно скоро перемещены в новые пункты стоянок, но помещений там для боевых комплектов одновременно заготовлено не было. Пункты хранения для местных парков были определены и утверждены, как уже сказано выше, только в марте 1911 года; до постройки в этих пунктах надлежащих помещений соответствующие части боевых припасов приходилось держать или в прежних местах их расположения, или даже на заводах. В некоторых пунктах (в Луганске, в Томылове) постройка помещений едва закончилась к началу войны, и то не вполне.

В-четвертых, законами 10 июля 1913 года и 24 июня 1914 года в связи с новой реорганизацией армии, вызывались еще новые изменения дислокации войсковых частей, почему, не успев еще привести в порядок боевых запасов по организации 1910 года, приходилось приостанавливать часть сделанных уже распоряжений по распределению их и заменить их новыми.

И все это делалось почти перед самой войной.

Но как бы ни было, но даже при наличии таких условий порядок должен был быть, и чем труднее была обстановка, тем больше усилий должно было быть приложено, чтобы боевая готовность комплектов не пострадала. А, между тем, этих-то усилий и не было; видно, что по этой части всюду царит недопустимый, преступный хаос. Исчерпав средства частичного воздействия, начальник ГАУ решил обратиться ко всем начальникам штабов в округах (для сведения) и к начальникам артиллерии (для исполнения) с секретным циркуляром от 28/II 1913 г. № 1022, с самыми подробными указаниями о порядке хранения, освежения, расходования и отчетности огнестрельных припасов. Причем в циркуляре указывается на настоятельную необходимость привести в порядок это важное дело.

Однако, этот циркуляр остался гласом вопиющего в пустыне, и через год с небольшим начальник ГАУ вынужден был вновь обратиться к начальникам окружных штабов с новым воззванием (с указанием на угрожающее состояние комплектов—секретн. циркуляр от 26 апреля

1914 года № 1590), из которого считаю поучительным привести следующие выписки:

28 февраля минувшего года предписанием ГАУ за № 1022 (секретно) начальникам всех военных округов было обращено внимание на весьма несовершенное состояние боевых комплектов и практических огнестрельных припасов полевой артиллерии и отчетности по их расходованию. В том же предписании были определенно подтверждены существующие правила освежения комплектов и установлены формы тех сведений, которые настоятельно необходимы ГАУ, дабы иметь возможность своевременно правильно снабжать все округа боевыми припасами и вести их равномерное освежение по всей полевой артиллерии.

Давая все эти указания, ГАУ надеялось побудить все окружные управления и войсковые части привести боевые комплекты и отчетность по ним как в войсках, так и по округам в порядок, при котором только и возможно правильное снабжение войск одним из наиболее существенных предметов вооружения—боевыми припасами.

Миновал год, в течение которого ГАУ делало неоднократные частичные указания на неправильности как в содержании и освежении боевых комплектов, так и в отношении представляемых о них сведений, однако, состояние боевых комплектов, а равно и отчетность о них, продолжают оставаться почти в том же состоянии, в каком они находились и прежде.

Так, в некоторых частях, повидимому, вследствие отсутствия какого бы то ни было порядка в расходовании боевых припасов на практику, отпущенные в прежние годы припасы частью остаются неосвеженными и потому с течением времени боевые комплекты таких частей стали весьма разнообразны по составу. Иногда они состоят из 200—300 различных партий патронов, содержащих порох, изготовленный на семи различных заводах на протяжении двенадцати различных лет, и поступивших на снаряжение в самое разное время после своего изготовления. Таких патронов иногда состоит всего по два—три, иногда даже по одному, почему при стрельбе поневоле приходится за-

ряжать восемь орудий батареи самыми различными патронами.

Само собой разумеется, что от стрельбы такими разнообразными патронами какого-либо успеха ожидать нельзя, так как порох, изготовленный на различных заводах, в разные годы и снаряженный в различное время, несомненно должен дать значительное разнообразие в начальных скоростях, а потому даже при идеально действующих трубках должно получиться весьма сильное рассеивание разрывов шрапнелей, почему часть из них может дать клевки в то время, как другие дадут высокие разрывы. Между тем на практических стрельбах большое рассеивание разрывов неизменно привыкли относить к неисправности трубок, упуская из виду, что при разнообразии зарядов никакие трубки не могут действовать правильно.

Почти во всех частях боевые припасы распределены неправильно по старшинству их заготовления. Вопреки категорическим указаниям существующих правил, подтвержденных указанным выше предписанием, некоторые войсковые части и округа продолжают тратить вновь получаемые боевые припасы на практику или кладут их в комплекты первоочередных частей, оставляя старые лежать без освежения. Пролежавший долго в патронах порох портится; в лучшем случае его приходится отправлять на переделку, а то и вовсе уничтожать, что наносит материальный ущерб и непроизводительно ослабляет состояние боевых комплектов.

В некоторых частях без нужды накопляется весьма значительное количество холостых зарядов (свыше 8000) и притом еще весьма старых годов заготовления. Стрельбу подобными зарядами производить не следует, так как после 8 лет хранения в среднем климате и после 6 — в южных округах, холостой порох, а также и заряды из него не должны быть употребляемы для стрельбы. Подобный порох надлежит уничтожать сжиганием, что части не всегда исполняют (цирк. Гл. Арт. Упр. № 90—1913 г. и № 3 — 1914 года).

Годами образовавшийся беспорядок в состоянии и освежении боевых комплектов несомненно потребует продол-

жительного времени, пока, путем ежегодного расхода старых и разнообразных припасов на практику, удастся привести все комплекты в надлежащий вид. Значительностью работы по приведению боевых комплектов в порядок объясняется то обстоятельство, что большинство округов и войсковых частей не были в состоянии в течение минувшего года исполнить по существу указанное выше предписание № 1022. Однако, ничем нельзя объяснить того, что в течение целого года ни один из округов не дал вполне удовлетворительного сведения о состоянии в нем всех боевых припасов полевой артиллерии, хотя бы и не приведенных в полный порядок".

2) „В виду этого прошу вас, по докладе командующему войсками округа настоящего сношения и копии предписания № 1022—1913 года, сделать распоряжение о принятии решительных и энергичных мер к устранению указанных непорядков".

3) „В виду этого я полагал бы необходимым:

Произвести в войсковых частях полевой артиллерии округа, в местных парках и в складах фактическую поверку боевых комплектов и практических огнестрельных припасов".

После этого воззвания в округах немножко зашевелились и только этому наша армия и была обязана тем, что грянувшая через 3 месяца война застала наши боевые комплекты, по крайней мере в „возимых запасах" артиллерийских частей, уже не в том беспорядке, в каком они пребывали столь долгое время. К сожалению, того же нельзя сказать про „местные парки", которые не удалось привести даже в самый скромный порядок, ибо вследствие неготовности к началу всех помещений отдельные элементы выстрелов не были правильно распределены по пунктам хранения и потому, в то время, как в одних из складов некоторые части патрона состояли в избытке, — в других их не хватало для составления полных патронов.

В одних складах был избыток снарядов, в других их недоставало, но зато был избыток зарядов и т. п. Большое количество пороха находилось на заводах или в виде готовых зарядов, или в виде порохового материала, еще не

развешеннного в заряды. Снаряды, изготовленные на уральских заводах, доставляемые обыкновенно водным путем только к осени, еще не были доставлены. Дистанционные трубки частью еще не поступили после переделки с трубочных заводов. При таких условиях до самой войны произвести точный учет состояния комплектов не представлялось возможным, почему во всех сведениях и справках по этому вопросу, для осторожности, приходилось показывать около 600.000 патронов в недостатке, грубо считая, что приблизительно это количество было израсходовано в течение летней практической стрельбы и еще не было возмещено присылкою с заводов, которая обыкновенно заканчивалась осенью.

Желая предупредить подобный, хотя бы и временный недостаток патронов в комплектах, ГАУ еще в 1913 году, кроме обычного заказа их на практическую стрельбу, заказало их в том же количестве на год вперед; однако, вследствие перегруженности заводов выполнения этого мероприятия можно было ожидать только к 1917-му году.

Таким образом, ко времени начала кампании в значительной части местных артиллерийских парков не доставало положенных тех или других частей патрона, и их пришлось подвозить или из других пунктов расположения парков, или с заводов уже после объявления мобилизации.

Это обстоятельство имело крайне существенное влияние на скорость снаряжения парков, которое во многих случаях приостанавливалось исключительно только вследствие того, что при общей перегрузке железных дорог, несмотря на целый ряд принимаемых мер, своевременно не удавалось подвозить требуемые составные части патрона для питания снаряжательных мастерских.

Вот при каких условиях, в отношении снабжения ее боевыми комплектами, выступила в кампанию наша полевая артиллерия.

Теперь посмотрим, как же была выполнена подача на фронт той части комплектов, которая хранилась в этих „местных парках“.

5) Подача местных парков на фронт.

В момент объявления войны и во время мобилизационного периода всей хозяйственной частью ГАУ, а в том числе и отправкой местных парков на фронт, ведал ген. Смысловский, который дал верховной следственной комиссии об этом важнейшем периоде войны весьма интересные и обстоятельные показания, сущность которых сводится к следующему.

Основываясь на том, что мобилизацию было повелено произвести по мобилизационному расписанию 1910 года, можно было предположить, что при приведении армии на военное положение, ее развертывании и даже первоначальных действиях будут приняты те сроки готовности распределения, основы и законоположения и прочие данные, которые служили предметом изучения и разработки в течение многих десятков лет нашей подготовки к войне на западном фронте. Еще больше оснований было ожидать, что будут соблюдены по крайней мере те основы, которые были положены в основание устройства армии и всей обороны государства по организации 1910 года, действовавшей без малого четыре года.

Действительность, однако, показала иное.

С первых же дней войны, кроме собственно мобилизации войск (и то за исключением местных парков) чуть ли не все начало подвергаться коренной ломке и изменению. Принципы довольствия армии патронами, норма этого довольствия, распределение парков по армиям, самая организация этих армий, положения о порядке довольствия,— словом, трудно назвать, что же уцелело нетронутым: даже штаты войсковых частей и те едва-ли не все изменены разнообразными и многочисленными распоряжениями. Некоторые из этих нововведений и мероприятий требуют по своей природе весьма длительного времени для своего осуществления; некоторые оказались вовсе неосуществимыми; между тем как зачастую и штаб верховного главнокомандующего и ГУГШ, отдав распоряжение или указание, по большей части считали, что этим будто бы сделано все и что исполнение не происходит своевре-

менно не от физической невозможности исполнить требуемое, а от каких-то злостных причин.

Для того, чтобы наглядно представить все те изменения, которые произошли с местными парками в течение первого же месяца войны в отношении их типа, готовности и назначения, ген. Смысловский в своем показании верховной следственной комиссии приводит сравнительную ведомость, из которой видно, что 98 из 112 местных парков в большей или меньшей степени подвергались означенным изменениям. (Табл. № 2—стр. 58).

Из этой ведомости явствует, что сокращение сроков готовности местных парков, намеченное еще в совещании 6—7-го ноября 1912 г., так и осталось только на бумаге, ибо, чтобы оно осуществилось на самом деле, надо было прежде всего построить новые (или расширить имевшиеся) помещения для снаряжательных мастерских, снабдив их всем необходимым для работы, а также отоплением и освещением, а затем развезти по всем этим пунктам в соответственном количестве все элементы выстрелов. Кроме того, необходимо было провести ряд организационных мероприятий. Ничего этого до самой войны сделано не было: из приведенного выше письма делопроизводителя части 1 обер-квартирмейстера ГУГШ пол. Жукова от 11. VII. 1914 года № 292 секр., видно, что ГУГШ „желает получить сведения о необходимых мероприятиях не позже 20-х чисел сего июля“. Да и сам бывший начальник ГУГШ ген. Янушкевич в вышеприведенном официальном письме от 21. VII. 1914 года к начальнику ГАУ обращается „с усердной и настоятельной просьбой о разработке и осуществлении теперь же всех мероприятий по ускорению готовности местных парков“. Начальник генерального штаба считает, повидимому, вполне естественным, что такой разработки до сих пор сделано не было.

Почему же было упущено более полутора лет (с половины ноября 1912 года до половины июля 1914 г.), в течение которых, конечно, можно и должно было справиться с осуществлением мероприятий, намеченных совещанием 6—7 ноября 1912 г. А вот почему:

Табл. № 2.

Сравнительная ведомость № 1

типов мобилизационной готовности и распределения по армиям местных арт. парков по распоряжениям—до войны и после объявления ее.

№№ парков.	Тип парка.	Готовность парка по распоряжениям:		Распределение по армиям парков по распоряжениям:		Были ли изменения в мобилизац. предположении.	Примечания.
		До войны.	После ее объявления.	До войны.	После ее объявления.		
1	А.	—	—	I	I	Не было	1) Впоследствии назначен на с.-зап. фронт. 2) Впоследст. назначен на ю.-з. фр. 3) Таким образом, из 112 парков только 14 или ок. 12% не претерпели изменений ни в сроке готовности, ни в первоначальном назначении. Остальные же 98 парков получили либо новые сроки готовности, либо новые маршруты.
2	„	—	—	II	II	„	
3	„	—	12	III	III и VIII	было	
4	„	—	19	III	III и VIII	„	
5	„	—	26	VII	VII	„	
6	„	—	—	I	I	нет	
7	„	—	—	II	II	„	
8	„	—	—	II	II	„	
9	„	—	—	V	V	„	
10	„	—	26	III	III и VIII	было	
11	„	—	—	VI	VI	нет	
12[1])	„	—	—	Кавказ.	III и VIII	да	
13	„	—	—	„	Кавказ.	нет	
14	„	—	—	„	„	„	
15	„	—	—	Туркест.	С.-зап.	да	
16	„	—	—	„	„	„	
17	„	—	—	„	Туркест.	нет	
18	„	—	—	Примрск.	Примрск.	„	
19	„	—	—	„	„	„	
20	Б.	12	12	I	I	„	
21	Б.—А.	12	—	I	I	да	

№№ парков.	Тип парка.	Готовность парка по распоряжениям:		Распределение по армиям парков по распоряжениям:		Были ли изменения в мобилизац. предположении.	Примечания.
		До войны.	После ее объявления.	До войны.	После ее объявления.		
22	Б.	19	12	I	I	да	
23	„	26	19	I	V	„	
24	„	33	26	I	IV	„	
25	„	12	12	II	II	нет	
26	„	12	12	II	IV	да	
27	„	19	19	II	V	„	
28	„	26	26	II	IV	„	
29	Б.—А.	19	—	III	III и VIII	„	
30	Б.	26	26	III	III и VIII	„	
31	„	33	10	III	III и VIII	„	
32	Б. А.	12	—	IV	II	„	
33	Б.	40	—	IV	Мин. В.О	„	
34	„	61	12	IV	„	„	
35	„	19	12	V	II	„	
36	„	47	19	V	Мин.В.О.	„	
37	Б. А.	68	33	V	„	„	
38	Б.	12	—	VI	С.-Зап.	„	
39	„	19	19	VII	„	„	
40	„	26	26	VII	Ю.-Зап.	„	
41[2])	„	19	26	Забкл.	К. В. О.	„	
42	„	12	12	„	„	„	
43	„	26	26	„	„	„	
44	„	12	12	Приамур.		„	
45	„	30	12	VI	Дв. В. О.	„	

№№ парков.	Тип парка.	Готовность парка по распоряжениям:		Распределение по армиям парков по распоряжениям:		Были ли изменения в мобилизац. предположении.	Примечания.
		До войны.	После ее объявления.	До войны.	После ее объявления.		
46	Б.	60	19	VI	VI	да	
47	"	90	33	VI	Дв. В. О.	"	
48	"	120	47	VI	VI	"	
49	"	150	54	VI	VI	"	
50	"	180	61	VI	VI	"	
51	"	60	12	Кавказ.	С.-Зап.	"	
52	"	90	33	"	"	"	
53	"	120	40	"	"	"	
54	"	150	47	"	Кавказ.	"	
55	"	60	26	Приамр.		"	
56	"	90	47	"		"	
57	В.—А.	60	—	В. Мин.	Ю.-Зап.	"	
58	"	90	—	"	"	"	
59	"	120	—	"	"	"	
60	"	150	—	"	В. М.	"	
61	В.	180	33	"	"	"	
62	"	210	40	"	"	"	
63	"	240	54	"	"	"	
64	"	270	68	"	"	"	
65	"	300	75	"	"	"	
66	"	330	82	"	"	"	
67	"	360	89	"	"	"	
68	"	30	26	"	Ю.-Зап.	"	
69	"	60	26	"	"	"	

№№ парков.	Тип парка.	Готовность парка по распоряжениям:		Распределение по армиям парков по распоряжениям:		Были ли изменения в мобилизац. предположении.	Примечания.
		До войны.	После ее объявления.	До войны.	После ее объявления.		
70	В.	90	33	В. Мин.	Ю.-Зап.	да	
71	"	120	33	"	В. М.	"	
72	"	150	40	"	"	"	
73	"	180	40	"	"	"	
74	"	210	47	"	"	"	
75	"	240	47	"	"	"	
76	"	270	54	"	"	"	
77	"	300	54	"	"	"	
78	"	330	61	"	"	"	
79	"	360	61	"	"	"	
80	"	390	68	"	"	"	
81	"	420	68	"	"	"	
82	"	450	75	"	"	"	
83	"	60	26	"	С.-Зап.	"	
84	"	90	33	"	"	"	
85	"	120	40	"	"	"	
86	"	150	54	"	В. М.	"	
87	"	180	61	"	"	"	
88	"	210	75	"	"	"	
89	В.—А.	240	82	"	"	"	
90	"	60	—	"	Ю.-Зап.	"	
91	"	90	—	"	С.-Зап.	"	
92	"	120	—	"	"	"	
93	"	150	—	"	"	"	

№№ парков.	Тип парка.	Готовность парка по распоряжениям:		Распределение по армиям парков по распоряжениям:		Были ли изменения в мобилизац. предположении.	Примечания.
		До войны.	После ее объявления.	До войны.	После ее объявления.		
94	В.—А.	180	—	В.—М.	В.—М.	да	
95	"	210	—	"	"	"	
96	"	240	—	"	"	"	
97	"	270	—	"	"	"	
98	"	300	—	"	"	"	
99	"	330	—	"	"	"	
100	"	360	—	"	"	"	
101	В.	390	40	"	"	"	
102	"	420	47	"	"	"	
103	"	450	54	"	"	"	
104	"	480	61	"	"	"	
105	"	60	19	"	С.-Зап.	"	
106	"	90	26	"	В.—М.	"	
107	"	120	33	"	"	"	
108	"	150	40	"	"	"	
109	"	180	47	"	"	"	
110	"	210	54	"	"	"	
111	"	240	61	"	"	"	
112	"	270	68	"	"	"	

С одной стороны, ГУГШ ограничилось только составлением журналов совещаний, обсуждавших мероприятия, необходимые для увеличения готовности местных парков; дальнейшим же проведением в жизнь этих мероприятий ГУГШ озабочено не было, полагая, повидимому, что все это как-то сделается само собой. Между тем, как наме-

ченные мероприятия, будучи по существу организационными и мобилизационными, подлежали с 1910 года исключительному ведению ГУГШ, могли быть осуществлены только через непосредственное его сношение с главными начальниками военных округов. И только по выяснении этих сторон дела—хозяйственная сторона уже должна была пройти через ГАУ, но опять-таки в виде определенных ему указаний со стороны ГУГШ.

С другой стороны, ГАУ, получив журнал означенного совещания, в котором участвовал и его представитель, и зная, значит, что надо делать, слишком понадеялось на то, что все, следуемое по сему журналу, будет исполнено надлежащим образом ГУГШ, и слишком формально посмотрело на свою собственную роль в этом важнейшем деле. Такой упрек ГАУ следует сделать тем более, что оно к этому времени уже имело не мало случаев убедиться в том, что ГУГШ, несмотря на захваченный им громадный круг ведения, не стало еще действительным хозяином дела и безусловно нуждалось не только в подсказывании, а и просто в работе за него.

То обстоятельство, что и после совещания 6—7 ноября был еще ряд совещаний по тем же вопросам и что все время шли дальнейшие реорганизации армии, сопряженные с дислокационными изменениями, неизбежно отражавшимися на плане размещения и сроках подачи местных парков,—все это не должно было влиять на приостановку основных распоряжений, которые должны были быть сделаны сразу же; и одновременно должны были быть испрошены необходимые кредиты и приступлено к постройкам (расширениям) и заготовлениям.

Вот за исполнением всего этого как ГУГШ, так и ГАУ никто не доглядел.

А что же делал в это время г. военный министр и его помощник, специально для того и назначенный, чтобы недреманным оком следить за всем, что касается боевой готовности армии?

Пусть они сами ответят на этот вопрос.

Но так или иначе, а к началу войны ничего существенного по усилению готовности местных парков сделано не было, и ускорение их подачи на фронты изменением их типа, срока и мест назначения стало делаться уже после объявления войны, в порядке исключительной экстренности и без всякого предварительного уведомления ГАУ. Когда же оно протестовало против таких экспромтов и просило заранее сообщать ему предполагаемые изменения в плане снабжения армии парками, то ему было отвечено, что „для Главного Артиллерийского Управления нет никакой надобности знать подробности распределения местных парков по фронтам и армиям, а следует только удовлетворять очередными готовыми парками требования главных начальников снабжений двух фронтов и трех отдельных армий (Петроградской, Одесской и Кавказской), которые и будут указывать пункты назначения парков“. Теоретически такой порядок, конечно, возможен и допустим, но лишь при условии, что у ГАУ всегда имеются готовые парки, подача которых могла производиться беспрепятственно в любой пункт, по требованию любого из поименованных начальников снабжений, по кратчайшему направлению или если бы хотя все элементы парков были уже завезены на свои места и помещения для снаряжательных работ готовы. На деле же выходило совсем не так: готовых и свободных от назначения парков в ГАУ не было в течение всего первого года войны; элементы выстрелов и имущество парков были разбросаны в разных местах; в виду же огромности протяжения фронтов и наших расстояний вообще и условий нашего транспорта, хромавшего с самого начала войны, а также той неподготовленности к работе артиллерийских складов, о которой было сказано выше (особенно отсутствия помещений для снаряжательных работ)—вот в виду всех этих обстоятельств и оказывалось, что иногда данный (готовящийся) парк выгодно было послать лишь по некоторому определенному направлению, а по другому скорее поспеет следующий (более позднего формирования) парк в силу данных местных условий. Поэтому все эти условия надо учитывать заблаговременно и знать, куда, сколько и каких парков надо направить;

тогда и можно, сообразно со всею совокупностью влияющих на успех дела причин, составить хотя бы и наспех, но все же сколько-нибудь обдуманный план подачи парков по соглашению с управлением военных сообщений ГУГШ. Ведь в такой подготовительной работе весь смысл „мобилизационных расписаний", составлявшихся в мирное время, и если вследствие тех или иных причин в начале войны такие расписания оказались нарушенными, то, казалось бы, надо было дать хоть наскоро составленное новое, а не затруднять и без того выбитое из колеи ГАУ какими-то „секретами" от него, которые все равно пришлось раскрыть перед ним, но уже с таким опозданием, что поправить дело было очень трудно.

Для иллюстрации того беспорядка, какой царил по этой части на фронтах, ниже приводится выписка из рапорта полковника Гронова, специально командированного ГАУ на фронты с целью выяснить, что там творится с парками, посылаемыми прямо в адрес главных начальников снабжения, как это требовала Ставка в целях сохранения секрета и, яко-бы, большего порядка в этом деле.

„В отношении снабжения войск боевыми припасами замечались на театре военных действий следующие недочеты:

При отправке на театр военных действий местные парки зачастую получали приказание по прибытии на место поступить в распоряжение генерала Забелина.

Фактически, по прибытии на место, в Здолбуново, Казатин, генерала Забелина парк не находил и посылал ему телеграмму по месту нахождения. В это время получалась телеграмма за подписью заведующего снабжением одной из действующих армий с требованием снарядов, а рядом телеграмма ген.-лейт. Голицына с приказанием никому не отпускать снарядов без его распоряжения. Начальник парка недоумевал, как ему поступить. В результате отправка снарядов задерживалась, и зачастую снаряды зря катались по линии железной дороги.

Так, около 14/27 сентября 1914 года 15 тяжелый местный парк прибыл на станцию Здолбуново. Была полу-

чена телеграмма от г.-м. Фельдта с требованием выслать в Львов два вагона снарядов. Исполнив требование и послав об этом телеграмму г.-л. Голицыну, командир парка получил от последнего приказание о возвращении посланных 2-х вагонов, а через некоторое время от него же пришла телеграмма об отправке по тому же направлению 2-х вагонов. В виду того, что возвращаемые 2 вагона еще не прибыли, во избежание задержки были отосланы новые 2 вагона в том же направлении.

Около 1 сентября 18 мортирный местный парк прибыл из Кременчуга в Здолбуново. Ехал большой скоростью. Оси вагонов горели. По прибытии на станцию командир парка донес г.-л. Голицыну, простоял около 2-х дней, получил приказание возвратиться в Казатин 3 сентября, в тот же день получил распоряжение ехать в Львов через Здолбуново; в результате парк 2 раза проехал расстояние от Казатина до Здолбунова.

21 сентября была получена телеграмма от г.-л. Похвиснева об отправке 53 Кавказского местного парка из Казатина на станцию Молодечно. Так как парк состоял в распоряжении г.-л. Голицына, то требование г.-л. Похвиснева было сообщено первому, от которого была получена телеграмма не отправлять 53 парка, и впоследствии телеграмма об отправке этого парка по назначению на станцию Молодечно была получена 24 сентября. В результате отправка парка задержалась на 3 дня.

У некоторых командиров парков была инструкция для расходования боевых припасов, которая фактически не выполнялась, так как заключала в себе ряд требований, не отвечающих требованиям войны.

Например, парк по прибытии на место, согласно инструкции, должен был выгрузить ящики со снарядами. Если бы это выполнялось и ящики со снарядами выгружались по прибытии в Казатин, Здолбуново и т. д., то отправка снарядов по первому требованию могла бы быть произведена только через несколько дней. По этой причине упомянутое требование инструкции не выполнялось. По прибытии к армии парк должен был передать свои снаряды армейскому парку, забрать пустые ящики с гильзами

и возвращаться в место сформирования. Фактически парк зачастую прибывал на место, где никакого армейского корпуса не было, выдавая снаряды прямо в войска и получая пустые ящики.

В виду того, что у всех парков была инструкция для их работы, а на месте, повидимому, не во всех армиях были на этот счет определенные указания, наблюдалось, особенно на станциях галицийских железных дорог, большое скопление ящиков с гильзами, у которых не было хозяина.

В частности, напр., на станции Волочиск 24 сентября (7 октября) комендант просил указаний, как ему поступить с транспортом снарядных ящиков с гильзами, прибывших из Галиции без определенного назначения. На станции около Львова груды ящиков и гильз лежат без всякой охраны.

В это же время на складах империи не хватало ящиков для патронов, и некоторые парки, например 66, прибыли с патронами в заводской укупорке на гвоздях, в которой колпаки трубок могли повреждаться при перевозке.

Параллельно с этим в Львове приходилось встречать командиров парков, которым были поручены специальные задачи, не относящиеся к снабжению армии, по сбору и сортировке отбитого у австрийцев оружия и амуниции; таков, напр., командир 71 местного легкого парка, прапорщик Мациевич, который, сказать кстати, валил в одну кучу подобранные с поля не разорвавшиеся снаряды вместе с новыми нестрелянными патронами".

Вот что заметил один человек во время кратковременного пребывания в тылу фронта, где он побывал только проездом. Можно же себе представить, какова была бы картина, если бы подробно обследовать все там творившееся. И действительно, от разных начальствующих лиц поступало немало жалоб на тот беспорядок, который царил в этой области на фронте, и только благодушная Ставка ничего этого не замечала, считая, что тут ГАУ не о чем беспокоиться и что все будет сделано как следует распоряжениями главных начальников снабжения.

Все это, вместе взятое, да еще особенно в связи с новым положением о полевом управлении войск, как снег на голову свалившимся уже после объявления войны и в корне разрушившим все прежние основы управления и снабжения армии,—все это неизбежным следствием имело ту путаницу и неразбериху, в которой очутились штабы и управления армии, с одной стороны, и довольствующие органы тыла—с другой. Как курьез при этом можно отметить такой факт: на-ряду с таким сверх-новшеством, как „положение о полевом управлении", остался и такой анахронизм, как „инструкция для местных артиллерийских парков" издания 1888 года. В свое время эта инструкция, в виду перевооружения полевой артиллерии новой скорострельной пушкой, была переработана и в новом виде представлена в ГУГШ, которое так до начала войны и не удосужилось рассмотреть и ввести его в жизнь.

Здесь же следует отметить еще одно обстоятельство, отозвавшееся неблагоприятно на своевременности подачи местных парков на фронты: это—подчинение военных округов пограничного пространства главным начальникам снабжений. Эти начальники сочли себя полными хозяевами всего того, что хранилось в складах на территории этих округов; а между тем в составе этого имущества было такое, которое вовсе не принадлежало к запасам обслуживаемых ими армий, но составляло общие запасы военного ведомства. К числу таких предметов должны быть особенно отнесены запасы винтовок, патронов к ним и частей пушечных патронов, так как последние еще не были перевезены в те пункты, где им надлежало бы быть по организации 1910 года, вследствие отсутствия готовых помещений. Впоследствии потребовалось вмешательство штаба Верховного главнокомандующего, чтобы убедить начальника артиллерийских снабжений северо-западного фронта в том, что излишние против табелей патроны, как лежащие в складах района, так и снаряжаемые вновь в питательном пункте в Двинске, не составляют собственности фронта и не могут расходоваться и отпускаться без распоряжения ГАУ. Подобные же недоразумения

происходили и в районе 6 армии, где начальник артиллерии однажды даже завладел чужими орудиями, присланными с фронта на Петроградский орудийный завод для починки, после которой они были переданы для временного хранения и отправки в Петроградский артиллерийский склад.

Это обстоятельство между прочим не позволило ГАУ своевременно вывезти из складов Виленского округа значительное количество дистанционных трубок, в которых ощущалась одно время крайняя нужда в других пунктах при снаряжении местных парков, а часть находившихся в этих складах патронов так и исчезла без учета.

Наконец, представлявшееся в начале войны вполне нормальным самостоятельное предъявление требований к ГАУ со стороны пяти главных начальников снабжений (двух фронтов и трех отдельных армий) скоро было признано нецелесообразным и недопустимым, и штаб Верховного главнокомандующего сделал распоряжение, чтобы ни один парк не посылался в армию иначе, как по его непосредственному распоряжению и назначению, т.-е. окончил тем, с чего следовало начать и на чем настаивало ГАУ.

Резюмируя все сказанное, ниже привожу краткую сводку причин, препятствовавших с объявлением мобилизации беззамедлительной подаче местных парков на фронты.

1) Недостаточность и неподготовленность помещений, а также недостаточная обеспеченность рабочим составом артиллерийских складов, как результат непроведения в жизнь мобилизационных и хозяйственных мероприятий, вытекавших из новой организации армии 1910 года и последующих к ней изменений и дополнений, особенно указанных в журнале совещаний начальников окружных штабов 6—7 ноября 1912 года.

2) Полная неосведомленность окружных артиллерийских управлений о состоянии наличия в подведомственных им складах количеств отдельных составных частей 3″ па-

трона. Точных сведений по этой части не имелось не только в таких складах, как, например, Петроградский, имевший значение общеимперского склада, в котором кроме имущества своих местных парков хранилось еще имущество и для других округов, как поступившее с самого мощного по части изготовления боевых припасов Петроградского промышленного района, или Казанский, принимавший наряды от уральских заводов и порох от Казанского,—а даже в самых скромных и наименее обремененных имуществом, как, например, Курский или Киевский.

Полная невозможность добиться сколько-нибудь точных сведений об имуществе складов Азиатской России заставила принять героическую меру: огулом вытребовать все их имущество у местных парков в, и без того перегруженные, склады Европейской России.

3) Разбросанность по всей территории России отдельных элементов выстрела и неудовлетворительная работа транспорта по свозу их в соответствующие склады. Все усилия транспорта были направлены почти исключительно на перевозки войск, при чем сильно игнорировались наряды для артиллерийских складов, перевозкам которых предоставлялось преимущество только по порожним направлениям. Были, например, случаи, когда крайне нужные для снаряжения парков дистанционные трубки шли из Петрограда в Москву 12 дней. Неоднократные обращения ГАУ за содействием в ГУГШ, давая помощь в отдельных случаях, общее положение мало изменили.

4) Затруднения с личным составом. По мобилизационным планам мирного времени предполагалось, что личный состав артиллерийских складов, пополняемый с объявлением мобилизации из запаса, составляет в то же время и личный состав формируемых при складе местных парков. Отсюда естественно, что по мере формирования и отправки их на фронты личный состав складов должен постепенно ослабевать и может даже совсем иссякнуть. Как же быть дальше? Никаких указаний в мирное время об обязательстве возвращения обратно в склады личного состава исчерпанных на фронтах парков не было, а потому фронты и не возвращали такового. (В этом нельзя не видеть хотя и

косвенного, но очень веского подтверждения того, что вести войну предполагалось только на запасы мирного времени). Вследствие этого интенсивность работ в складах неизбежно понижалась с уходом наиболее понаторевших в снаряжении парков нижних чинов, и ГАУ стоило не мало времени и хлопот, чтобы добиться возвращения в склады упомянутого личного состава с фронтов вместе с опорожненными парками.

5) Соображения мирного времени о порядке мобилизации и снаряжения парков были в корне нарушены с первых же дней войны новыми распоряжениями и появлением нового, никому неведомого „положения о полевом управлении войск“. Типы, сроки готовности и распределение парков были изменены почти у всех их. Вместо единого определенного расписания, по которому были соображены и координированы все предварительные расчеты и распоряжения,—с первых же дней войны начали сыпаться на ГАУ, а от него на окружные артиллерийские управления и склады, разрозненные, часто несовместимые требования пяти новых независимых хозяев парков—начальников снабжений двух фронтов и трех отдельных армий, что при общем недостатке готовых парков порождало лишние осложнения и досадную путаницу в деле, которое и без того, что называется, шло через пень-колоду. Очень характерен в этом смысле обстоятельный рапорт начальника Томыловского артиллерийского склада ген. Антонова (от 12. V. 1915 года № 511 секр.), который в ответ на телеграфный запрос главного артиллерийского управления донес, в каких условиях складу пришлось снаряжать и отправлять парки на фронты, когда все обдуманное и предусмотренное в мирное время и на основании этого составленный определенный план действий,—все это пришлось отбросить как ненужный хлам и в дальнейшей работе прибегать только к одним импровизациям.

Таким образом, пошла на смарку вся мобилизационная работа мирного времени, весь смысл которой ведь и состоял именно в том, чтобы в горячий мобилизационный

период все можно было разыгрывать „как по нотам“, т.-е., чтобы все главное было заранее предусмотрено и разработано и на долю импровизации остались бы какие-нибудь незначительные мелочи. И вдруг, вместо всего этого — телеграмма из ГАУ такого содержания:

„Начать снаряжение всех местных парков по возможности войсковыми рабочими, при несогласии штаба округа—наемными. Работы вести безостановочно круглые сутки и все праздники, нанимая какое нужно количество рабочих и служащих. Средства испросить по телеграфу“.

Коротко — и не ясно.

Конечно, беззамедлительный по телеграфу отпуск денег—дело большое, но, ведь, чтобы хотя подсчитать потребную сумму, надо предварительно составить какое-то строительное предположение, в виде хотя бы элементарного проекта и сметы необходимых новых построек и расширения существующих, дополнительного оборудования и материалов для работ, отопления и освещения. Ведь работы в складах все опасные, и их с железными печами и керосиновыми лампами производить нельзя, время же наступало уже осеннее, темное и холодное. Наконец, при таком развертывании работ—откуда достать достаточное количество руководителей, знакомых с пиротехническим и лабораторным делом, ведь и их просто за деньги не найдешь. А при привлечении массы вольнонаемных, совершенно несведущих в этом деле рабочих число руководителей неизбежно должно было возрасти в очень сильной степени. Как быть со всем этим,—на это никаких указаний не было. А ведь вся предшествовавшая служба менее всего поощряла к какому-либо проявлению личной инициативы...

Тем не менее, к работам на всех складах приступили и, несмотря на все вышеупомянутые неблагоприятные обстоятельства, подача на фронт всех 112 легких парков была окончена к 20 ноября, т.-е. через **120** дней от начала мобилизации—вместо **480** дней, как это предусматривалось мобилизационным расписанием 1910 года (№ 19), и 90 дней, до которых имелось в виду сократить

время подачи парков последним изменением 1914 года к означенному расписанию (№ 20).

Такой результат следует признать вполне удовлетворительным, имея в виду царивший в складах хаос и полную их неподготовленность для такой форсированной работы. И с уверенностью можно сказать, что если бы хотя в 1913 году окружное начальство и склады были определенно осведомлены о предстоящей им в период мобилизации работе и им тогда же было предоставлено право немедленно приступить ко всем необходимым подготовительным работам и потребные для сего „средства испросить по телеграфу“, а кроме того, помочь складам в подвозе к ним всех элементов патрона,—то вышеозначенный срок готовности парков (120 дней) смело мог бы быть сокращен еще вдвое, если не втрое. А какое значение имело бы такое сокращение—будет видно из следующей главы.

Я не имею, к сожалению, возможности дать вполне точные сведения о том, как шла подача местных парков на фронты хотя понедельно в пределах всего срока в 120 дней, т. к. в это время „парковым делом“ распоряжалось много хозяев, не считавших себя обязанными извещать об этом ГАУ. Но те сведения, которые мне удалось собрать почти через год после начала войны (в июне 1915 года), позволяют дать такую картину последовательности прибытия 116-ти местных парков на театр войны помесячно:

с 20 по 30 июля	1914 г.	было	под.	19	парк.	(типа А).
в августе	1914 „	„	„	24	„	„ „
в сентябре	1914 „	„	„	24	„	„ „
в октябре	1914 „	„	„	24	„	„ „
по 20 ноября	1914 „	„	„	21	„	„ „
и с 20 нояб. по 1 дек.	1914 „	„	„	$4^1/_2$	„	„ „
Всего				$116^1/_2$	парк.	„ „

6) Чего потребовала война.

Итак, мы начали кампанию с запасом по 1000 выстрелов на каждую 3″ пушку, из коих 428[1]) было в „возимых“ запасах, т.-е. при самых войсках, и по 572—в местных парках, которые были поданы на фронты, как только-что было указано, в течение первых 4 месяцев войны. Что всех этих запасов хватит по крайней мере до наступления неизбежного на театре военных действий зимнего затишья, т.-е. месяца на 4 или на 5,—в этом ни у кого не было ни малейшего сомнения. За это время предполагалось, что наши заводы должны раскачаться и наладить как следует свою производительность; а там—зимние месяцы, во время которых будут копиться запасы, и к весеннему оживлению военных действий парки опять будут пополнены. И так далее. Вот какая картина рисовалась в тылу в начале войны.

На деле же вышло совсем не так. Едва начались боевые действия, как с обоих фронтов и из Ставки Верховного главнокомандующего буквально градом посыпались на ГАУ требования, одно другого настойчивее и тревожнее, на пушечные патроны... Чтобы дать представление о создавшемся положении и чтобы потом уже не возвращаться к этому вопросу, я ниже приведу копии с двух десятков наиболее характерных из этих телеграмм.

1.

Шифрованная телеграмма.

Ген.-лейт. Данилова. (Гл. Нач. Снабж. С.-З. фронта). Военному министру.

Подана 10 августа } 1914 года.
Получена 10 августа }

Крайне упорные бои первой армии потребовали огромного расхода трехдюймовых патронов. Генерал Рен-

[1]) Из этих 428 выстрелов—при самых батареях, в их передках и зарядных ящиках, возилось по 212 выстрелов на пушку; остальные же 216 выстрелов на пушку возились в своих артиллерийских (летучих) парках.

ненкампф требует подачи ста восьми тысяч шрапнелей и семнадцати тысяч ста гранат, равно пятидесяти шести миллионов винтовочных патронов. Могу дать ему и даю последний запас: две тысячи гранат, девять тысяч шрапнелей и семь миллионов винтовочных патронов. Главнокомандующий приказал просить вашего содействия скорейшей высылке пушечных, винтовочных патронов на пополнение израсходованных. 409. Данилов.

2.

Генерала Похвиснева. Начальнику Главного Артиллерийского Управления.

Подана 16 августа } 1914 года.
Получена 19 августа

(Эта телеграмма была получена в ответ на запрос ГАУ по поводу предыдущей телеграммы, мало понятной сама по себе).

Большое требование поступило в период, когда не представлялось возможным учесть расход всех приданных ген. Ренненкампфу парков. Настоятельность требований не оставляла сомнений расходе этих парков, а за распределением парков по фронту запасе имел один, находящийся крепости, почему только половину признались возможным израсходовать, что данный момент для фронта являлся последним запасом. 682. Генерал Похвиснев.

3.

Срочно по прямому проводу. Петроград. Начальнику Главного Артиллерийского Управления из Ставки Верховного главнокомандующего, 1454, 89, 27, 8/33 дн.

Главный начальник снабжения юго-западного фронта телеграммой просил скорейшей высылке пушечных и ружейных патронов. В виду громадного расхода указанных патронов, необходимости спешно пополнить почти истраченные запасы, начальник штаба приказал просить вас безотлагательно принять меры к скорейшему удовлетворению просьбы генерала Забелина. Необходимо выслать

спешно те парки, которые могут быть изготовлены в кратчайший срок, ускорив их перевозку по соглашению с начальником военных сообщений. Те же меры принять и в отношении парков, уже направленных в распоряжение юго-западного фронта из Одессы, Челябинска и Кавказа. 556. Кондзеровский. (27.VIII.1914).

4.

Начальнику ГАУ из действующей армии. 5934. Вне очереди. 26, 27, 11, 15 н. (27.VIII.1914).

Благоволите безотлагательной высылкой просимого. Нужда крайняя. Положение критическое, ибо требование громадное и непрерывное. 270. Забелин.

5.

От генерала Забелина. Военному министру, от 28 августа. Из действующей армии.

В дополнение к №№ 262 и 270. Бой напряженный идет по всему фронту—расход патронов чрезвычайный, резерв патронов совершенно истощается. Безотлагательное пополнение необходимо, положение критическое. Прошу экстренной высылки пушечных отправкой хотя бы и не целыми парками, а отдельными вагонами, направляя их в Брест-Здолбуново. Необходимо отправление их ускоренными поездами. 272. Забелин.

6.

Петроград. Военному министру. Ставки Верховного главнокомандующего. 1503. Пр. 46, 28, 2, 45/д. (28.VIII.14).

Расход патронов, особенно пушечных, чрезвычайно громадный; необходима экстренная подача юго-западному фронту местных легких винтовочных мортирных горных парков, не стесняясь их номерами. Во избежание роковых последствий прошу решительного содействия. На места в армии мною командированы генералы Ронжин и Кондзеровский. 577. Янушкевич.

7.

От генерал-адъютанта Иванова. Военному министру.

Подана 29 августа | 1914 года.
Получена 29 августа |

Отпуская последние легкие и полевые патроны местных парков, убедительно прошу выслать экстренно хотя сто пятьдесят тысяч легких пушечных и двадцать пять тысяч полевых гаубичных патронов, в противном случае придется остановить операции по недостатку боевых припасов артиллерии. На-днях представляю сообщение ближайшей местной потребности. 1041. Иванов.

8.

От генерала Забелина из Бреста. Военному министру.

Подана 29 августа | 1914 года.
Получена 30 августа |

Резерв местных парков истощен. Назначенные ныне вышеуказанными номерами телеграмм 8-ю местными легкими парками при наступивших жестоких непрерывных боях армии можно считать обеспеченными едва ли на четыре дня. На дальнейшее время потребуются еще новые местные парки, о скорейшем направлении которых настоятельно ходатайствую. Необходимо назначение местных окончательно снаряженных парков на пополнение расхода патронов армиями из ближайших районов, чтобы они начали подходить Казатин и Брест своевременно на третий день. Благоволите скорейшим ответом о распоряжениях по сей телеграмме. № 317.

9.

Из Ставки Верховного главнокомандующего от 29 августа 1914 г. Начальнику ГАУ. Срочно. По прямому проводу.

Дополнение моей вчерашней телеграммы № 577 считаю необходимым сообщить нижеследующее. Трехнедельные

бои на юго-западном фронте совершенно определенно указали, что центр тяжести их лежит в широком применении артиллерийского огня, без чего невозможно достигнуть каких-либо ощутительных результатов. При применении противником самоокапывания, подготовке ряда параллельных окопов и разброске громадного числа пулеметов по всему фронту—продвигание вперед пехоты возможно лишь при энергичном и притом непрерывном содействии артиллерии, расчищающей доступы к противнику. Вследствие изложенного расход патронов достигает громадных размеров.

В целях всестороннего выяснения этого важного вопроса был командирован на места дежурный генерал. Выяснилось, что в общем на юго-западный фронт было разновременно назначено и уже прибыло в его распоряжение тридцать один легкий парк. Из этого числа ко вчерашнему дню осталось в распоряжении фронта лишь полтора парка и приблизительно по одному парку в армиях.

Если подсчитать общий расход патронов за три недели, то в среднем на каждое орудие получается около тысячи патронов.

Необходимы самые решительные меры к подаче в ближайший срок на юго-западный фронт пушечных патронов, о чем уже сообщено Главному Артиллерийскому Управлению. На ряду с сим необходимо принять меры в заботах о будущем.

По ныне имеющимся в штабе Верховного главнокомандующего сведениям, после высылки в армии парков за номерами 72, 73 и 74 в распоряжении Главного Артиллерийского Управления останется всего двадцать девять легких парков.

Как видно из вышеизложенного, это число обеспечит потребность лишь на короткий промежуток. Между тем, впереди операции против немцев, которые потребуют еще большего расхода артиллерийских патронов, имея в виду большее число пулеметов и орудий. Таким образом, вопрос о питании армии патронами, при чем главным образом надо иметь в виду шрапнели, представляется крайне серьезным и может отразиться пагубно на военных

операциях. Во избежание патронного голода со всеми его последствиями Верховный главнокомандующий требует полного напряжения деятельности в разрешении этой задачи государственной важности. 650. Янушкевич.

10.

Из Ставки Верховного главнокомандующего, от 29 августа 1914 г. Петроград. Военному министру. Срочно. По прямому проводу.

Положение снабжения пушечными патронами положительно критическое. Вся тяжесть современных боев— на артиллерии. Она одна сметает смертоносные пулеметы противника и уничтожает его артиллерию. Пехота не нахвалится артиллерией, однако, последняя достигает этого чрезмерным расходом патронов. Непрерывные шестнадцатидневные и более бои нарушают все теоретические расчеты. Питание юго-западного фронта уже идет за счет северного и одесского округов. Безотлагательная помощь необходима. Без патронов нет успеха. Для выяснения положения этого вопроса и громадных требований войск, из опасения, нет ли невыясненных фронтом залежей, были командированы лично на фронт генералы Кондзеровский и Ронжин. Оба, имея все цифровые материалы, личными переговорами начальством тыла убедились в справедливости тревожных симптомов, грозящих катастрофой, быть может, в последнюю минуту поражения противника. Наискорейшая помощь в этом деле безусловно и неотложно необходима. Убежден лично, что в этом залог окончательного успеха над австрийцами. 652. Янушкевич.

11.

Начальнику ГАУ из действующей армии. 842, 127/128/210, 31, 3, 13 дн. (31.VIII.1914).

42940. Телеграммою от 29 августа № 317 я просил о скорейшем направлении юго-западному фронту новых местных парков из ближайших к театру войны районов с тем, чтобы парки начали прибывать на третий или че-

твертый день, т.-е. не позже второго сентября, ибо тех восьми парков, кои назначены телеграммами ГАУ 42544, 42549 и 42648, хватит едва на четыре дня. Телеграммою 42940 мне сообщается о назначении только винтовочных патронов. Недостает главным образом пушечных патронов. Требуется высылка сюда пушечных патронов, коих расход громадный. Благоволите экстренным направлением юго-западному фронту парков с пушечными патронами и не откажите телеграфным извещением о распоряжениях, дабы быть заблаговременно осведомленным о назначенных пополнениях. Заблаговременная осведомленность мне крайне необходима для моих соображений и распоряжений; усердно прошу скорого ответа. 328. Забелин.

12.

Из Ставки Верховного главнокомандующего от 30 августа 1914 года. Петроград. Начальнику ГАУ. Секретно. По прямому проводу.

Дополнение номера 650. На номер 42924.

Во избежание недоразумений подтверждаю, что для армий требуются прежде всего пушечные патроны, а не ружейные, и все заботы должны быть направлены к безотлагательной подаче пушечных патронов.

Сверх легких парков за номерами 61, 71 и 105, высылаемых согласно вашей телеграммы номер 42925, и трех парков за номерами 72, 73 и 74, подлежащих высылке согласно телеграммы генерала Кондзеровского за номером 100, требуется подать юго-западному фронту еще несколько легких местных парков.

Генерал-адъютант Иванов сообщает, что отпускает последние легкие и гаубичные патроны. Если не будет доставлено до пятого сентября Брест и Ровно поровну сто пятьдесят тысяч легких и двадцать пять тысяч полевых гаубичных патронов, то грозит приостановка операций.

Верховный главнокомандующий приказал просить вас немедленно довести до сведения его высочества о принятых вами мерах. 653. Янушкевич.

13.

Генерал-адъютанта Иванова. Военному министру.

Подана 2 сентября } 1914 года.
Получ. 3 сентября }

За время боев армий фронта с десятого по двадцать шестое включительно на пополнение комплекта батарей и полевых парков израсходованы полностью комплекты легких пушечных патронов двадцати пяти местных парков,— всего около семисот двадцати тысяч патронов, примерно среднем триста пятьдесят на пушку, что должно признать весьма умеренным для указанного периода, поэтому на пять—шесть недель войны следующего периода потребуется до миллиона четырехсот тысяч легких пушечных патронов. Прибыло и назначено одиннадцать местных парков, из коих за пополнением расхода пяти последних дней августа останется не более восьми или всего двести десять тысяч или менее. Поэтому для пополнения вероятного расхода батареях и полевых парках необходимо, примерно, до одного миллиона двухсот тысяч легких патронов. Соответственно указанному расчету расхода потребуется на тот же срок горных двадцать пять тысяч патронов, полевых гаубичных семьдесят пять тысяч патронов, для полевых тяжелых орудий, в виду предстоящих действий у укрепленных пунктов, на три бригады по триста на орудие. Фугасные снаряды должны составлять для легких и горных пушек пятнадцать процентов, для прочих половину. Убедительно прошу о своевременной высылке означенного количества патронов по возможности равными пропорциями течение шести недель, еженедельно равными частями до 10 сентября. № 1165. Генерал-адъютант Иванов.

14.

Предыдущая телеграмма ген.-ад. Иванова была повторена Ставкой со следующим добавлением:

Верховный главнокомандующий приказал сообщить о необходимости принять энергичные меры для своевремен-

ной высылки означенного количества патронов на юго-западный фронт по возможности равными порциями в течение шести недель. Из присланной ГАУ справки от 29 августа о питании действующей армии боевыми припасами относительно пушечных патронов указано: по израсходовании запасов местных парков Европейской России и азиатских округов в Петроград, Двинск и Киев для окончательного снаряжения будут поступать патроны с заводов. Прошу срочно сообщить в точных цифрах, подобно тому, как это сделано в отношении ружейных патронов, какое количество и каких пушечных патронов может еженедельно выпускаться с заводов. Необходимо дать наряды всем заводам не только сухопутного, но и морского ведомства, выделывающим пушечные патроны, на полную их производительность, т. к. с благоприятным разрешением этого вопроса тесно связан успех дальнейших операций. Верховный Главнокомандующий приказал сообщить, что необходимо напрячь все силы и принять самые экстренные меры, не останавливаясь ни перед чем, дабы довести ежемесячное изготовление пушечных патронов до полутора миллионов, т. к. только при гарантии такого обеспечения армии дальнейшие операции, имея в виду борьбу на два фронта, могут вестись с той же интенсивностью, как это имело место до сих пор на юго-западном фронте. 783. Янушкевич.

15.

От генерал-адъютанта Иванова, от 4 сентября 1914 г.
На имя военного министра.

Бои последней недели делают положение патронами легких пушек критическим. Требуется пополнить еще крепостной запас Ивангорода, взятый армией генерала Лечицкого. Для продолжения операций без особого риска необходимо течение недели пополнение сверх назначенных еще не менее 300 тысяч легких и 35 тысяч полевых мортирных. № 1220. Иванов.

16.

Из штаба главнокомандующего юго-западного фронта.
От ген.-ад. Иванова военному министру.

Подана 7 сентября } 1914 года.
Получ. 7 сентября }

Убедительно прошу ответа по номерам 1165 и 1220. Кроме комплекта батарей и полевых парков моем распоряжении остается около двадцати пяти патронов на орудие. Таким запасом патронов нельзя начинать новой операции, которая может продлиться неделю - полторы и более. № 1324. Иванов.

17.

На имя его императорского величества, от Верховного главнокомандующего, отправленная из Ставки 8 сентября 1914 г., в 10 ч. 59 м., и полученная в Царском Селе 12 ч. 2 м. дня.

Уже около двух недель ощущается недостаток артиллерийских патронов, что мною было заявлено с просьбой ускорить доставку. Сейчас генерал-адъютант Иванов доносит, что он должен приостановить операции на Перемышль и на всем фронте, пока патроны не будут доведены в местных парках хотя бы до ста на орудие. Теперь имеется только по двадцать пять. Это вынуждает меня просить ваше величество повелеть ускорить доставку патронов. 4141. Генерал-адъютант Николай.

18.

Из действующей армии, от 10 октября 1914 года. Петроград. Начальнику Главного Артиллерийского Управления. Секретно. Срочно. По военным обстоятельствам.

В дополнение моего номера 3690 от 8 октября 1914 г.

Наступившие упорные бои требуют громадного расхода пушечных патронов. Ежедневный расход составляет от двух до трех местных легких парков. В моем распоряжении осталось 9 легких парков, которых хватит на 3—4 дня.

В виду этого настоятельно и усердно прошу безотлагательно усилить подвоз юго-западному фронту местных легких парков. Благоволите срочно распоряжением, дабы предупредить наступление критического положения, в которое могут стать армии юго-западного фронта вследствие истощения запаса пушечных патронов. Не откажите спешным уведомлением. 639.

Забелин.

19.

Из действующей армии. 6566 ПР 45/44 12 12 54 дн.

Срочно. По военным обстоятельствам. Вне очереди.

Начальнику Главного Артиллерийского Управления.

Положение с пушечными патронами становится критическим; упорные, возрастающим напряжением бои продолжаются, парки быстро истощаются. Благоволите безотлагательным подвозом легких местных парков; ожидаю срочного ответа на свои телеграммы, номера 3690 и 639 от 8 и 9 октября, 670. (21.X.14).

Забелин.

20.

По прямому проводу. Петроград, начальнику ГАУ из Ставки Верховного главнокомандующего. 1624 66 21 10 21 дн. (21.X.14).

В виду непрерывных упорных атак на обоих фронтах связи с сильнейшим огнем артиллерии поступают усиленные ходатайства на парки. Обстановка складывается таким образом, что есть основание ожидать развития в ближайшем будущем генерального сражения. Начальник штаба приказал просить возможно ускоренном снаряжении и высылке особенно легких парков, на которые поступают усиленные требования, желательна возможно быстрая подача хотя бы парков, назначенных в январе. 5486.

Кондзеровский.

21.

Из Ставки Верховного главнокомандующего 161 В|С 26/4 12/3 д.

Военному министру.

Так как Главное Артиллерийское Управление мне не подчинено, равно не могу иметь влияния и на частные заводы, обращаюсь к вам настоятельной просьбой употребить все сверх-меры и достигнуть увеличения отпуска артиллерийских патронов, т. к. все текущие бои протекают в ненормальных условиях из-за недостатка патронов. Подобное положение недопустимо. На деле вижу, что несмотря на все мои настояния еще в августе месяце, дело не исправилось в той мере, как это ожидалось и была полная возможность достигнуть. 161.

Ген.-ад. Николай.

Итак, с первых же серьезных боев в первый же месяц кампании оба наши фронта начали ощущать недостаток в выстрелах. В чем же тут дело? Неужели же были уже израсходованы все запасы, бывшие или долженствовавшие быть в это время при войсках? А ведь этих запасов было не мало: 2.520.000 выстрелов „возимого" запаса; да если к этому прибавить еще 19 местных парков типа А, поданных на фронты до 1 августа, около 552.000, то получается 3.072.000, которые не могли же быть истрачены в две—три недели или хотя бы за весь месяц... А ведь из приведенных выше телеграм так именно и выходило...,

Несомненно, что тут налицо были и преувеличения расхода (в роде 1000 выстрелов на пушку в шестнадцатидневном бою, засвидетельствованных генералами Кондзеровским и Ронжиным и уменьшенных, правда, потом в три раза самим главнокомандующим ю.-з. фронта), и преуменьшения остающегося наличия, и какие-то серьезные дефекты транспорта.

Здесь считаю уместным привести 2 выписки из того места показания ген. Смысловского верховной следствен-

ной комиссии, в котором он говорит о еженедельных сведениях о состоянии выстрелов на фронте, составлявшихся в ГАУ на основании данных, получавшихся из армии:

1) „Особенно гнетущее впечатление производила полная неопределенность поступавших требований и отсутствие освещения обстановки хотя какими-нибудь более конкретными числовыми данными. Необъяснимо прежде всего было то обстоятельство, что все эти требования поступали от лиц, которые лучше чем кто-либо должны были знать нормы боевых запасов, сроки их изготовления и невозможность создания новых запасов не только в течение дней, в какие требовалось пополнение, но даже и долгих месяцев.

Чем могло на все это ответить ГАУ, кроме тех мер, о которых уже было подробно изложено выше, и справок о том, что и без того должно было быть всем хорошо известно! Однако такая справка и была сообщена генералу Янушкевичу, а другая доложена военному министру и государю.

Несмотря на создавшееся крайне трудное положение, я лично не мог отделаться от убеждения, что оно несколько преувеличено и что в действительности в данное время армия располагает в сущности еще достаточным запасом снарядов. Помимо моих теоретических сведений о питании, вопросами о котором я занимался в течение нескольких лет, я не мог отказаться от мысли, что ярко обрисовавшаяся картина тревоги в тылу является прежде всего прямым последствием не столько общего недостатка патронов, сколько тревоги, возникшей где-либо в передовых линиях армии, куда своевременно не было подвезено требуемое количество патронов, фактически находившихся на поле сражения. В этом мнении меня сильно поддерживали подобные же тревоги минувшей манчжурской кампании, только-что случившийся пример армии Ренненкампфа и соображения о том большом и сложном размере происходившей операции, при котором всевозможные непорядки неизбежны. Мне представлялось также, что не малую роль могла сыграть всем хорошо знакомая психология войсковых частей и их начальников, участвующих в тяжелом

бою, когда всякое неблагоприятное известие, зародившееся в передовых линиях, с чрезвычайной быстротой распространяется до глубоких тылов, принимая все большие и большие размеры и приобретая наконец характер паники.

Недавно, уже в должности инспектора артиллерии особой армии, мне пришлось убедиться, что минувшие мои переживания и впечатления имели основания. Во время длительных позиционных боев, которые особая армия вела в течение сентября и октября 1916 года, когда легкие снаряды отпускались беспрепятственно в каком угодно числе и подвозились по узкоколейке, тракторами и транспортами сотнями тысяч чуть ли не к самым позициям батарей, тем не менее батареи и войсковые начальники все-таки продолжали тревожиться об их недостатке и, как это ни странно, был случай, когда в одной из частей возникла тревога, что на орудие осталось всего только по 40 выстрелов. Потребовался целый ряд энергичнейших распоряжений, закончившихся решительным приказом командующего армией, чтобы ликвидировать эту ложно возникшую тревогу".

2) Вычисления средних расходов на единицу оружия в день по данным, получаемым из армии, производились еженедельно; результаты их сводились в особые таблицы.

Разумеется, подобные сведения не могли дать вполне точных данных; однако, пробыв несколько месяцев в действующей армии и зная по личному опыту, насколько под давлением патронного голода войска, инспектора артиллерии и даже штабы армий стараются утаить хотя бы часть патронов в надежде выпросить большее пополнение, я склонен предположить, что состояние патронов скорее преуменьшалось, но вряд ли преувеличивалось.

Из этих сведений прежде всего видно, что до 12/25—14/27 июня 1915 года (время оставления мною должности в ГАУ) *среднее количество патронов на орудие никогда не падало на отдельных фронтах ниже 146, а на все западные армии— ниже 200.*

Можно также видеть, что равномерное и соответствующее действительному расходу патронов питание армий

патронами удавалось не вполне. Так, к 12—14 июня 1915 года в северо-западных армиях состояло 293 патрона на орудие, тогда как в юго-западных их было только 146.

Все это чувствовалось людьми, понимающими дело, но выяснить и доказать, что тут что-то неладно и в какой именно мере—было невозможно; да вряд ли и была бы от этого какая-либо польза; ясно, что тут нужны были не „доказательства“, а побольше снарядов.

Однако, попытка разобраться во всем этом была сделана и в „Справке“, представленной начальником ГАУ 6/19 сентября. Положение с выстрелами для 3″ пушек к этому времени обрисовано в таком виде:

1) На юго-западном фронте, где состояло на вооружении около 2100 легких пушек, „возимые“ запасы были полны, что составляло около 900.000 выстрелов.

2) На северо-западном фронте полевых пушек было несколько больше, но, учитывая потерю их около 300 шт., можно было принять наличие их к этому времени, примерно, одинаковым с ю.-з. фронтом, а потому и возимые запасы их, имевшиеся также полностью, составляли около 900.000 выстрелов.

3) К этому же времени на обоих фронтах, ю.-з. и с.-з., состояло неизрасходованными 29 местных парков, имевших около 850.000 выстрелов.

4) Наконец, оставались еще не снаряженными и не поданными на фронты 38 парков, которые должны были быть готовы в ближайшие два месяца ок.... 1.105.000 выстр.

А всего ок. 3.855.000 выстр.

Вот всего какое количество выстрелов можно было рассчитывать получить ко времени окончания снаряжения всех 112 парков, т.-е. к 20 ноября 1914 года. А так как до этого же времени поступления новых выстрелов с отечественных заводов и из-за границы можно было ожидать не более примерно 100—150 тысяч, то, следовательно, все наши рессурсы по части выстрелов на

ближайшие три месяца представлялись в количестве всего ок. 4 миллионов шт.[1].

Следовательно, судя по указанным донесениям фронтов, с начала войны, т.-е. примерно за месячный период боевых действий, было израсходовано около 38 парков, т.-е. ок. 1,1 миллиона выстрелов. Если верить такому расходу, то оставшегося запаса в 4 миллиона выстрелов могло хватить на 3—3½ месяца при условии, что напряженность боев останется прежняя. Но как раз и Верховный главнокомандующий, и оба главнокомандующих фронтов предвидели усиление этой напряженности, почему и была указана (впервые в телеграмме от 4/17 сентября 1914 г. № 783) норма снабжения армии выстрелами—в 1.500.000 в месяц.

По этой новой норме запаса в 4 миллиона выстрелов могло хватить только на 2½, много на 3 месяца, и, конечно, при израсходовании всего запаса, что называется, до последнего патрона... Но разве могло пойти на это высшее командование армии, не зная, на что оно может рассчитывать в ближайшем будущем, или вернее—зная, что ни на что оно рассчитывать не может... Действительно, ближайшие три месяца после ноября, т.-е. декабрь 1914 года, январь и февраль 1915 года, обещали совсем не много (и на самом деле дали очень мало—по 12 парков или все вместе 1 миллион с небольшим), да и остальные два перед наступлением весеннего оживления — март и апрель—сулили также незначительное усиление подачи (и в действительности оба дали всего 900.000)—с такими надеждами итти на сколько-нибудь значительные операции было стратегически немыслимо, а потому, естественно, все широкие планы, имевшие, якобы, реальные шансы на успех, пришлось отложить, чтобы хоть к весеннему периоду подкопить сколько-нибудь достаточные запасы выстрелов для будущих операций.

Так рассуждало наше высшее командование, и отказать ему при этом в резонности, понятно, было нельзя.

---

[1]) Не считая запаса выстрелов, находившегося в двух отдельных армиях: 6 (Петроградской) и Кавказской.

И всем было ясно, что, имейся у нас тогда в достаточном количестве снаряды для 3″ пушек,—и успех нашей армии был бы обеспечен, и нам не пришлось бы переживать самых трудных дней.

Так тогда думали все, а если кто и сомневался в достоверности донесений Ставки и фронтов, то ему приходилось только молчать, так как проверить свои сомнения, как уже было сказано, не представлялось возможным.

Одним из таких скептиков был с самого начала начальник хозяйственного отдела ГАУ Е. К. Смысловский, который и в то время и потом высказывал свои сомнения относительно основательности слишком преждевременно возникшей тревоги; свои соображения по этому поводу он изложил в показании верховной следственной комиссии, привести выдержки из которых считаю несомненно интересным. Вот они:

1) „Действительно, как мне приходилось слышать неоднократно от моих сотоварищей по оружию и различных строевых начальников,—до половины ноября 1914 года недостатка в патронах собственно в войсках не ощущалось. Все тревоги о них и будущем патронном голоде не выходили за пределы крупных штабов армий и даже фронтов.

Таким образом, если считать, что боевые действия начались с первых чисел августа, то, значит, в течение трех с половиною месяцев питание армии патронами шло так, что подвижные возимые войсковые запасы, т.-е. около 420 патронов на орудие, поддерживались все время в полном составе.

К этому сроку был подан весь запас патронов из местных парков, т.-е. по 1.000 патронов на каждое орудие. Мне неизвестно точное число орудий, действовавших в течение этого периода на западном фронте; однако, во всяком случае можно сказать, что к половине ноября, при отсутствии каких бы то ни было стеснений в расходе патронов, каждое из них израсходовало в среднем около 1000—420=580 патронов, что составит по 166 в мес. Значит, говоря теоретически, к половине ноября оставался еще запас патронов на 420: 166, т.-е. почти на 2½ месяца".

2) „Числовые данные о расходе патронов были поистине ужасны. Судя по телеграмме № 650, если подсчитать общий расход патронов за три недели, то в среднем получится на каждое орудие около тысячи патронов, т.-е. весь запас мирного времени. Телеграмма № 652 удостоверяет, что генералы Кондзеровский и Ронжин, командированные на юго-западный фронт, „имея все цифровые материалы, личными переговорами с начальством тыла убедились в справедливости тревожных симптомов" (т.-е. в расходе, в среднем, по 1000 патронов на орудие).

Для лиц, незнакомых с законами среднего числа, эти сведения считались окончательным приговором над всеми нашими военными операциями: частная данная о том, что где-то, хотя и в крупном, но все-таки частичном бою, расход патронов в среднем составил около тысячи выстрелов на орудие (а для некоторых, весьма возможно, и значительно превысил это количество),—и без того в тревожно настроенных умах порождала совершенно неправильное распространение и на все остальные орудия русской артиллерии. Забывалось, что в то время, когда на галицийском фронте шли многодневные бои, потребовавшие столь большого расхода патронов, на германском фронте огонь был далеко не столь интенсивным; многие пушки российской артиллерии, входящие в средний расчет того же запаса в 1000 патронов на орудие, в тот же период времени фактически не могли даже сделать ни одного выстрела, так-как или только готовились к бою (например, кавказский фронт), или даже стояли еще на мирных стоянках в далекой Сибири, ожидая похода".

Соображения Е. К. Смысловского были бы совершенно справедливы, если бы речь шла об отдельных эпизодах. Но в том-то и дело, что главнокомандующий южного фронта в своем донесении уже вывел среднее значение расхода выстрелов на пушку, причем самое-то число пушек было вовсе не мало (2050 штук). Допустить же, что этот вывод сделан с грубой ошибкой, никто не смел. А тем не менее такая ошибка была, и именно грубая. Обнаружить ее документально удалось только $2^1/_2$ года спустя, когда в Петрограде собралась междусоюзническая конфе-

ренция. Цель этой конференции, как уже было сказано выше, состояла в том, чтобы помочь России в деле снабжения ее армии, но лишь после того, как ее нужды в этом отношении будут выяснены доподлинно. Поэтому к приезду конференции Ставкой Верховного главнокомандующего был собран и проверен самым тщательным образом весь сюда относящийся материал и на основании его были составлены подробные ведомости наших расходов и нужд, причем с целью выторговать у скупых и недоверчивых союзников как можно больше все наши расходы и нужды были сильно и заведомо преувеличены. Вот почему с полной уверенностью можно сказать, что ни одна данная ни одной из представленных нами на конференцию ведомостей „расхода боевых припасов“—не может быть заподозрена в „преуменьшении“. Так вот в секретном официальном отчете этой конференции, напечатанном на французском языке (в количестве всего 50 экземпляров) во II томе, в приложении № 2, на стр. 4-ой, внизу, в таблице, озаглавленной: Месячный расход боевых припасов, приведены следующие данные о среднем месячном расходе выстрелов из разных орудий:

1) за первые 5 месяцев войны 1914 г. (в месяц)
2) за 5 летних месяцев 1915 г. (в месяц)
3) за 5 летних месяцев 1916 года (в месяц).

Так вот в графе 3″ пушек приведены следующие числа соответственно трем указанным периодам:

1) 464.000 (в месяц)
2) 311.000 „
3) 2.229.000 „

Значит, в течение всех 5 месяцев войны 1914 года, т.-е. с 1 августа 1914 года по 1/14 января 1915 года, всего было израсходовано нами:

464.000 × 5 = 2.320.000[1]) выстрелов.

[1]) И это—всех 3″ выстрелов, считая и горные; значит, одних полевых и того меньше. Но т. к. нельзя установить на сколько, то будем считать, что все это были 3″ легкие патроны.

Эти данные взяты из подлинной „справки“, представленной за подписью бывшего Полевого Генерал-Инспектора артиллерии и составленной, как уже было сказано, со всею тщательностью в „Упарте“ таким добросовестным и аккуратным человеком, как ген. Майдель, по специальным донесениям с фронтов в ноябре—декабре 1916 г., т.-е. тогда, когда все дела и архивы фронтов были еще в целости и неприкосновенности и когда к приказаниям такой высокой инстанции, как Ставка Верховного главнокомандующего, относились с подобающим вниманием.

Так вот интересно теперь сравнить две данные о расходе 3″ выстрелов в 1914 году: ту, которая фигурировала в донесениях с фронтов в начале сентября 1914 г. (и на основании которых и была назначена норма в полтора миллиона выстрелов в месяц), и ту, которая имеется в вышеприведенной таблице отчета конференции января 1917 года.

В телеграмме г.-ад. Иванова от 4/17 сентября № 1165 ясно и определенно сказано, что только за 16-тидневные бои (с 10 по 26 августа (8 сентября) только один ю.-зап. фронт израсходовал 720.000 выстрелов. Что касается расхода выстрелов за август же северо-западным фронтом, то в справке ГАУ царю, а потом и Верховному главнокомандующему от 6/19 сентября 1914 года этот расход определен ок. 9 парков, т.-е. ок. 261.000 выстрелов. Суммарно же за первый месяц войны (август) тою же „справкой“ весь расход выстрелов действующею армией определен в 38 легких парков, т.-е. в 1.102.000 патронов.

По справке же, представленной к 1/I—1917 года на конференцию, средний месячный расход выстрелов в 1914 году показан в 464.000. Конечно, я не забываю, что это с р е д н и й месячный расход и что расходы отдельных месяцев могли значительно разниться между собою. Пусть так. Но ведь средний-то расход был получен от разделения общей суммы расхода за весь год на число месяцев войны, т.-е. на 5, и, значит, эта общая сумма была 2.320.000. Следовательно, выходит, что в августе было израсходовано почти столько же выстрелов (1.102.000),

сколько во все остальные 4 месяца 1914 года (1.218.000)... Вряд ли могло быть так[1]). Но если даже и так, то важно не это обстоятельство, а вот какое.

Согласно приведенному выше, на стр. 5 удостоверению председателя верховной следственной комиссии инженер-генерала Н. Петрова (см. „Свод" о снабжении армии артиллерийскими снарядами, стр. 5, таблица 1) выстрелов к 3″ полевым и конным (без горных) состояло налицо—**5.774.780** штук. Все эти выстрелы были готовы к 20 ноября (3 декабря) 1914 года.

Затем в течение последних дней ноября было подано еще $4^1/_2$ парка и в течение декабря—12 парков, итого—**480.000** выстрелов.

А всего, следовательно, к 1/14 января 1915 года ГАУ было подано **6.255.000** выстрелов.

Значит, если верить, с одной стороны, числам верховной следственной комиссии (вовсе не склонной, как известно, прикрывать грехи ГАУ), а с другой—официальным данным Полевого Генерал-Инспектора артиллерии, представленным им союзнической конференции, то выходит, что в 1915 год мы вступили с запасом выстрелов в 6.255.000—2.320.000 = **3.935.000** или ок. 4 миллионов выстрелов.

---

[1]) Рассуждения автора были бы совершенно справедливы, если бы чувствовавшийся штабами недостаток выстрелов совершенно не отзывался на войсках. Тревога штабов за будущее сказывалась не только в сокращении масштаба оперативных предположений, но также и в ряде распоряжений, запрещающих войскам расходовать более определенного числа выстрелов.

Поэтому нет ничего удивительного, что, израсходовав в августе около 1.102.000 выстр., войска под влиянием, с одной стороны, сокращения операций, а с другой, категорических требований уменьшить расход выстрелов, действительно сократили его и получилось, что в остальные 4 мес. 1914 года всего израсходовано 1.218.000 выстр. Таким образом, если говорить о среднем расходе выстрелов за маневренный период 1914 года, то надо признать правильною цифру около 1.100.000 в месяц, как это указывалось штабом юг.-зап. фронта, а не 464.000, как показано Упартом, так как первая цифра показывала расход, сделанный при нормальных условиях маневренной войны, а последующий расход был искусственно сокращен целым рядом распоряжений об экономии, а также и сокращением оперативных предположений.

Отсюда и обвинение автором войск на последующих страницах в „отвратительном вранье", с целью скрыть некоторое количество выстрелов является необоснованным и недостаточно подкрепленным фактами.

Прим. ред.

Кроме того, здесь не были сочтены 3″ горные выстрелы, коих было до войны запасено 16 парков (или 364.800) и до 1/I—1915 г. подано на фронт еще ок. 7 парков (145.700 шт.); если прибавить их (510.000), то общая сумма получается около $4^{1}/_{2}$ миллионов [1]).

Я полагаю, что всякий не предубежденный, хотя бы и очень строгий, критик согласится, что кричать при таких условиях о какой-то „катастрофе" яко бы из-за недостатка выстрелов, когда их израсходовано было всего 37% или немного более $^{1}/_{3}$ всего запаса [2]), как будто и не резон. И во всяком случае, приостанавливать, а тем паче отказываться, по этой яко бы причине, от выгодных стратегических операций достаточных оснований не было.

В чем же, однако, дело и где, как говорится, зарыта собака? А вот где.

Во-первых, надо установить, что войска на фронте, особенно некоторые группы, несомненно испытывали недостаток в выстрелах, начиная с первого же месяца войны. Им было ни тепло ни холодно от того, что где-то там, в тылу, имеются еще склады выстрелов. Им вынь да подай эти выстрелы в их „возимый запас", в их летучие парки. А как только эти парки начинают пустеть, а на пополнение их выстрелы из тыла не прибывают—начинается тревога, переходящая в панику по мере того, как расход без пополнения продолжается и налицо остается только „батарейный" запас. Этого войска уже не выдерживали, и начиналась бомбардировка начальства нервными телеграммами, а когда и это не действовало, то, значит, было написано недостаточно сильно; надо было сгущать краски, не стесняясь, конечно, истиной, ибо это были как раз те случаи, когда ложь во спасение, а потому надо было бить в набат, употребляя при определении своего положения наиболее сильные выражения, в роде: роковое, критическое, трагическое, катастрофическое...

Так и пошло вранье, вранье самое беззастенчивое, сплошное, начиная с самых маленьких чинов и

---

1) Т. е. $4^{1}/_{2}$ миллиона выстрелов мы имели к 1 января 1915 г., а не к 1 сентября 1914 г., как это представлялось тогда по донесениям с фронтов.

2) А включая 3″ горные патроны, даже меньше трети.

кончая самыми высокими... Врали все, всем, всегда и по всяким причинам. И под гнетом этого отвратительного вранья так мы и провели всю кампанию, и ему, этому вранью, мы обязаны многими бедами и неудачами.

Во-вторых, надо отметить полное неуменье нашего командования распоряжаться имевшимся у нас запасом выстрелов. Пока при Ставке не была учреждена должность Полевого Генерал-Инспектора артиллерии с его управлением (совершенно не предусмотренная, как и некоторые другие крайне необходимые органы, „Положением о полевом управлении войск")—до тех пор в вопросах артиллерийского снабжения и боевого использования артиллерии не было должного руководительства, не было единого хозяина. Поэтому-то и бывали такие случаи, что в одном месте дострелививались чуть ли не последние патроны, в то время, как в другом они почти совсем не расходовались.

А в то же время со стороны высшего командования наблюдалось стремление удовлетворять в одинаковой мере требования всех частей фронтов независимо от возложенных на них задач и других местных условий. Как будто руководствовались одним правилом: распределять боевые припасы возможно равномерно по всему фронту и затем считать их неотъемлемой собственностью получивших. И, конечно, труднее потом отбирать уже данное, чем своевременно попридержать в центральном пункте, в тылу, побольше запаса, чтобы потом двинуть его действительно нуждающимся.

Вообще достойно удивления, как плодотворнейшая идея „резервов", столь элементарно простая и неизменно во всем объеме применяемая во всех без исключения случаях войсковых операций, оказалась так жестоко игнорированной в столь важном деле, как боевое снабжение, где даже зачаточные ростки этой идеи—в виде предположенного зачисления 56-ти парков за военным министром—были сразу же оборваны, как только начались серьезные бои на фронтах. И только с сформированием Полевого Инспекторства артиллерии при Ставке этот вопрос об образовании резервов снабжения был поставлен на правильный путь.

А так как до конца 1915 года такой насущно необходимый орган был в Ставке только в самом зачаточном состоянии[1]), то и не удивительно, что не сумели толком распорядиться в 1914 году шестью с четвертью миллионами (6.255.000) выстрелов, а считая и 3″ горные—ок. 7 миллионов, и объявили патронный голод, не израсходовав еще двух третей имевшегося запаса, оказавшегося разбросанным по 2.000-верстному фронту, а потому и никого не насытившего как следует.

В-третьих, не последней причиной неудовлетворительности доставки боевого снабжения была и та безалаберщина, какая царила в нашем транспорте; но тут уж, кажется, вследствие излишнего развития соответственного органа Ставки—отдела военных сообщений. Я в этом деле, конечно, не судья, но всякому бросалось в глаза, с одной стороны, все возраставшее число служащих этого органа, а с другой—пропорционально этому ухудшавшиеся условия транспорта.

Наконец, может быть, еще раз следовало для полноты картины упомянуть о беспорядках в артиллерийских складах, в которых снаряжались местные парки; но ведь как-никак, а к 20 ноября (3 декабря), как было обещано, все 112 парков были готовы, и месячные подачи были по 24 парка. Так что армия могла располагать в 1914 году запасами выстрелов в таком количестве и в такой последовательности:

в июле: батарейного запаса . . .	2.520.000	
19 парков типа А.	551.000	суммарно
Итого	3.071.000	

[1]) Всеми этими вопросами ведал „дежурный генерал“ через одного офицера Генерального Штаба, в помощь которому лишь в ноябре 1915 г. удалось подкинуть в качестве специалиста одного из очень дельных и энергичных офицеров, шт.-капитана С., столоначальника ГАУ, на котором и висело все это дело до образования Упарта. На более старшего чина Генеральный Штаб своего согласия не давал.

в августе—24 парка . . .	698.000	
		3.770.000
в сентябре—24 парка. . .	698.000	
		4.468.000
в октябре—24 парка. . .	698.000	
		5.166.000
в ноябре—21 парк . . .	611.000	
и еще—4 1/3 парка . . .	130.000	
		5.906.000
в декабре—11 2/3 парка . .	349.000	
		6.225.000[1])

Итак, вот какова была картина последовательного снабжения нашей армии 3″ патронами: существовало их как будто не так уже мало, а между тем на фронтах, особенно в некоторых местах, был несомненный голод, в других—недостаточная обеспеченность, в-третьих—голод ложный; но нигде никто не чувствовал себя удовлетворенным и в тыл сыпались самые тревожные телеграммы с просьбами, требованиями и угрозами...

Интересно здесь привести еще одно мнение по этому вопросу ген. Смысловского.

Вот что он пишет в своей секретной записке от 15/28 сентября 1915 года (уже в роли инспектора артиллерии VII Сибирского корпуса):

„По всем сведениям, которые мне удавалось получать и непосредственно от участников войны, и от чинов штаба

---

[1]) Приводимые автором цифры лишь подтверждают предыдущее мое примечание: к 1 авг. 1914 года на фронте было 3071.000 выстр., в том числе 2.520.000 батарейного запаса и 551.000 в распоряжении армий. В августе прибыло 698.000 выстр. и израсходовано 1.102.000 выстр., т.-е., считая, что батарейный запас к 1 сент. пополнен, запас армейский с 551.000 стал 404.000, т.-е. уменьшился на 150.000 выстр. Как же было тут не тревожиться, когда, несмотря на усиленное против нормы прибытие парков, цифра армейских резервов выстрелов упала на 30%!

Несмотря на „отчаянные вопли", сам автор признает, что тыл недостаточно энергично взялся за работу по удовлетворению патронного голода; что же было бы, если бы „воплей" не было!

Прим. ред.

Верховного главнокомандующего, до середины ноября 1914 года, несмотря на отсутствие каких бы то ни было ограничений в расходовании патронов, собственно войсковые части никакой нужды в них не испытывали и никаких тревог не переживали.

Все тревожные телеграммы и требования исходили исключительно от высших штабов армии, которые стремились все время к поддержанию запаса патронов на одном уровне и волновались его понижением, ожидая грозного недостатка патронов „в будущем".

За указанный период времени, считая в том числе и войсковые комплекты патронов, с которыми части выступили в поход, в армию было подано около 5.500.000 патронов. К половине ноября, считая, что все подвижные войсковые запасы были почти полны, было расстреляно около 4.000.000 патронов, т.-е с начала первых боев (начало августа), при полной свободе в расходе патронов, три с половиной месяца армия тратила около 1.100.000 патронов в месяц".

А вот выдержка из его же показания верховной следственной комиссии по этому же вопросу:

„На основании данных 4/17 сентября 1914 года (телеграммы г.-ад. Иванова и Ставки) в первый раз потребность в 3" пушечных патронах была определена в 1.500.000 в месяц.

Норма эта долгое время оставалась без изменения, но, конечно, не могла быть достигнута в короткое время. Это обстоятельство, породившее в скором времени все явления патронного голода: сведения о колоссальной трате патронов во французской армии, подавляющее впечатление массированного огня наших противников и, наконец, влияние общественного мнения, быть может, далеко не компетентного в военных вопросах, но естественно проникнутого живой тревогой за участь кампании,— все это в высшей степени способствовало неудержимому стремлению к ее дальнейшему, чуть ли не безграничному увеличению. К весне она была уже увеличена до 1.750.000 патронов в месяц, какое количество было указано (кажется, путем словесных переговоров) генералом

Беляевым, а после образования особого совещания достигла едва ли не 3.000.000 патронов в месяц. Только в последнее время, когда патронный голод исчез, а бои стихли, был вновь спокойно пересмотрен этот жгучий вопрос и с полной убедительностью выяснено, что такого количества патронов, если бы даже оно поступило, русская артиллерия расстрелять была бы не в состоянии, т. к. орудийные заводы не в состоянии подавать ежемесячно такое количество пушек, какое потребовалось бы для замены расстреливаемых при такой большой трате патронов. Норма была вновь определена в зависимости от поступления новых орудий и определена в количестве 2.400.000 патронов в месяц.

Позволяю себе осветить приведенные данные следующими соображениями.

Как видно из изложенного, окончательная норма питания патронами определена на основании чисто теоретической возможности истратить их при наибольшей работе существующих орудий и наибольшем пополнении изнашиваемых новыми, поступившими с заводов; но ныне уже сама жизнь показывает, что фактической траты такого количества в силу тех или других причин на самом деле нет: патронов ныне (декабрь 1915 г.) в армии, как выражаются, „сколько угодно", а между тем трата их ничтожная. Военные операции представляют собою слишком сложное явление, зависящее от многих и притом весьма крупных условий, и, как ни велико значение артиллерии и снабжения ее достаточным количеством припасов, могут сложиться так, что сегодня патроны требуются в большом количестве, а завтра трата их не имеет места. Принимая в качестве „средней" наибольшую теоретически вычисленную норму траты патронов, можно притти к ошибочным заключениям, уклоняющимся в другую сторону, приводящим к пресыщению патронами, признаки которого уже начинают ощущаться и ныне. Конечно, запас беды не чинит, но он стоит колоссальных средств, которые могут оказаться затраченными даром, ибо неиспользованные патроны с течением времени испортятся.

Казалось бы, что при такого рода соображениях надлежит руководствоваться не теоретическими, а практическими данными, которые, на мой взгляд, имелись налицо. Действительно, как уже мною было указано, до половины ноября 1914 г. собственно войска нужды в патронах не испытывали. В течение этого времени были периоды и напряженных боев, и относительного затишья, почему с достаточным приближением можно говорить и о средней трате патронов в месяц, основывая свои рассуждения уже не на теоретических расчетах, а на практическом их расходе, производившемся в той мере, в какой это действительно было необходимо.

К сожалению, я не располагаю точными данными, сколько именно было израсходовано патронов за этот период с самого начала войны; однако, выше я позволил уже себе указать на приближенный способ определения этого числа, которое составляет 166 патронов на орудие в месяц.

Считая в общем на вооружение ок. 5.000 действующих орудий, на всю артиллерию в месяц потребуется около $166 \times 5.000 = 830.000$ патронов.

Щедро увеличив это число, дабы иметь возможность парализовать всякие случайности, казалось бы, вполне достаточно было бы остановиться на 1.500.000 патронах в месяц, т. е. на той норме, которая была уже определена однажды, после опыта первых крупных боев, генерал-адъютантом Ивановым. Само собой разумеется, что в ближайшие месяцы, при ликвидации образовавшегося патронного голода, патронов надо было бы подавать несколько больше, но не следует упускать из виду, что значительная часть их не тратилась бы на стрельбу, а шла бы на пополнение истощенных запасов.

К сообщениям о трате патронов во французской артиллерии, мне кажется, надо относиться с некоторой критикой: во французской армии нет вовсе легких полевых гаубиц, действие которых возможно возместить только усиленной тратой пушечных легких снарядов; французская армия давно уже ведет продолжительную позиционную войну против сильных укреплений противника, которая несомненно

также требует значительно большего расхода снарядов по сравнению с теми полевыми боями, какие приходилось до последнего времени вести нашей армии [1]).

Сила пресловутого германского артиллерийского огня для меня лично представляется до сих пор не вполне разъясненной. Несомненно, что немцы богаче нас снарядами, однако, не следует забывать, что сила и напряженность огня достигается в данном месте не только абсолютной тратой снарядов, но и умелым руководством огнем артиллерии".

Из этих свидетельств фактического руководителя артиллерийским снабжением ясно, что хотя он и понимал (правда, больше чутьем, чем на основании каких-либо документальных данных), что сообщаемые из Ставки и с фронтов данные расхода выстрелов несомненно преувеличены, но чтобы это было в такой степени, он этого себе и не представлял; до такой степени он, как и все мы, был загипнотизирован дружным хором вопиющих о патронном голоде голосов с фронта. И если бы не справка Полевого Генерал-Инспектора артиллерии на союзнической конференции, то многое в этой области и до сей поры осталось бы для нас совершенно темным.

---

[1]) В своем труде: Quatre années de commandement 1914—1918 général Dubail. Paris. 1920. Том 1-й.

Ком. кор. 9 в 1914 г. приводит секретное письмо ген. Жоффра командармам от 27 сент. 1914 г., в котором главком говорит следующее:

„Вопрос питания артиллерии, на который я несколько раз обращал внимание, принимает в настоящее время характер исключительной важности и требует энергичных мер. Вследствие этого я решил ограничить комплект боевых припасов 75 м/м. ор. по 300 выстр. на орудие, считая в то число и арт. парки корпуса ..., (до этого было по 501 выстр.).

Армии не получат новых отпусков ранее 20 окт.

Поэтому армии должны довольствоваться отбитием атак противника на фронте, который они занимают в настоящее время, усиливая оборонительные сооружения с тем, чтобы сделать фронт непроницаемым. Они перейдут к наступательным действиям лишь по моему приказу"...

Таким образом, позиционная война явилась как следствие недостатка снарядов и при ведении ее (вынужденной обороне), несомненно, расход снарядов был меньше, а не больше, как предполагает автор показаний верх. след. комиссии.

Ген. Дюбайль говорит, что „после сражения на Марне запасы выстрелов оказались меньше 500 на орудие, т. е. было израсходовано более 600 выстр. в 1-й мес. войны".

Таким образом, расход 350 выстр. на орудие в 1-й месяц не только не невозможный, но даже не рекордный.

Прим. ред.

Благодаря же ей, с уверенностью можно сказать, что не недостаток боевого снабжения был главной причиной наших бед в 1914 году, а что-то другое, вследствие чего имевшееся в действительности снабжение не попадало туда, куда следовало, а пребывало где-то втуне.

В дальнейшем еще придется вернуться к этому важному документу (справке); а пока я попытаюсь на основании имеющегося в моем распоряжении, хотя, правда, довольно скудного материала разобраться в вопросе: да сколько же на самом деле наша артиллерия расходовала выстрелов в разных условиях этой войны и какова должна была бы быть действительная, не преувеличенная норма патронов на полевую пушку в месяц и в год?

7. Действительный расход 3″ снарядов.

Выяснить по-настоящему этот вопрос так и не удалось до самого конца войны, несмотря на все усилия как ГАУ, так и „подготовительной артиллерийской комиссии“ и самого „особого совещания по обороне государства“. Главнейшей причиной этого было как умышленное скрывание штабами цифр действительного расхода (чем больше показывался расход, тем больше ожидалась получка), так и отсутствие надлежащей отчетности, вследствие чего сами органы снабжения фронтов и армий не имели точных сведений о наличности у них запасов боевого снабжения. Некоторый порядок в этом отношении начал заводить „Упарт“ (управление Полевого Генерал-Инспектора артиллерии), но полностью это и ему не удалось и, между прочим, по той причине, что и он сам был заинтересован не вполне раскрывать все карты тылу, чтобы, с одной стороны, „подстегивать“ его к более интенсивной работе (показыванием ему преувеличенного расхода и преуменьшенного наличия), а с другой, чтобы при случае можно было все неудачи на фронтах валить на „недостаточность снабжения“. Вследствие этого в тыл посылались сведения неверные: преувеличенные по части расхода и преуменьшенные по части наличия. Та же политика оказывалась выгодной и

по отношению к нашим союзникам, вообще не очень тароватым на помощь нам.

В виду этого очень трудно в настоящее время установить величину истинного расхода боевых припасов, когда не только от фронтовых архивов остались одни клочья, а и от архивов центральных управлений—не многим более того. Но если не попытаться это сделать теперь, то после уже будет совсем поздно. Поэтому-то я и берусь за эту задачу без особой уверенности найти истину, а хотя бы некоторое подобие ее.

Первое известие с фронта с более или менее определенным обозначением расхода выстрелов пришло, как уже сказано выше, из Ставки Верховного главнокомандующего от 29 августа (11 сентября) 1914 года № 650, с указанием, что средний расход на пушку за 16-тидневные бои на ю.-з. фронте составил 1.000 патронов.

Вслед за этим от 12/15 сентября № 1165 пришла телеграмма от самого главнокомандующего ю.-з. фронта с определенным указанием, что за 16-тидневные бои было израсходовано в среднем по **350** выстрелов на пушку, что составляет по **22** выстрела на пушку в день.

И больше, в сущности говоря, никто никаких определенных подсчетов о расходе пушечных патронов за истекшие бои не сделал. Есть, правда, еще одно слишком общее указание ген. Забелина (см. его телегр. от 10 окт. 1914 г. № 639), в котором он огульно определяет ежедневный расход выстрелов для ю.-з. фронта в „два—три парка“. Это составляет от 58.000 до 87.000 патронов в день; а т.-к. на ю.-з. фронте было в то время ок. 2.100 пушек, то ежедневный расход патронов в начале октября составлял соответственно этой телеграмме от 28 до 42 или в среднем по **35** выстрелов на пушку в день, что уже в полтора раза превышает среднюю норму, данную ген. Ивановым в начале сентября (22 выстрела).

Этим скудным материалом и ограничиваются официальные данные, так сказать, статистического характера. Правда, было еще несколько частных сообщений от разных строевых артиллерийских начальников с данными о расходе снарядов, но все эти данные были так эпизодичны и от-

рывочны и касались столь небольших артиллерийских частей и незначительных периодов действий, что составить по ним верное общее представление было невозможно. Стоит отметить разве еще показания:

1) генерала Святловского, что во время напряженных боев с 22 по 27 августа артиллерией его корпуса было израсходовано по 50 выстрелов на пушку и по 34 на гаубицу;

2) генерала Карачана, отмечающего „колоссальные" расходы выстрелов во время первых боев в Галиции и на реке Висле, когда „ежедневно на фронт в 4 армии необходимо было подавать от одного до полутора местных парков, или когда требовалось в среднем в месяц на каждую артиллерийскую бригаду фронта один местный парк", т.-е. по 600 выстрелов на пушку в месяц, что составляет по 20 выстрелов в день.

Видно, заниматься подробной статистикой ни у кого не было ни охоты, ни времени, хотя для органов снабжения такое занятие было совершенно необходимо и неизбежно при мало-мальски правильно поставленном деле учета. А так как на это внимания обращалось мало, то и вся артиллерийская отчетность оказалась в хаотическом состоянии и пребывала так вплоть до того времени, когда в Ставке был образован самостоятельный артиллерийский орган (Упарт), взамен состоявшего при управлении дежурного генерала столоначальника ГАУ шт.-капитана С.

Вот этот-то новый компетентный орган (образованный с начала 1916 г.) и начал выяснять состояние артиллерийского снабжения на фронтах как в его настоящем, так и в прошлом. Результаты его работы в этом отношении и даны в „Справке", о которой я уже упоминал выше и которая была представлена официально Полевым Генерал-Инспектором артиллерии междусоюзнической конференции январе 1917 года.

В этой справке имеются, как уже было сказано выше, данные о „среднем месячном расходе выстрелов", выведенные за 5 месяцев войны 1914, 1915 и 1916 годов, при чем для двух последних лет (15-го и 16-го) месяцы избраны летние (май—сентябрь), т.-е. наибольшего ожи-

вления военных действий. А кроме того, дан еще средний месячный расход выстрелов и для „мертвого сезона“, т.-е. для остальных 7 месяцев относительного боевого затишья.

Соответственно взятым трем 5-тимесячным периодам, в справке приведены такие средние месячные расходы 3″ выстрелов:

464.000; 811.000; 2.229.000.

И так как число 3″ орудий на фронте за все эти три года оставалось почти одно и то же (так как 1/.1—1917 г. оно показано в справке равным: 3″ полевых—5.123 и 3″ горных—284, итого 5.407), то без значительной погрешности его можно принять кругло в $5^1/_2$ тысяч 3″ пушек.

Значит, средний месячный расход на пушку, согласно данных справки, будет соответственно:

86; 150; 413. а средний дневной расход на пушку: 3; 5; 14.	Это для месяцев наибольшего оживления военных действий.

Затем, для 7-ми месяцев „мертвого сезона“ в справке дается месячный расход на 3″ пушку в 150 выстрелов или 5 в день; эта цифра дана без указания, к какому году она относится. При сравнении этих чисел с теми, которые приводились в донесениях с фронтов в 1914 году, невольно рождается вопрос: да где-же, наконец, правда?

Конечно, можно усомниться и в данных справки за 1914 и даже за 1915 год; но в чем не может быть ни малейшего сомнения—это относительно данных за 1916 год, когда Упарт уже существовал и сам педантически следил за назначением и расходованием каждого парка. Кроме того, надо иметь в виду, как это отмечено и в справке, что в 1916 году не только не было никакой недостачи в 3″ патронах, а напротив—их был значительный избыток: именно в этом году было показано израсходованным на фронте—16.815.000 выстрелов (что тоже несомненно преувеличено и притом не мало; уж так повелось с самого начала войны), а подано на фронт было за один этот

только год—27.534.000 3″ выстрелов, так что от одного этого года (не считая того, что перешло от 1915 года, к концу которого патронного голода уже не существовало и по донесениям с фронтов) получился остаток ок. 11 миллионов 3″ выстрелов. Значит, уже в этом году никаких стеснений по части 3″ выстрелов не было и стреляли, что называется, до-отвала; при всем том расход в этом году на пушку в день был: в летние месяцы—по 14 и в остальные—по 5 выстрелов. Что же тут общего с теми 22, 35 и 50 выстрелами на пушку в день, о которых кричали в 1914 году!

Ведь число орудий было почти то же, что в 1914 г.; напряженность боев—не меньшая; цели стали более серьезные (позиционная война); пехота значительно хуже, а потому требования к артиллерии неизмеримо больше и стрелять ей приходилось не только не меньше, а значительно больше, чем в 1914 году. Так почему же средний суточный расход на пушку в 1916-м году все же оказывается от двух до трех раз меньше, чем в 1914 году?

Ясно, что причина тут и в несомненных преувеличениях расхода, и в том, что среднее число выстрелов в 1914 году выводилось для небольшой сравнительно группы пушек, участвовавших в какой-либо одной операции, и такой вывод обобщался потом (в донесениях) на все орудия фронта и на значительные периоды времени. Нельзя сомневаться, что иногда, в отдельных случаях расход снарядов на пушку бывал громадный—быть может, по несколько сотен в день, как несомненно и то, что в других случаях тот же расход понижался чуть ли не до ноля.

И только аккуратный и добросовестный учет всего расхода за значительный период времени мог дать более или менее надежный материал для достаточно обоснованных общих выводов, чего сделано в 1914 году не было, да и быть не могло, ибо рано было делать такие выводы: это—задача будущего. Вот этой задачей и занялся Упарт, согласно данным которого выходит, что расход 3″ патронов за три года войны рос, в такой прогрессии:

1914 г.	1915 г.	1916 г.
(464.000).	(811.000).	(2.229.000).
1.	1,75.	5.

и нет никаких оснований заподозреть первый член этой прогрессии в тенденциозном преуменьшении; а если уже надо вводить какие-либо коррективы к этим данным, то уж, конечно, в сторону уменьшения всех их, как об этом не раз говорилось выше.

При этом считаю нужным оговорить еще раз, что справка Упарта дает средние результаты за 5 месяцев 1914 года и что в отдельные месяцы, конечно, могли быть и значительные уклонения от этого среднего результата, хотя такое уклонение, как на 140% (с 464.000 до 1.105.000 показанных фронтами в августе месяце), маловероятно.

Такой огромный расход выстрелов, как 1,1 миллиона в месяц, тогда поразил всех и для исследования причин его тотчас же (в конце августа) поехали из Ставки генералы Кондзеровский и Ронжин, а затем, в конце октября, начальником штаба Верховного главнокомандующего был командирован с тою же целью на ю.-з. фронт наш известный артиллерист, начальник Михайловского артиллерийского училища, генерал Карачан, ездивший уже дважды перед тем в Галицию, в сентябре и октябре. Насколько малоценна была поездка первых двух генералов, настолько продуктивна была командировка второго, представившего после месячного объезда ю.-з. фронта (с 28 октября по 22 ноября) подробный отчет, в котором он собрал подробные сведения по следующей программе, одобренной перед отъездом Наштаверхом:

1) Бывали ли случаи недостатка боевых припасов.

2) Приходилось ли беспокоиться, что, может быть, не хватит патронов.

3) Порядок получения патронов из батарейного резерва, из подвижного парка, из местного резерва армии и фронта.

4) Когда обыкновенно пополняли запасы батарейных резервов и парков.

5) Не было ли случая отказа при требовании снарядов.

6) Наибольший расход снарядов за день, за бои, за операцию; где это имело место.

7) Средний расход в тех же случаях.

8) Причина большого расхода снарядов.

9) Какими мерами его можно сократить.

10) Принимались ли подобные меры и кем (инструкции, приказания и пр.).

11) Случаи стрельбы:
- на большие дистанции,
- по невидимым целям,
- по блеску выстрелов,
- по пыли,
- по целям, не имеющим тактического значения,
- для морального впечатления,
- для звукового эффекта и для зрительного впечатления,
- на малые дистанции,
- с открытых позиций,
- с закрытых позиций,
- отдельными орудиями,
- взводами.

12) Постановка задач артиллерии, участие в этом артиллеристов.

13) Интересные случаи боевого применения артиллерии.

14) Причины сдачи 2-х орудий от батареи.

15) Был ли и как организован сбор оружия, оставленного противником на полях сражений.

16) Ночные стрельбы.

17) Корпусная артиллерия.

18) Промежуточные (временные) склады снарядов.

19) Оставление на полях сражений ружейных и пушечных патронов.

Уже по одной этой программе можно заключить, насколько серьезно генерал Карачан смотрел на поставленную себе задачу, а по представленному им отчету видно, в какой степени он ее выполнил.

Сущность отчета генерала Карачана, представленного им по возвращении из командировки, сводится к следующему:

1) Главнейшей причиной большого расхода выстрелов является „неумелое применение в бою современной полевой артиллерии и в тактическом и в техническом отношениях со стороны войсковых начальников и отсутствие сведущего руководительства в боевой работе артиллерии“.

Полевая артиллерия в этой войне действовала преимущественно побатарейно: батареи подчинялись командирам полков и другим соответствующим войсковым начальникам, которые не ознакомлены со свойствами артиллерии и ее боевым применением.

Управления артиллериею со стороны командиров дивизионов и командиров бригад не было. После 4-х месяцев войны командиры дивизионов начали получать в некоторых армиях возможность управлять боевой работой артиллерии своих дивизионов, что же касается командиров бригад, то последние попрежнему не принимали никакого участия в этой работе.

В еще большей мере устранены от указанного руководства инспектора артиллерии корпусов, главною обязанностью которых является забота о питании и снабжении артиллерии своего корпуса.

Как батареи, разбросанные по мелким боевым участкам, так и дивизионы, подчиненные тем же командирам полков и командирам пехотных бригад, получали несоответствующие задачи, результатом чего являлась чрезмерная трата снарядов.

Начальники боевых участков заставляют свою артиллерию открывать огонь по целям, не имеющим тактического значения—небольшие группы людей, разъезды, местные предметы, не занятые противником и проч.; артиллерия должна стрелять по невидимым для нее целям, существование которых в данном месте сообщается пехотою, причем сообщение это в огромном большинстве случаев грешит нервностью и неточностью; отдельные малочислен-

ные группы принимаются за колонны, обозы за артиллерию и т. п.; положение перемещающихся целей определяется, как для неподвижных целей и т. д. Артиллерии приходится стрелять по целям, существование которых в данном месте лишь подозревается (в лесу, за гребнем, в лощине), и обстреливать площади более или менее значительных размеров; в последнем случае и тяжелая артиллерия не представляет исключения; бывали случаи ее применения для обстреливания обозов и невидимых площадей. Артиллерию заставляют стрелять в условиях невозможности получить материальный результат, как, например, обстреливание шрапнелью глубоких окопов, снабженных козырьками, а также вести стрельбу ночью без предварительной пристрелки данных для стрельбы днем и обстреливать ночью же те места, где днем были замечены окопные работы без всяких данных, что в них имеется противник.

Стрельба с целью так-называемой подготовки атаки имеет широкое применение; пехота просит этой стрельбы, обещая после ее окончания перейти в наступление; но артиллерия стреляет, опустошает свои зарядные ящики, а пехота остается в пассивном состоянии; совместные одновременные действия артиллерии и пехоты отсутствуют; желание „выехать“ на артиллерии сказывается всюду весьма рельефно.

Со стороны войсковых начальников проводятся настойчивые требования о наличии так-называемой артиллерийской дуэли; артиллерия должна вступить в артиллерийское состязание с артиллерией противника и опять без участия пехоты, которая является лишь зрительницей этой борьбы; артиллерия „нащупывает“ неприятельские невидимые батареи и тщетно пытается привести их к молчанию.

Наконец, требование, и требование настойчивое, со стороны войсковых начальников стрельбы для морального впечатления, для звукового и зрительного эффектов, совершенно независимо, имеются ли цели для стрельбы и могут ли быть получены какие-либо результаты. Известен случай, когда от артиллерии под Перемышлем потребо-

вался самый сильный огонь только потому, что наступление противника на Варшаву было отбито, последний стал отступать, и надо было поддержать, как говорили, наши армии и показать осажденному в крепости противнику, что предполагается его штурмовать.

Что касается самой артиллерии, ген. Карачан ставит ей в упрек недостаточно энергичное противодействие получению только-что перечисленных задач; артиллерия, повидимому, забыла в этом отношении уроки мирного времени и что ее обучали всегда именно так не поступать. Кроме того, от артиллерии можно было бы потребовать не вести всегда огонь очередями, а пристреливаться взводами, полубатареями, отдельными орудиями и не применять беглого огня.

Неправильная постановка задач артиллерии, неправильное ее применение в бою происходят, по мнению ген. Карачана, от недостаточного знакомства войсковых начальников со свойствами и боевым применением современной артиллерии.

Отсутствие артиллеристов при штабах и управлениях высших и старших войсковых начальников, отстранение строевых артиллерийских начальников от руководства боевою работою артиллерии, даже тех из них, которые руководили обучением своей артиллерии в мирное время, привели к тому, что происходившие и происходящие ошибки остаются без исправления, они не устраняются и повторяются в еще большем количестве. Артиллерия, воспитанная в мирное время своими артиллерийскими начальниками и руководителями в известных принципах, должна эти принципы забыть и действовать по приказаниям своих новых, а иногда и случайных начальников, совершенно незнакомых с основами артиллерийского обучения.

Блестящие, выше всяких похвал, действия артиллерии в техническом (стрелковом) отношении заслужили и продолжают заслуживать полное одобрение и восхищение; наши артиллеристы стрелять умеют, они не забыли уроков полигонных стрельб и каждый раз, когда надо, они дают то, что может дать современная артиллерия в умелых руках. Тактическое же применение артиллерии, нахо-

дящееся в руках войсковых начальников, оставляет желать очень многого. В одном из корпусов ген. Карачану пришлось отметить то огромное значение, которое имел для артиллерии данного корпуса инспектор его артиллерии. Командир корпуса сделал своего инспектора артиллерии не только „питателем“ и „снабжателем“, но оставил ему его обязанности мирного времени — вмешиваться в боевую работу артиллерии, руководить ею. Этот инспектор артиллерии проводил много времени на позициях, он жил жизнью своих бригад, находил время „поговорить“ и „убедить“ начальников дивизий и командиров полков, если они делали ошибки в применении артиллерии; командир корпуса поддерживал своего артиллериста, предоставляя ему решение всех специальных артиллерийских вопросов. Результаты такой объединенной и дружной работы налицо: расход снарядов не поражает своею чрезмерностью.

2) Второю причиною большого расхода выстрелов ген. Карачан считает то значение, какое приобрела в эту войну артиллерия и вследствие которого она часто была вынуждена стрелять более того, чем это было необходимо.

Благодаря огромному могуществу своего огня и отличной подготовке своего личного состава, наша артиллерия, открывая огонь, достигает быстро блестящих результатов.

Противник отдает должное нашей артиллерии, называя ее волшебной, судом божьим и проч., он боится ее смертельно. Наша пехота боготворит свою артиллерию, называя ее своей спасительницей.

Артиллерия начинает бой, она его ведет и решает.

Пехота не делает ни одного шагу без артиллерийского огня; она требует беспрерывной стрельбы, даже для морального действия.

Естественно, что при таком своем значении и при предъявленных к ней требованиях артиллерия не может обходиться малым расходом снарядов, стреляя очень часто только для того, чтобы не молчать.

3) В-третьих, чрезмерный расход выстрелов вызывался еще значительным ухудшением состава нашей пехоты, особенно ее офицерского состава, из-за огромных потерь в кадровом составе в первые же месяцы войны.

По мере поступления в ряды пехотных полков новых нижних чинов на замену убитых и раненых боевая подготовка данной части заметно ослабевает во всех отношениях.

Пехота не наступает; она предоставляет действовать активно артиллерии, она требует „стрелять", обещая „потом" наступать, сама огня не открывает; артиллерия стреляет, а пехота не двигается.

Совместные действия артиллерии и пехоты отсутствуют, нет того, что пехота наступает, а артиллерия уничтожает своим огнем все преграды и препятствия по пути движения своей пехоты, будет ли то ружейный, пулеметный или орудийный огонь.

Требование от артиллерии активных действий при отсутствии таковых со стороны пехоты выражается неподвижным сидением пехоты в окопах без ружейной стрельбы и при очень сильной артиллерийской пальбе. При всяком движении пехоты вперед артиллерия должна стрелять особенно сильно, „артиллерийская стрельба заменяет нам офицеров"—приходилось слышать и такое суждение.

В последнее время местные парки стали прибывать без ружейных патронов, т. к. в них оказался избыток, несмотря даже на то, что ружейные патроны расходовались не только для стрельбы, но и оставлялись на полях сражений в пачках и нераскрытых цинковых коробках.

4) В-четвертых, исключительные требования, применявшиеся к артиллерии, естественно вызывали огромную трату ею снарядов.

Многочисленные случаи отбития яростных атак противника как днем, так и ночью проведены всецело одною артиллерией; в XXI корпусе на 44 дивизию было произведено в последний период боевых действий **30** ночных атак и все они были отбиты только огнем артиллерии. Упорные и многодневные бои, колоссальные потери

с обеих сторон являются также причинами чрезмерного расхода снарядов.

Потери находятся в обратной зависимости от интенсивности артиллерийского огня: чем меньше стреляет своя артиллерия, тем потери в рядах своей пехоты больше и наоборот; следующее приказание одного из командующих армией: „согласно распоряжения начальника галицийской группы, командующий армией приказал не жалеть патронов и развить всемерное напряжение для борьбы с неприятельскою артиллерией, действующей против 60 дивизии“—было вызвано желанием облегчить положение своей пехоты, подвергшейся яростным беспрерывным атакам и артиллерийскому расстрелу со стороны противника.

В вопросе о расходовании снарядов приходилось выбирать между снарядами и жизнью людей; желая сохранить людей, не жалели снарядов.

5) Наконец, одной из главных причин чрезмерного расхода снарядов артиллерией ген. Карачан считает избалованность ее в первые два месяца войны безотказным удовлетворением ее требований на выстрелы.

Батареи и парковые бригады избалованы; сколько бы они ни требовали, им давалось все беспрепятственно; они могли содержать свои запасы полностью, в их привычку вошло уже правило жить широко и расходовать безгранично.

Можно привести лишь как исключительные случаи, когда парковые бригады временно не были пополнены, а с батарейными резервами подобного почти не случалось.

Естественно, что привычку широко пользоваться снарядами без ограничения их количества крайне трудно изменить в сторону резкого сокращения, точно так же трудно перейти к отказам после отсутствия таковых.

Наконец, угроза, что вы не получите ни одного парка больше того, что вам дано, не имеет по существу ничего угрожающего, т. к. в каждой артиллерийской бригаде со своею парковой бригадой имеется более 20.000 патронов (по 428 на орудие), а потому она может и после угрозы

продолжать стрельбу и притом довольно интенсивно. Только после боя бригады предъявят к пополнению свои пустые парки и заявят о своей полной неспособности к бою. И тогда придется дать по целому парку на каждую бригаду или по 8 парков на армию в четыре корпуса.

Соответственно приведенным в отчете причинам, ген. Карачан в конце указывает и ряд мер, принятие которых должно, по его мнению, сократить расход снарядов, а именно:

1) Привлечь артиллерийских начальников к участию в боевой работе артиллерии, восстановить их права мирного времени, дать им возможность своевременными докладами соответствующим начальникам указывать на случаи неправильного применения в бою полевой артиллерии.

Особенно большие полномочия надлежит дать инспекторам артиллерии в корпусах, изменив соответственным образом положение о полевом управлении; эти начальники, будучи вновь привлечены к участию в боевой работе своей артиллерии, явятся несомненно отличными помощниками по артиллерийской части для своих командиров корпусов.

Командиры корпусов должны вменять в обязанность инспекторам артиллерии непосредственно ведать артиллерией корпуса в техническом отношении и докладывать командиру корпуса о неправильностях тактического пользования ею. Командир артиллерийской бригады в таком же отношении должен находиться по отношению к своей бригаде и начальнику дивизии.

От командира дивизиона батарея может быть выделена только по особой к тому необходимости, о которой начальник дивизии должен всегда иметь точное объяснение. Командир дивизиона, как тактический руководитель своих батарей, должен уметь соразмерять расход снарядов с данной ему задачею, а потому он является первым ответчиком за продуктивность действия артиллерии.

Только при такой естественной организации возможно повысить продуктивность пользования артиллерией и понизить расход патронов.

2) Сократить число орудий в батареях с 8 на 6 и даже на 4 и за счет такого сокращения создать пушечную корпусную артиллерию.

3) Ввести в штабы Верховного главнокомандующего и главнокомандующих фронтов артиллерийских специалистов для общего руководства и установления однообразного характера требований от артиллерии всех армий и для быстрого проведения в артиллерии всех необходимых и ценных сведений, как технических, так и тактических и даже хозяйственных.

4) Изменить положение о заведывающем артиллерийскою частью этапно-хозяйственного отдела армии, подчинив его непосредственно командующему армией или начальнику штаба армии помимо начальника этапно-хозяйственного отдела.

Подчинение заведывающего артиллерийскою частью начальнику этапно-хозяйственного отдела не имеет никакого оправдания. Ведение артиллерийскою частью охватывает целиком всю армию в самой существеннейшей ее части: вооружение, винтовке, пулеметы, пушки, гаубицы, снаряды, патроны, вся материальная часть орудий и винтовок, холодное оружие,—все это находится в ведении артиллерийской части. Несомненно, все эти вопросы крайне важны для всякого командующего армией. Передача же их и разрешение при помощи третьего, совершенно индиферентного лица—начальника этапно-хозяйственного отдела—несомненно теряет в своей силе и в своей точности и ясности. Начальник этапно-хозяйственного отдела может служить только фонографом: „если командующий армией спросит какие-нибудь объяснения, то начальник отдела должен будет пойти спросить у заведывающего артиллерийскою частью и затем вернуться к командующему и передать ответ; при новом вопросе последует та же прогулка".

Если начальник отдела проявит в ответах самостоятельность, то результаты могут быть и худшие. Кроме

того, хотя и заключили артиллерийскую часть в этапно-хозяйственный отдел, самое название которого ясно показывает, что предполагается только хозяйственная работа артиллерийской части, но сама жизнь с первых же дней войны вывела артиллерийскую часть из области исключительно хозяйственных вопросов.

Настоятельно необходимо назначение сведущего ответственного артиллериста при командующем армией, деятельность которого в отличие от других начальников отделов будет заключаться не только в докладе текущих дел, а в непосредственном общении с боевою деятельностью артиллерии армии, в докладе командующему армией о возможных способах к лучшему использованию и руководству артиллерией, к скорейшему восстановлению материальной части, конского и личного состава.

В заключение ген. Карачан отмечает, что „особенно угрожающего положения в данное время нет. Почти все армии имеют подвижные запасы полностью, т.-е. по 428 выстрелов на орудие, что, вероятно, может быть достаточным для продолжения войны в ноябре и декабре месяцах. В исключительных условиях, требующих немедленной помощи, находится, как указано выше, 9 армия“.

Это относится к концу ноября (отчет помечен 22 ноября), т.-е. 4 месяца спустя после начала войны [1]).

Я потому так подробно остановился на отчете ген. Карачана, что после троекратной его поездки в действующую армию (в сентябре, октябре и ноябре) он являлся наиболее осведомленным, а к тому же и вполне беспристрастным оценщиком положения нашего артиллерийского дела на фронте; глубокие же познания его в артиллерии и его исключительные служебные качества, известные всему артиллерийскому миру, придавали особую цену его

[1]) Опять противоречие с теми донесениями, которые были с фронтов после первого месяца войны: тогда раздавались вполне определенные вопли о полной катастрофе из-за снарядов, а тут после 4 месяцев оказывается что „особенно угрожающего положения нет“.

выводам и заключениям. И действительно, все, что потом сообщалось и писалось по этим вопросам, являлось только подтверждением в большей или меньшей степени высказанного покойным П. П. Карачаном; и большинство последовавших затем реформ в этой области были в духе намеченных им мероприятий, а если некоторые из них, напр., о корпусной пушечной артиллерии, и не были своевременно осуществлены, то об этом можно только пожалеть.

Итак, из отчета ген. Карачана явствует, что неправильное применение артиллерии, в связи с отсутствием надлежащего и единого руководства ею, было одной из главнейших причин чрезмерного, не вызывавшегося действительной нуждой, расхода боевых припасов в первый период войны. Кроме примеров общего характера, приведенных в отчете, считаю полезным привести еще несколько конкретных фактов, случайно мне попавших под руку [1]), ярко иллюстрирующих то разудалое „командование“ артиллерией, при котором не только зря расходовалась уйма снарядов, но также зря портились самые орудия.

I.

Комкор 1 и 27 арм. и 7 кавал. инспарт групп, начдив 1 и 2 сиб. копия наштарм 1 и 2 комкор IV сиб., 5 и 15 арм.

Оперативная. Секретно. Г. дв. Воропаево. 5 марта 1916 года.

10 часов вечера. Карта 1 верста. Сегодняшняя атака не развилась и неприятель продолжает оборонять свои позиции. Я бесповоротно решил атаковать неприятеля до тех пор, пока не прорву его расположения.

Приказываю: первое, всей артиллерии вести наступающей ночью и с утра завтра 6-го марта

---

[1]) Несмотря на все мои усилия собрать по этой части более обширный материал, это мне не удалось, т. к. не только не сохранились сколько нибудь архивы армий и фронтов, но и от архивов Ставки и центральных управлений военного ведомства уцелело лишь очень немного отдельных разрозненных дел.

сосредоточенный огонь по строго указанным ей целям, усилив огонь к полудню до возможного и доведя его к двум часам дня до урагана. Подлинное подписал Плешков.

II.

Комкор 1 и 27 арм., начдив 1 и 2 сиб., инспарт групп, копии комкор 4 сиб., 5 и 15 арм., наштарм 1 и 2. Наштазап и генкварверх. Оперативная. Секретно. Г. дв. Воропаево. 7—3—16 г. 11 час. 50 мин. утра. Карта 1 верста.

Несмотря на удачную ночную атаку сибирских полков, захвативших часть неприятельских окопов и пленных, неприятелю удалось, пользуясь некоторым замешательством правого фланга атаки, заставить нас очистить занятое-было пространство. Немцы несомненно подвезли подкрепления,—я ввожу в бой 27 корпус, оставляя одну его дивизию в групповом резерве. Приказываю: первое, продолжать непрерывно артиллерийский огонь возможной силы; второе, когда скажутся результаты огня нашей артиллерии и по моему особому приказанию корпусам атаковать неприятеля:

1 арм. корпусу на участке от Вилейты до Микулишки включительно, 27 арм. на участке от Микулишки исключительно до Лапинского леса включительно. Подл. подписал Плешков.

III.

Комкор 1 и 27, 7 кав., начдив. 6 пех., 1 и 2 сиб., инспарт групп, копия комкор 5, 15 и 4 сиб., наштарм 2 и 1. Наштазап, генкварверх. Оперативная. Секретно. Срочно. Г. дв. Воропаево. 12—3—16 г. 4 ч. дня. Приказываю:

Первое, к двум часам наступающей ночи 13 марта корпусам занять исходное положение для атаки, 6 пех. див. к тому же времени быть в районе между 1 и 2 просеками, считая на западе от д. Мал. Волоцки и вблизи и севернее дороги Микулишки, Мал. Волоцки.

Второе, всей артиллерии в час ночи усилить огонь до возможного, к трем часам ночи довести огонь до урагана и тогда же перенести его на ближайший тыл неприятеля.

Третье, в три часа ночи, прикрываясь артиллерийским огнем, корпусам атаковать неприятеля.

Подлинный подписал Плешков.

IV.

Начальнику 22 пехотной дивизии.

Зосин, 8 марта, 4 часа 30 минут утра.

Спешно.

Первое, с 4 часов утра должен вестись ураганный огонь, второе, в 5 часов утра должна начаться атака, третье, ожидается донесение о том, кто приказал вашим войскам вчера отходить. 1140.

Подписал Новицкий.

Верно: и. д. обер-офицера для поручений
шт.-к. Цейтлин.

Подобных примеров можно было бы привести сколько угодно и у меня их было собрано за время войны значительное количество (из заявлений строевых артиллерийских начальников в ГАУ как официальных, так и неофициальных), но потеря архива ГАУ, в котором хранились означенные документы, лишает меня возможности привести их в данном случае. Но, с другой стороны, я думаю, в этом и нет особой надобности, так как это может засвидетельствовать на основании личного опыта любой из артиллерийских начальников, участников минувшей войны. А, кроме того, убедительное подтверждение сказанного имеется в отчете особой комиссии об осмотре материальной части артиллерии в ноябре и декабре 1916 года в

Особой армии, рассмотренном в артиллерийском комитете ГАУ в 1917 году. Эта комиссия, составленная распоряжением инспектора артиллерии армии, засвидетельствовала в своем отчете (стр. 4, строки 14—16 снизу), что одной из причин прогрессирующего падения стойкости орудий является: „усиленная, продолжительная и скорая стрельба орудий, сопряженная с сильным их разгорячением—до красного накаливания". Комиссия считает, что такое злоупотребление скорострельностью орудий проявлялось особенно в 1915 и 1916 г.г. Но в ГАУ имелись донесения и в самом начале войны (август—сентябрь 1914 г.) о том, что войсковыми начальниками требовалась такая продолжительная и скорая стрельба, что „случайно падавшая на тело орудия шапка орудийной прислуги загоралась, как в печке".

Можно себе представить, какой износ каналов происходит при таком накаливании орудий, что в связи с неизбежным при такой стрельбе понижением вообще тщательности ухода за орудием, особенно за состоянием его канала, приводит к преждевременному и значительному понижению баллистических качеств орудия. А ведь наша 3″ пушка, с которой мы выступили в кампанию, — лучший и могущественнейший представитель орудий этого рода, и при не столь варварском с нею обращении от нее можно получить очень многое. И эти превосходные качества присущи нашей 3″ пушке именно вследствие той огромной начальной скорости, какую получает снаряд при выстреле из нее; а эта скорость получается ценою больших давлений и высоких температур в канале орудия, которые и сами по себе уже являются достаточной причиной более или менее значительного износа канала. Поэтому всякая форсировка в этом направлении, как значительно сокращающая службу орудия, совершенно недопустима. И, конечно, ни один грамотный артиллерийский начальник не позволил бы себе подобного варварского насилия над пушкой без крайней к тому необходимости, и только под давлением категорических боевых приказаний, в роде приведенных выше, приходилось такую

форсировку, допустимую лишь как редкое исключение, действительно оправдываемое обстановкой боя, ввести как общее правило и притом на целые часы непрерывной стрельбы. Неизбежным следствием такого порядка и было, с одной стороны, бестолковое расшвыривание снарядов и заведомая порча орудий, а с другой, развращение как пехоты, приучаемой к оглушительному, хотя бы и малорезультатному, грохоту артиллерии, без которого пехота не сдвинется с места, так и самой артиллерии, которая утрачивает при такой стрельбе самые драгоценные для нее качества — хладнокровие, точность наводки и бережное обращение со своей пушкой, и вырабатывает у себя полное равнодушие к получаемым результатам стрельбы, как будто вся суть не в них, а лишь в числе выпущенных снарядов и в достигнутом звуковом эффекте. И действительно, плоды такого порядка сказались скоро: артиллеристы стали один перед другим гордиться прежде всего числом выпущенных снарядов, каковое число стало как бы единственным или во всяком случае главнейшим критерием для оценки боевых заслуг артиллерии.

Справедливость требует, однако, отметить, что при всем том работа артиллерии была превосходна; это ей воздавали как свои, так и враги. Но ведь тут и удивительного ничего нет: пушка у нас была великолепная, снаряды также, обучение мирного времени—таковое же; вот потому-то с уверенностью можно утверждать, что при наличии всех этих данных блестящий боевой результат был вполне обеспечен и не было никакой необходимости прибегать к тому насилию над артиллерией, которое, не улучшая результатов, вызывало мотовство снарядов и преждевременный износ материальной части.

И ведь дело было так просто: стоило только ставить артиллерии определенные задачи, а как выполнять их— предоставить самим артиллерийским начальникам. Так ведь нет же: каждый войсковой начальник непременно хотел сам учить свою артиллерию, как ей надо стрелять, и при этом меньше чем на ураганном огне, да еще не иначе как в течение целых часов, никак не мирился.

Когда, наконец, вред от такого „управления“ артиллерией стал слишком очевиден, по инициативе полевого генерал-инспектора артиллерии из Ставки стали посылаться отдельные указания фронтам и армиям, которые потом были сведены во II-й части особого „Наставления“ [1]), изданного в 1916 году и потом переизданного в 1917 г. Во II-й части (артиллерийской) этого наставления даны подробные указания как по части техники действия артиллерии в разных случаях позиционной войны, так и по части ее подчинения и управления ею. В сопроводительном приказе Верховного главнокомандующего (от 23/IV 1917 г.) отмечается, что, по свидетельству самих строевых начальников, нарушение преподанных в „Наставлении“ основных положений приводило нередко к кровавым неудачам. Так вот в статьях 131—135 этого „Наставления“ сказано:

131. Действительность стрельбы достигается не безудержным расходом снарядов, а методическим ведением огня, целесообразным его распределением по заданному фронту, тщательным наблюдением каждого выстрела и производимого им разрушения.

132. Должно вывести из обихода „ураганный“ и подобные ему виды огня, порождаемые неспокойным состоянием духа (в обход этого указания изобретают название „интенсивный“, „напряженный“, „барабанный“ и т. п. огонь). Стрельба без ясно поставленной цели—преступная трата снарядов.

133. Стрельбу на разрушение ведут „орудиями“ с возможно равными промежутками между выстрелами; батарейные очереди и залпы недопустимы. Такой огонь, методичный и длительный, действует на психику противника и дает возможность корректировать каждое орудие.

135. Для охлаждения орудий должно заготовить чистую воду и мокрые тряпки, чтобы покрывать ими

[1]) В 1916 г. были изданы собственно „Общие указания для борьбы за укрепленные полосы, часть II, артиллерийская“, переработанные в 1917 г. уже в уставное „Наставление для борьбы за укрепленные полосы“.

стволы во время перерывов стрельбы. Если ствол обжигает руку, то канал проходят смоченным банником или, подняв хобот и заткнув дуло, наливают водой и быстро промывают банником.

Ничего подобного не было у нас на фронте в течение почти двух лет войны. Поэтому и не удивительно, что непродуктивно тратилась масса снарядов и портилось много орудий.

Однако, собрать более или менее точные сведения о том, сколько же именно их тратилось у нас в среднем или максимально в разных случаях минувшей войны, так и не удалось, кроме как в отдельных, очень редких случаях, не дающих возможности составить общую картину этого расхода и проверить вышеприведенные данные „Справки" Упарта.

Единственный ценный в этом отношении документ, сохранившийся в делах ГАУ, это—сношение начальника Упарта к начальнику ГАУ от 28/VI 1916 г. № 971, в котором он указывает, что на основании опыта последних боев армий юго-западного фронта получены следующие цифры ежедневного среднего расхода выстрелов на единицу оружия, с оговоркой, что при расходе соблюдалась экономия (конечно, только не по отношению к 3" выстрелам, которых был уже значительный избыток):

3" легкая пушка	60
3" горная "	25
Японская Арисака	40
48-лин. гаубица	40
42-лин. скорострел.	40
42-лин. креп. 77 г.	20
6-дм. гаубица	55
6-дм. пушка в 120 п.	40
6-дм. " в 200 п.	15
6-дм. Канэ	25
3-лин. винтовка	9

И вот на основании этого опыта Упарт выработал следующую новую норму потребности фронта, при чем указывает, что норма, исчисленная по данным к 1 ноября 1915 года, уже не может удовлетворить потребностей фронта.

Таблица № 2.

МЕСЯЧНАЯ ПОТРЕБНОСТЬ.

		По норме 1/XI 1915 года.	По норме 28/VI 1916 года.
3″ полевая	шрапнель	1.600.000	2.000.000
	граната	800.000	2.000.000
3″ горная	шрапнель	135.000	150.000
	граната	65.000	150.000
Японская Арисака		Нормы не было.	140.000
Итого		2.600.000	4.440.000

Итак, в июне 1916 года для наличия орудий около 5.000 полевых и около 300 горных Упарт заявил требование на $4^1/_2$ миллиона выстрелов в месяц; а в январе 1917 года тот же Упарт на междусоюзнической конференции, исчисляя потребность на 1917 г. и исходя уже из 9.220 полевых и 1.620 горных, т. е. 10.840—значит, вдвое большего количества пушек, заявил требование всего на $3^1/_2$ миллиона выстрелов в месяц. При этом Упартом же было заявлено: 1) что по части этих выстрелов помощи от союзников не требуется, так как „годовая потребность удовлетворяется с избытком“, и 2) что к 1-му января 1917 года имеется у нас запас 3″ выстрелов—16.298.000 штук (см. отчет конференции, приложение 2: стр. 1, 4 и 7; приложение 28: стр. 4 и приложение 30: стр. 6 и 7).

И действительно, к этому времени у Упарта в руках был уже весь материал по части расхода боевых припасов за весь период войны и особенно точный за 1916 год, причем Упарт, конечно, не сомневался в том, что присланные ему с мест сведения во всяком случае грешат пре-

увеличением, а уж никак не преуменьшением. А так как при этом в 1916 году уже никакого стеснения в расходовании 3″ выстрелов не было, то, значит, показанный расход за весь год, ок. 16,8 миллионов, несомненно превышал истинный.

Исходя же из этого годового расхода, для среднего месячного расхода получаем около 1.400.000 выстрелов, а округляя его еще прибавкой 100.000 в месяц (или 1,5 миллиона в мес.), можно с полной уверенностью сказать, что действительная потребность в 3″ выстрелах, при наличии у нас не более 5½ тысяч 3″ пушек, не превышала в 1916 году 1½ миллионов в месяц или 18 миллионов в год. Самый остаток к 1/1—1917 г. в 16¼ миллионов выстрелов свидетельствует об этом красноречивее всяких рассуждений и доказательств.

Как же после этого назвать требование Упарта 4½ миллионов в месяц (или 53-х миллионов в год)? И с каким вообще доверием после этого можно было относиться и к остальным его требованиям? А что такие требования были далеко не безобидного характера, видно из того, что в это время уже ясно определилось у нас: голод во всякого рода сырье, особенно в металле и топливе, в оборудовании, в рабочих руках, в валюте, в тоннаже, а также стало уже прямо угрожающим все увеличивающееся расстройство транспорта. И все бы это было еще ничего, если бы не несомненная и очевидная для всех нехватка тяжелой артиллерии и особенно выстрелов для нее, что было неизмеримо существеннее для армии, и без чего в условиях твердо сложившейся позиционной войны нельзя было сделать буквально ни шагу.

Я с самого назначения меня на должность начальника ГАУ и образования особого совещания по обороне не уставал твердить и доказывать необходимость—прежде всего заботиться об удовлетворении потребности выстрелов для тяжелой артиллерии, хотя бы даже в ущерб полевой, но мои доводы своевременно приняты во внимание не были, и вспомнили о них только тогда, когда было уже поздно. Причиной такого отношения к тяжелой артиллерии было прежде всего то обстоятельство, что почти до конца

1915 года и Ставка и фронты били тревогу почти исключительно на счет выстрелов для легкой артиллерии; а затем упорное нежелание наших заводчиков отказаться от столь выгодного, простого и уже налаженного производства, как производство 3″ снарядов, и переходить на более сложное и трудное, а вместе с тем и более длительное и хуже оплачиваемое производство крупных снарядов, для которых нужны и более сильные прессы, и более тяжелые станки. Особое совещание по обороне, долго не слыша о тяжелых снарядах такого-же набатного боя с фронтов, какой шел о 3″ снарядах, стало на сторону заводчиков, лицемерно уверявших в чистоте своих побуждений, и оставило на 3″ снарядах все заводы, даже с очень мощным оборудованием, вполне пригодным и для крупных калибров.

Конечно, в этом важном деле могла и должна была поднять свой голос Ставка, но почти всю первую половину войны (1914 и 1915 г.г.) в ней не было не только компетентного в этих вопросах органа, но и отдельных специалистов, кроме вышеупомянутого шт.-кап. С., влияние которого на эти дела было, конечно, ничтожно. Но затем с 1916 года в Ставке образовался Упарт, и уж тут совершенно непонятно подобное его отношение к этому важнейшему вопросу, ибо Упарт ясно понимал, в чем дело, и знал прекрасно все наступавшие в тылу затруднения и, видя, с каким трудом и как медленно идет увеличение подачи тяжелых снарядов, все же продолжал настаивать на таких огромных требованиях легких, как $4^1/_2$ миллиона, хотя не мог не знать, что при этом нельзя готовить одновременно и достаточное количество тяжелых снарядов, и что и одной трети требуемых легких было бы вполне достаточно для армии; а если бы даже Упарт и не знал всего этого, то уж, конечно, понимал—чем в данном случае можно и должно пожертвовать. Такая политика Упарта была тем более непонятна, что из недр его в начале июня 1916 года вышла та „Записка“ на имя Верховного главнокомандующего, в которой не только в мрачных красках, а прямо трагически изображено наше положение по части транспорта, металла, топлива, рабочих,

валюты, продовольствия и других предметов первой необходимости.

Правда, в этой записке указывалось на необходимость „сократить изготовление бомбометов, ручных гранат, за исключением наших артиллерийских образцов 1912 и 1914 г.г., прочих вспомогательных средств борьбы и других предметов, имеющих второстепенное для армии значение, дабы освободить рабочие руки, станки, металл и двигатели для изготовления патронов, снарядов и главнейших предметов вооружения".

Но от всех этих сокращений экономия получилась бы ничтожная, да и почти все это и без того уже было сделано; а вот о существенном—о крупном сокращении 3″ выстрелов—в записке не было сказано ни слова; напротив, именно в ней и указывалась необходимость их в $4^1/_2$ миллиона в месяц.

Итак, можно считать, что в условиях, подобных тем, какие имели место у нас на фронте даже в 1916 году, $1^1/_2$ миллиона в месяц или в среднем 30 выстрелов в день на 3″ пушку было достаточно. Конечно, надо иметь в виду, что все время речь идет о *среднем* расходе, на основании которого отнюдь нельзя говорить об отдельных эпизодах или о возможном максимуме или минимуме расхода. Ведь и в 1916 году были на всех фронтах периоды очень напряженных боев: были прорывы, были разного рода и „заградительные", и „разрушительные", и „ураганные", и „барабанные" огни,—словом, что называется, купались в 3″ снарядах, а все ж-таки всего израсходовали их неполных 17 миллионов. Конечно, в следующем году расход снарядов мог возрасти, но ведь к 1/I—1917 года в остатке значилось более 16 миллионов 3″ выстрелов—запас достаточный. Поэтому представлялась полная возможность расходовать в случаях нужды 3″ снаряды в том количестве, как это указывалось в приложении VII-м к „Наставлению для борьбы за укрепленные полосы", согласно которому на 10—12-дневную операцию исчислено от 1.200 до 1.500 выстрелов на 3″ пушку, или по 120—150 в день. Как раз такие расходы и были, напр., в боях с 16 по 19 июня 1917 года во II армии

VI и XIX корпусов (когда на 3" пушку было израсходовано по 162 выстрела в день и снарядного бюджета это нисколько не нарушало).

Ну, а что по этой части дал опыт войны наших союзников?

К сожалению, достаточных сведений об этом мы не имели во время войны, не имеем их и теперь. Правда, к нам проникло не мало всякого рода слухов, но именно только „слухов", достоверность которых была под большим сомнением. Из документов же, заслуживающих доверия, в моем распоряжении имеются только два: 1) письмо начальника штаба Верховного главнокомандующего к военному министру от 13 апреля 1916 года № 2076 и 2) справка „об артиллерии под Верденом", данная 5 августа 1916 года членом французской военной миссии в России полковником французской артиллерии Ланглуа.

1) В письме своем Наштаверх сообщает военному министру, что согласно полученным им сведениям, французы считают возможным приступать к наступательной операции лишь только тогда, когда количество выстрелов у них доведено:

на полевую пушку	до	7.200
„ 90 м м.	„	1.700
„ 150 м/м.	„	2.000
„ 95 м/м.	„	2.000
„ 120 м/м.	„	1.700
„ 155 м/м.	„	1.700
„ 220 м/м.	„	1.000
для более крупных	„	600

Продолжительность самой операции считается примерно 20 дней, в течение которых снаряды должны готовиться и подаваться к месту операции со всею интенсивностью.

2) В своей справке об операциях под Верденом полковник Ланглуа дает по части расхода выстрелов такие данные:

В период с 8/21 февраля по 3/16 июня, т. е. за 116 дней, израсходовано 1072-мя участвовавшими со сто-

роны французов полевыми пушками (75 м/м., 80 м/м. и 90 м/м.) всего 10.642.800 выстрелов.

Это составило в среднем за значительный период (116 дней) по 87 выстрелов на пушку в день.

Значит, под Верденом французская полевая пушка (в числе около 1.000 орудий) тратила в среднем за означенный период в три раза больше против нашего среднего же расчета. Конечно, эта разница значительная; но при этом необходимо иметь в виду: во-первых, что указанная верденская операция—исключительная как по своей напряженности, так и по значению ее во всей кампании; и, во-вторых, что у французов совершенно нет орудий в роде наших полевых 48-лин. гаубиц, а потому задачи сих последних французы возлагают на полевые пушки, которым поэтому и приходится стрелять значительно больше[1]). Так что для сравнимости результатов надо брать у нас выстрелы к 3″ пушкам и к 48-лин. и 45-лин. гаубицам против французских 75, 80 и 90 м/м., вводя при этом гаубичные снаряды с соответствующим коэффициентом (примерно, пропорционально кубу отношения калибров или отношению весов снарядов—и в том и в другом случае это будет 3,5). После такой поправки первоначальная разница в расходе выстрелов у нас и у

---

[1]) Автор немного ошибается: ко времени Верденской операции французы уже имели гаубичную артиллерию легкого типа, правда, большей частью устарелых образцов. Они имели 120 м/м. (48-лин.) короткую пушку обр. 1890 года с откатом ствола и 120 м/м кор. скорострельную пушку Шнейдера, почти тождественную с нашей полевой 48-лин. гаубицей 1910 г. обр. Шнейдера.

Сколько было таких батарей у французов ко времени Верденской операции, сказать трудно, но надо думать, что их было немногим менее, чем у нас 48-лин. гаубиц.

Кроме того, на ближайших дистанциях навесной фугасный огонь давали бомбо и минометы, которых французы к этому времени имели около 2.500 шт., на дальних же они с успехом заменялись 6-д гаубицами (короткими пушками, как их называют французы), которых у французов было раза в 4 больше, чем у нас.

Таким образом, легкие пушки заменяли наши легкие гаубицы только тогда, когда требовался навесной шрапнельный огонь, т.-е. когда применялись так-наз. диски Маландрена. Местность под Верденом, после февральских боев совершенно оголенная от лесов, уничтоженных артиллерийским огнем, требовала их применения лишь в редких случаях и потому надо считать, что легкая пушка сравнительно редко исполняла роль гаубиц.

Прим. ред.

французов заметно уменьшится и если все же останется чувствительной, то потому, что как ни значительна Верденская операция, все же это отдельный эпизод, в котором участвовало лишь 1.000 полевых пушек, т.-е. не более 20% от всего числа бывших у французов таких пушек, большинство которых во время верденских боев тратило выстрелов значительно меньше. А потому и средний результат для всех французских полевых пушек, конечно, будет куда меньше, чем для одних верденских пушек и, вероятно, не так уж много будет отличаться и от нашего.

К сожалению, у меня нет данных для производства более точного подсчета.

Что-же касается самой цифры верденского расхода—$10^1/_2$ миллионов выстрелов, то она, конечно, очень внушительна, но, с другой стороны, и для нас вполне осуществима. Действительно, подсчитаем, что мы могли ожидать на 1917 год, если бы ограничили подачу 3″ выстрелов 1,5 миллионами, а 48-лин. (и 45-лин.)—полумиллионом в месяц (в 1916 г. подача последних дошла до 517.000); тогда имея запасы:

3″	— 16,3 миллиона
48-лин.—1,3 мил.×3,5 [1])	= 4,5 „
и подав в течение года: 3″—1,5×12	= 18 „
и 48-лин.—0.5×3,5×12	= 20 „
Итого около	60 миллионов.

Значит, при переводе на 3″ калибр мы могли бы в 1917 году получить до 60 миллионов выстрелов, из которых расход в 10 миллионов на какую-либо серьезную операцию был бы вовсе не страшен.

А так как, сократив 3″ выстрелы до 1,5 миллионов, мы могли бы прежде всего значительно усилить подачу тех же 48-лин. выстрелов, то положение наше от такого сокращения только улучшилось бы.

Наконец, при решении вопроса о количестве выстрелов необходимо иметь в виду еще одно немаловажное обстоятельство: это—убыль орудий от расстрела, от

[1]) Здесь 3,5—переводный коэффициент с гаубичных снарядов на 3″.

повреждения неприятелем и от потери (в плен) и возможное пополнение этой убыли. При этом никак нельзя допустить, чтобы убыль орудий оказалась больше прибыли, т.-е., чтобы началось уменьшение числа орудий на фронте. Особенно это важно было для нас при нашей бедности артиллерией сравнительно с нашими противниками и при огромном протяжении фронта, когда корпусу приходилось вместо уставных 6—10 верст занимать позицию 120 верст, как, напр., VII сибирскому корпусу, имевшему при этом всего 62 легких скорострельных и 16 поршневых пушек. При таких условиях дальнейшее уменьшение орудий на фронте было совершенно недопустимо.

Мы же могли подать новых и отремонтированных всего (т.-е. и с заграничными) легких орудий (см. выше отдел об орудиях):

в 1914 г.	285	пушек.
„ 1915 г.	2.020	„
„ 1916 г.	7.388	„
а всего	9.693	пушки.

Из этого числа за то же время было нами утрачено около 5.000[1]) пушек попавшими в плен и подбитыми. Следовательно, только около пяти же тысяч пушек могло итти на замену расстрелянных и на новые формирования. И так как на эти формирования шло не меньше половины вновь поступивших на фронт орудий, то на замену расстрелянных пушек пошло за все это время не более 2.500—3.000 штук.

Правда, потом производство 3″ пушек наладилось в такой степени, что можно было рассчитывать подавать ежегодно тысячи по три их только для замены расстрелянных, но уже больше этого числа выжать для этой цели было нельзя. Значит, вот предел—3.000 пушек, которые ежегодно можно было при наших средствах приводить в негодность на фронте собственной стрельбой.

А какому числу выстрелов это соответствовало? Ответить на этот вопрос категорично и вполне определенно

[1]) О наших утратах подробнее будет сказано дальше.

очень трудно, т. к. опыта мирного времени для этого было недостаточно, а во время войны спохватились довольно поздно: точной регистрации не вели, за каналами внимательно не следили и спохватились лишь тогда, когда состояние орудий стало внушать серьезные опасения.

Дело в том, что наша 3″ скорострельная пушка обладает исключительными баллистическими качествами именно потому, что она сообщает своему 16-фунтовому снаряду начальную скорость почти в 2000 фут. в секунду, но зато при этом и давление в канале получается в 2300 атмосфер. Понятно, что при таком давлении и развивающейся при этом температуре канал орудия подвергается жестокому изнашиванию. Тем не менее, если обращение с пушкой, в смысле должного ухода за ней и недопущения бессмысленно-частой стрельбы, надлежащее, то она оказывается очень выносливой и, напр., на главном артиллерийском полигоне не в редкость были экземпляры, правда, единичные, выдерживавшие свыше 10.000 [1]) выстрелов без такого понижения баллистических качеств, за которым пушка признавалась уже неудовлетворительной по меткости и требовала замены ствола. Таким пределом считался тот, при котором на дистанцию ок. 2—3 в. (1000—1500 саж.) получается уменьшение средней дальности ок. 10%, что соответствует уменьшению начальной скорости ок. 5%. Вот единственная причина, из-за которой пушка должна быть выбракована и никакие другие внешние признаки разгара канала (отколы, выкрашивания и округления нарезов) не могут служить основанием для этого, хотя и являются достаточно надежными показателями степени приближения конца службы пушки.

Этим именно и руководствовались войсковые артиллерийские комиссии, осматривавшие орудия на фронтах. Но, к сожалению, у этих комиссий не было иного способа для суждения о главнейшей данной о степени потери меткости у осматриваемой пушки, как „опрос личного состава батарей“. Несомненно, этого было недостаточно:

---

[1]) Французская пушка, у которой и начальная скорость и давление меньше нашей, нормально выдерживает 10.000 выстрелов.

во-первых, этот признак (потеря меткости) очень трудно уловим даже для опытного глаза на значительных расстояниях (стрельба на дистанции в 2—3 версты бывала относительно редко и заключения о потере меткости приходилось делать при стрельбах на значительные дистанции); во-вторых, этих „опытных“ глаз становилось в батереях все меньше и меньше; в-третьих, всякого рода „ураганными“ да „барабанными“ огнями так развратили личный состав, что он в большинстве перестал следить за каждым своим выстрелом с тою тщательностью, как к этому его приучали в мирное время, да и вряд ли это было возможно при той частоте огня, какая стала обычной; и, наконец, в-четвертых, нередко бывало, что личный состав батарей умышленно давал своим пушкам аттестацию лучшую, чем они заслуживали, опасаясь, что в случае забракования отнять-то их отнимут, а взамен дадут ли скоро другие, более исправные,—это еще вопрос. Тем более, что всем было известно, что вместо забракованных пушек могут дать не новые, а почти такие же („войсковые части не должны отказываться принимать на замену или пополнение предметы хотя и не новые, но не достигшие предельного износа“).

В силу всего этого войсковые комиссии, сами состоявшие из тех же артиллеристов, при осмотре орудий, не имея основания не верить их хозяевам, охотно соглашались с их мнением и признавали орудия годными к дальнейшей боевой службе, хотя состояние каналов их могло бы заставить призадуматься над ними.

При таком способе оценки на основании осмотра большого количества орудий было сделано заключение, что в среднем предельным числом выстрелов, выдерживаемым нашей 3″ пушкой, можно призвать 6000.

Но с оговоркой, что орудия, вступившие во 2-ой, а тем паче в 3-й год войны, такой стойкостью уже не обладают и выдерживают на 25% (2-й год) и 40% (3-й год) меньше (вследствие худшего качества металла, меньшей тщательности в работе, особенно в шлифовке канала из-за нехватки полировочных средств). Эта оговорка, конечно, правильна; но что касается числа 6000—в

нем можно сильно усомниться, тем более, что ведение орудийных формуляров чуть ли не с первого года войны было столь небрежно и до такой степени никого не интересовало,—а кроме того, как уже было отмечено выше, и в занесенных в формуляры данных особой уверенности быть не могло,—что серьезно основываться на формулярных записях вряд ли возможно.

Очень жаль, конечно, что не удалось, как предполагалось, проверить как следует, т.-е. на главном артиллерийском полигоне, падение начальных скоростей и меткости у орудий с сильно изношенными каналами, сделавших действительно (а не по формуляру только) 5000 и более выстрелов в условиях варварского обращения и при применении разных ураганных огней.

Такие опыты придется проделать потом. Но я не сомневаюсь, что комиссия признала вполне годными к дальнейшей боевой службе и часть таких пушек, у которых каналы были действительно в ужасном состоянии и которые, конечно, не выдержали бы полигонного экзамена, и приписываю это только тому равнодушию и невзыскательности, которые, как результат общей уже деморализации, заставляли мириться с сильно пониженными баллистическими качествами расстрелянного орудия. Конечно, я не буду спорить, что и такое орудие еще остается орудием, и что и из него вполне безопасно для себя (зато и не очень опасно для врага) можно еще стрелять. Но в какой степени оно похоже на ту великолепную 3″ скорострельную пушку, какой она была в начале,—вот в чем вопрос.

Конечно, по нужде и из совсем расстрелянной пушки можно действовать (стреляли же из совсем устарелых систем и изрядно поношенных пушек), но на сколько-нибудь значительных расстояниях (за 5 верст) она потребует столько снарядов на пристрелку и дальнейшее поражение, что станет уже явно невыгодной и терпимой именно только по нужде: такие пушки будут расходовать снарядов несравненно больше, а главное, не будут решать боевые задачи так, как их решала бы исправная пушка.

Конечно, окончательно этот вопрос может быть разрешен только хорошо поставленными опытами на главном

артиллерийском полигоне, которых и подождем; а пока я придерживаюсь того мнения, что осталось непоколебленным заключение артиллерийского комитета, составленное после опыта Японской войны, о том, что предельными (без существенного понижения меткости) для нашей 3″ пушки надо считать 3—4000 выстрелов.

Но даже допустив, что в условиях этой войны действительно представлялось целесообразным достреливать наши 3″ пушки, на круг, до 6000 выстрелов, все же на вывод из строя 3000 пушек было достаточно 18 миллионов выстрелов.

Значит, и в силу этой причины нельзя было, при имевшемся у нас наличии 3″ пушек и возможности уделять их не более 3000 в год на замену расстрелянных, допускать непомерное расходование снарядов (более $1\frac{1}{2}$ миллионов в месяц), если бы их даже имелось неограниченное количество.

Правда, в конце 1916 года мы разогнали производство 3″ пушек за 800 штук в месяц (считая и ремонтируемые сменой труб) и могли догнать еще до 1000, но и тут мы увлеклись на неверный путь совершенно так же, как и с легкими снарядами, т.-е. в явный и серьезный ущерб для орудий более крупного калибра. В результате число полевых пушек мы довели в 1917 году до 8500 шт. (обр. 1902, 1900 г.г. горных и японских); но зато по части тяжелой артиллерии мы безнадежно отстали. И был совершенно прав генерал-квартирмейстер при Верховном главнокомандующем, когда в заключении своей записки от 26 сентября 1917 года начальнику штаба Верховного главнокомандующего указал:

„Мы превосходим противника в легкой артиллерии, но при активных действиях недостаток тяжелой артиллерии не компенсируется избытком легкой, а потому, готовясь к весне, необходимо настоятельно добиваться гаубиц“ (лист 108, дело штаба Верх. главнокоманд. № 513).

Но это легче было писать, чем делать; перейти с 3″ пушки хотя бы на 42-линейную куда труднее, чем с 3″ снаряда на более крупный.

Итак, хотя не представляется возможным, на основании имеющегося материала, совершенно точно установить, сколько именно 3″ выстрелов расходовалось на фронтах в 1914, 1915 и 1916 годах и сколько в действительности их было нужно, тем не менее из всего приведенного выше видно, что истинная потребность в этих выстрелах (без всякого стеснения в их расходовании) вряд ли была более $1\frac{1}{2}$ миллионов в месяц или 18—20 миллионов в год. Все же лишние запросы по этой части, которые предъявляла тылу Ставка (до $4\frac{1}{2}$ миллионов в месяц или 53 миллиона в год), были в явный и непоправимый ущерб для прочих предметов боевого снабжения, среди которых тяжелая артиллерия и ее комплекты находились в исключительно тяжелом положении, не говоря уже об ущербе от этого для народного хозяйства вообще, выкачивать из которого в то время без крайней нужды десятки миллионов пудов металла, топлива и т. д. было политикой прямо преступной.

В заключение этого отдела интересно привести сведения о состоянии запасов 3″ выстрелов в разные периоды войны по показаниям самих войск. К сожалению, всех данных и по этой части я достать нигде не мог; а по тем донесениям главных начальников снабжений, которые удалось раздобыть в сохранившихся архивах, картина рисуется в таком виде.

8) Запасы 3″ выстрелов на фронтах.

Учет, более или менее точный, выстрелов, имевшихся в армиях и в запасах фронтов, а также в резерве Верховного главнокомандующего, начался вследствие категорических настояний ГАУ лишь в 1915 году, но когда именно,—я точно установить не мог, ибо относящиеся сюда данные в архивных документах имеются лишь с октября 1915 года; документы же Ставки Верховного главнокомандующего по отделу артиллерийского снабжения армий, относившиеся к периоду ранее октября и помещавшиеся в I-ой части дела № 21 (по общей описи дел штаба Верховного главнокомандующего № 372),

утеряны. Также не сохранились соответствующие донесения и в архиве ГАУ. Но имея в виду, что первая из сохранившихся двухнедельных „ведомостей о количестве выстрелов на каждое орудие и о запасах огнестрельных припасов в армиях западного фронта“ датирована 11-м октября и обозначена № 4, можно заключить, что № 1 такой ведомости относился ко второй половине августа 1915 года. Значит, примерно, только через год после начала войны на фронтах начали заниматься систематическим учетом наличия боевых припасов; до этого же времени это важное дело находилось в стадии отдельных, случайных и необъединенных донесений. Но и начав приводить в известность „боевое“ хозяйство, фронты посылали в тыл далеко не исчерпывающие сведения по этой части. Делалось это, может быть, с благою целью, ради сохранения тайны, но тылу от этого было не легче и ему все равно приходилось добиваться более полных сведений, без которых нельзя было составить ни общей картины потребностей, ни общего плана снабжения армии боевыми припасами. И, в конце-концов, такие сведения все же таки давались, но с большими запозданиями и неизбежными при этом недоразумениями и путаницей. Кроме того, в самых донесениях фронтов долго не было единообразия.

Так, западный фронт представлял сведения о числе выстрелов, имевшихся на орудие в войсках, и о величине запасов в армейских складах, но о числе орудий в армиях не сообщал, а потому было неизвестно, какое количество добавочных выстрелов на орудие представлял собой собственно запас данной армии. О резерве самого фронта сведений не давалось совсем.

Юго-западный фронт сообщал о количестве выстрелов на орудие в армиях, без подразделения на состоящие в войсках и в армейских запасах, и о запасах самого фронта; но т. к. число орудий фронта было также неизвестно, то и всего числа выстрелов на орудие узнать также было нельзя.

Наконец, северный фронт, вообще очень неаккуратный по этой части, сообщал о величине некомплекта выстрелов в возимых запасах армий и о количестве выстре-

лов в резервах армейских и фронтовых; о числе орудий также не сообщалось, а потому окончательных выводов делать было нельзя.

А так как ГАУ эти выводы были необходимы, то оно принимало меры к получению сведений о числе орудий, хотя бы путем приватной переписки с чинами штабов и управлений снабжения армий. А если и таким путем некоторых сведений все же получить было нельзя, то приходилось делать примерные подсчеты, исходя из приблизительного числа орудий данной армии.

И только с образованием Упарта при Ставке Верховного главнокомандующего это дело было в общем упорядочено и ГАУ с 1916 года стало получать необходимые сведения и ему уже не было нужды выпрашивать их окольными путями и прибегать к сомнительным вычислениям.

Но, к сожалению, многие дела как Упарта, так и ГАУ погибли и восстановить их теперь не представляется возможным.

Так вот, на основании всех сохранившихся документов, можно представить состояние боевых комплектов в армиях с октября 1915 года в таком виде.

К первому числу каждого месяца в возимых запасах батарей и их парков, а также в резервах армий и фронтов (кроме Кавказского), всего состояло количество выстрелов на каждую 3″ пушку (легкую и горную), показанное в нижеследующей таблице:

Таблица № 3.

	Год 1915.			Год 1916.											
Месяц.	X	XI	XII	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII
Число 3″ выстрелов на орудие.	360	451	691	950	1250	1380	1620	1800	1920	2040	2160	2280	2400	2550	2710

Установить более или менее документально удалось только числа, подчеркнутые в этой таблице; остальные (т.-е за март, апрель, июнь, июль, август, сентябрь, октябрь и ноябрь)—верны только приблизительно, т. к. в архивных делах нет подробных сведений ни о приходе, ни о расходе, ни об оставшемся наличии боевых припасов, равно как и о числе пушек, действовавших на фронтах и состоявших в резервах фронтов (т.-е. без комплектов).

И только, как сказано уже выше, к приезду конференции были собраны Упартом достаточно подробные данные о количестве боевых припасов по состоянию к 1.I 1917 г. Так, о числе выстрелов, приходящихся на единицу оружия к этому сроку, в ведомости № 2 (дело № 21, ч. II по общей описи № 373, лист 210) данные приведены.

К 1 января 1917 года состоит выстрелов на пушку:

Таблица № 4.

Фронты:	Легких.	Горных.
На северном	2.133	—
На западном	1.491	—
На юго-западном . .	1.750	1.533
На румынском . . .	861	1.549
На кавказском. . . .	2.912	1.225
В резерве Верх. главнокоманд.	1.133	63

Но эта таблица не дает общего представления об имевшихся запасах, а потому для получения такового приходится прибегнуть к некоторым вычислениям, а именно: весь запас 3″ легких выстрелов к 1.I—1917 г. значится в количестве 16.311.294 штуки; все количество 3″ легких

пушек к тому же сроку, согласно справки Упарта для конференции, показано в числе 5123 штуки; поэтому в общем на каждую пушку приходилось:

$$16.311.294 : 5123 = 3000,$$

и то же самое для горных:

$$987.681 : 284 = 3475.$$

Итак, из 1916 года наши 3″ пушки перешли в 1917-ый год с запасами: в **3000** выстрелов на каждую легкую и в **3500** на каждую горную, при общем количестве этих выстрелов в **16,3** миллиона.

Затем, в течение первых двух месяцев 1917 года подавалось на фронт примерно по 3 миллиона 3″ выстрелов, производство которых в конце 1916 года было разогнано до $3^1/_3$ миллионов в месяц; но затем, начиная с ноября, его начали умышленно сокращать в виду как несомненного пресыщения ими фронтов и резервов, так и явной невозможности усилить без такой меры производство более крупных снарядов, недостаток в которых продолжал ощущаться очень остро. Между тем нехватка металла, топлива и прочего сырья, а также рабочих рук достигла к этому времени очень серьезных размеров, а расстройство транспорта стало прямо угрожающим, поэтому, наконец, было признано недопустимым расходовать дальше сырье и держать на колесах громадные запасы 3″ выстрелов, не умещавшихся уже ни в какие склады.

В виду всех этих обстоятельств было решено сократить с 1.I—1917 года норму подачи 3″ выстрелов до 2.400.000, т.-е. до 80-ти парков в месяц. Как выполнялась эта подача в дальнейшем и каково было состояние выстрелов на фронтах и в резервах, достаточных сведений в моем распоряжении не имеется; я смог собрать данные, и то не очень достоверные, относящиеся к первому числу месяцев: февраля, марта, апреля и мая 1917 года; эти данные, вместе с вышеприведенными данными к 1 января того же года, сведены мною в нижеследующей таблице:

Таблица № 5.

	к 1.I с возимым запасом.	к 1.II с горными.	к 1.III тоже.	к 1.IV тоже.	к 1.V тоже.
3″ легких:	(в тысячах выстрелов).				
Северный	1.814	1.602	1.710	1.808	1.735
Западный	2.724	2.141	2.340	2.632	3.285
Юго-западный	2.970	2.200	2.663	3.059	2.717
Румынский	862	928	1.514	2.018	2.918
Кавказский	597	600	918	912	912
Резерв Верх. главноком.	6.345	7.549	8.680	8.560	6.970
3″ горных	987	—	—	—	—
Возимый запас	—	3.017	3.042	3.108	3.271
Итого	16.299	18.037	20.867	22.097	21.808
Примерное число выстрелов на пушку	3.020	3.200	3.500	4.000	3.450

Из этой таблицы видно, что наибольшее накопление 3″ выстрелов у нас было к 1 апреля 1917 года, когда на каждую из всех действовавших на фронте 3″ пушек приходилось ок. 4000 выстрелов.

Как шел потом приход-расход этих выстрелов, сказать ничего нельзя, т. к. документальных данных, сюда относящихся, не сохранилось совсем ни в архивах, поступивших в распоряжение военно-исторической комиссии, ни в делах ГАУ.

Но два документа, относящиеся: один — к 18 июня (июля 1917 года), а другой — к 22 ноября (5 декабря того же года) всеже-таки как-то уцелели и выдержки из них, как несомненно интересные, ниже приводятся.

1) Первый из этих документов представляет собою справку военному министру по боевому снабжению армии к 18 июня 1917 года. В этой справке по части 3″ выстрелов сказано следующее:

Наличие запасов к 18-му июня 1917 года:

А. Легкие орудия и их боевые комплекты:

(3″ полевые, 75 м/м. Арисака, 3″ горные, противоштурмовые, траншейные и противоаэропланные).

1. Всего таких орудий состоит на вооружении:

фронтов — около	7.200
в резерве „	2.600
Всего — около . . .	9.800

2. К этим орудиям имеется комплектов:

а) готовыми выстрелами — около . . .	24 000.000
б) отдельными элементами[1])	15.000.000
Всего — около . . .	39.000.000

или $5^1/_2$ тысяч выстрелов на действующую пушку.

3. Чего можно было бы ожидать в дальнейшем?

Если бы можно было поддержать хоть бы январскую производительность отечественных заводов и среднюю прошлогоднюю получку из-за границы, то ежемесячно можно было бы рассчитывать на следующее поступление орудий и выстрелов:

а) орудий новых — около	600
орудий отремонтированных	300
Всего — около	900

[1]) За исключением гильз, коих хватает не на все число выстрелов.

б) выстрелов к ним—около . . . . 3 милл.

4. А на что можно рассчитывать ныне?

Если положение не улучшится (но и не ухудшится) против того, что мы имеем в настоящее время, то нельзя будет ожидать ежемесячно более, чем:

а) орудий—около 375
б) выстрелов к ним—около . . . 2.000.000,

т.-е. понижение в орудиях и выстрелах—33%.

Ставка заявляет требование на ежемесячное поступление 300 пушек и 2.500.000 выстрелов.

2) Документ—еженедельный доклад Упарта в Ставку дает сведения о наличии запасов 3″ выстрелов к 22 ноября (5 декабря 1917 года), а именно:

на северном фронте	1.471.000
на западном „	3.094 000
на ю.-западном „	2.769.000
на румынском „	4.045.000
Итого . . .	11.379.000

Здесь исчислены все запасы: и возимые и резервы армий и фронтов.

К сожалению, точных сведений о числе действовавших в это время на фронтах 3″ орудий не сохранилось и только приблизительно его можно определить ок. 6000; так что на каждую 3″ пушку приходилось в конце ноября 1917 года, примерно, по **2000** выстрелов.

Наконец, о дальнейшем—не имеется уже совсем никаких данных.

Здесь интересно отметить, что запас 3″ выстрелов, достигавший к маю 1917 года 22 миллионов, сократился через полгода вдвое, т.-е. почти на 11 миллионов, хотя особых операций за это время не было.

В заключение этой главы ниже приводится сводная таблица о подаче 3″ выстрелов на фронты с начала войны и до I/III 1917 года. (Табл. № 6 смотри на обороте).

ТАБЛИЦА № 6

подачи на фронт 3″ выстрелов с начала войны по 1. III. 1917 г.

МЕСЯЦЫ.	3″ Легкие.		3″ Горные.		3″ Химические.		3″ (75 мил.) Арисака.		ИТОГО. (За округлен.).	
	Выстрел.	Парк.	Выстрел.	Парк.	Выстрел	Парк.	Выстрел.	Парк.	Выстрел.	Парк.
С 20/VII по 1/XII. . . .	5896438	$196^1/_2$	657825	33	—	—	—	—	6554000	$229^1/_2$
XII—1914 г.	348864	$11^2/_3$	45700	$2^1/_3$		—	—	-	395000	14
Итого в 1914 г. . .	6245302	208	703525	$35^1/_3$	—	—	.		6949000	$243^1/_2$
I -1915 г	357771	12	45700	$2^1/_3$	—	—	—	—	403000	$14^1/_3$
II—1915 г.	362959	12	34275	$1^2/_3$		—	—	.	397000	$13^2/_3$
III—1915 г.	470664	$15^2/_3$	45700	$2^1/_3$	—	—		-	516000	18
IV—1915 г.	662568	$15^1/_3$	68550	$3^1/_3$	—	.		—	531000	$18^2/_3$
V—1915 г.	439584	$21^1/_3$	45700	$2^1/_3$	—	.	—	—	685000	$23^2/_3$
VI—1915 г.	683192	$22^2/_3$	68550	$3^1/_3$	—	—	—	—	752000	26
VII—1915 г.	851628	$27^1/_3$	57125	3	—	—	—	.	909000	$30^1/_3$
VIII—1915 г.	999136	$33^1/_3$	45700	$2^1/_3$	—		30000	1	1075000	$36^2/_3$
IX—1915 г.	1196784	40	45700	$2^1/_3$	—	—	60000	2	1302000	$44^1/_3$
X 1915 г.	1457046	$48^2/_3$	92400	$4^2/_3$	—	—	60000	2	1609000	$55^1/_3$
XI—1915 г.	1512384	$50^1/_3$	114250	$5^2/_3$	—	—	30000	1	1657000	57
XII—1915 г.	1472348	50	120100	6		—	—	—	1592000	56
Итого в 1915 г. . .	10466064	$348^2/_3$	783750	$39^1/_3$	—	—	180000	6	11428000	394
I—1916 г.	1650000	55	—	—	—	—	210000	7	1860000	62
II -1916 г.	1320000	44	100000	5	45000	$1^1/_2$	90000	3	1555000	$53^1/_2$
III 1916 г.	1080000	36	120000	6	75000	$2^1/_2$	90000	3	1365000	$47^1/_2$
IV—1916 г.	1590000	53	100000	5	60000	2	60000	2	1810000	62
V—1916 г.	1740000	58	140000	7	90000	3	30000	1	2000000	69
VI—1916 г.	1980000	66	100000	5	120000		90000	3	2290000	78
VII 1916 г.	2130000	71	100000	5	90000	3	180000	6	2500000	85
VIII- 1916 г.	2700000	90	120000	6	150000	5	60000	2	3030000	103
IX 1916 г.	2850000	95	260000	13	150000	5	90000	3	3350000	106
X—1916 г.	2640000	88	260000	13	150000	5	90000	3	3050000	108
XI—1916 г.	2340000	87	200000	10	180000	6	—	0	2720000	103
XII—1916 г.	2220000	74	240000	12	210000	7	30000	1	2700000	94
Итого в 1916 г. . . .	24240000	817	1740000	87	1310000	44	1020000	34	28310000	972
I—1917 г.	2430000	81	240000	12	240000	8	60000	2	2970000	103
II—1917 г.	2460000	82	260000	13	210000	7	60000	2	2990000	104
Итого к 1.III 17. .	4890000	163	500000	25	450000	15	120000	4	5960000	207
А всего подано к 1.III 1917 года.	45841366	1537	3726275	187	1760000	59	1320000	44	52647000	1817

Эту таблицу мне пришлось ограничить первым марта 1917 года по той причине, что только до этого срока велся в ГАУ точный учет всего отпускавшегося на фронты и в моем распоряжении имеются подлинные документы, сюда относящиеся (дневные и месячные рапортички снабжавшего отделения ГАУ). Поэтому данные этой таблицы могут считаться вполне достоверными; за точность же более поздних сведений, т.-е. о подачах выстрелов на фронт в последующие месяцы, ручаться уже нельзя.

Так вот из вышеприведенной таблицы видно, что к 1/14 января 1915 года было подано на фронты около 7 миллионов 3″ выстрелов; за 1915 год их было подано ок. $11^1/_2$ миллионов; за 1916 год—ок. $28^1/_3$ миллионов.

А всего к 1/I 1917 года—ок. 47 миллионов; и, как мы видели выше, в остатке к этому же сроку числилось ок. 16,3 миллионов.

Значит, с начала войны и до 1/14 января 1917 года, т.-е. за 29 месяцев, было израсходовано всего ок. 30,5 миллионов 3″ выстрелов; это в среднем составляет по одному миллиону в месяц. Правда, в первый год войны эти выстрелы расходовались в размере, меньшем против действительной потребности, но зато в 1916 году этот расход был ничем не ограничен и, вероятно, превосходил действительную потребность. Одно здесь можно сказать: общее число пушек в эту войну было недостаточно (и по сравнению с нашим противником, и по протяжению нашего фронта вообще) и потому этот недостаток во многих случаях приходилось восполнять излишним расходом снарядов.

Какая часть из всего поданного на фронт количества 3″ выстрелов была изготовлена у себя внутри России и какая приобретена за границей и уступлена нам союзниками, об этом будет сказано далее.

Теперь перехожу к рассмотрению вопроса об изготовлении выстрелов за время войны внутри России.

---

9) Изготовление 3″ выстрелов за время войны:

а) внутри России.

Первым импульсом к изготовлению новых боевых припасов к 3″ орудиям (сверх тех, которые были изготовлены еще в мирное время в виде комплектов военного времени, по 1000 на каждую пушку) было приведенное выше официальное письмо начальника генерального штаба генерала Янушкевича от 21 июля (3 августа) 1914 г. № 1155 к начальнику ГАУ, в котором, после указания на необходимость ускорения подачи местных артиллерийских парков, было сказано: „Равным образом представляется крайне необходимым немедленно же изыскать способы к изготовлению новых запасов огнестрельных припасов и к скорейшей их доставке на театр военных действий“. Подобного же содержания доклад с указанием на необходимость предложить ГАУ незамедлительно приступить к изготовлению огнестрельных припасов сверх существующих норм был представлен того же 21 июля генералом Янушкевичем и военному министру, который в своей резолюции приказал ГАУ напрячь все силы для выполнения этой задачи.

Из этих двух документов было ясно одно: надо готовить новые запасы огнестрельных запасов; но каких и сколько—на этот счет никаких указаний ни в одном из них не было. Поэтому ГАУ решило эти вопросы само таким образом: оно определило размер предстоящего заказа в одну четверть шрапнельного и в половину гранатного запаса, бывшего перед войной. Для осуществления этого заказа в ГАУ были собраны представители заводов, могущих взяться за немедленное изготовление снарядов, и с ними были выяснены возможные условия заказа. На основании этих переговоров ГАУ был составлен и внесен в военный совет соответствующий доклад 9/22-го августа 1914 года, который и был утвержден 14/27 того же августа.

Итак, надо признать, что ГАУ не очень промедлило с исполнением упомянутого приказания военного министра, ибо на созыв заводчиков, выработку ряда контрактов с ними и составление соответствующего доклада в военный совет требовалось по тогдашним временам (т.-е. при соблюдении всех действовавших тогда формальностей) не менее 2-х недель, особенно имея в виду, что исключительной экстренности этому делу никто не придавал, т. к. с фронтов тогда еще не поступало никаких жалоб на недостаток снарядов. Да и промедление в несколько дней на сроках поставки таких предметов, как снаряды, значения не имело.

Но тут интересно отметить вот какое обстоятельство: когда означенное представление было внесено ГАУ в военный совет, то в частном заседании его оно было отклонено. И только по настоянию представителя ГАУ дело было перенесено в общее заседание военного совета, где и прошло только после защиты заказа тем же представителем ГАУ, доказывавшим, что заказ необходим, несмотря на то, что запасы состоят в должном числе, хотя бы для моральной поддержки армии, которая „вряд ли будет в состоянии одержать победу в генеральном сражении, если не будет уверена, что взамен израсходованных ею в тылу готовятся новые снаряды". Другим доводом в пользу заказа приводилось соображение, что к моменту „дележа" после войны надо быть сильнее, чем при ее начале.

Ясно, что если бы не настойчивость представителя ГАУ (ген. Смысловского), то заказ не был бы утвержден. Здесь важнее всего то, что, значит, еще в половине августа такое учреждение, как военный совет (вынесший десять лет тому назад приведенное выше столь мудрое решение об обеспечении армии боевыми припасами) считал достаточным для текущей войны запасов, заготовленных в мирное время, а следовательно, и самую войну— непродолжительной.

Итак, в начале августа 1914 года ГАУ признало необходимым дать заказ на снаряды „на первое время войны" в размере:

25% комплекта для 3″ полевых шрапнелей, т.-е.	—	1.500.000	штук.
50% „ „ „ „ гранат, „	—	400.000	„
и 50% „ „ 48-лин. бомб, „	—	160.000	„
Итого. . .		**2.060.000**	штук.

(См. представление ГАУ в военный совет от 9 августа 1914 г. № 2865 секр.).

Фактически же удалось в этот раз разместить заказы: на 648.000 3″ снарядов и 184.000 48-линейных.

В два последующих представления—от 6/19 и 10/23 сентября (за №№ 3374 и 3438 секр.) ГАУ было испрошено разрешение военного совета на заказ еще 1.800.000 3″ шрапнелей и 316.000 3″ гранат. Затем представлением от 17/30 сентября (№ 3564 секр.) испрошены заказы еще на 1.630.000 3″ шрапнелей и на 670.000 3″ гранат.

Таким образом, за первые два месяца войны (по 18 сентября/1 октября) ГАУ было выдано заказов:

на 4.058.000 штук 3″ шрапнелей
„ 1.026.000 „ 3″ гранат
„ 184.000 „ 48-лин. бомб

а всего на 5.268.000 3″-х и 184.000 48-лин. снарядов, т.-е. в размере почти боевого комплекта.

А к 1/14 ноября 1914 года было дано заказов, как это видно из доклада ГАУ военному министру от 13/26 ноября 1914 года, № 4591 секр., на 7.600.000 3″ снарядов, т.-е. почти в полтора раза больше всего боевого комплекта, заготовленного перед войной для этих пушек.

Все это количество должно было быть изготовлено, согласно заключенных контрактов, в годичный срок.

Но, конечно, большинство заказов выполнялось неаккуратно в контрактные сроки из-за начинавших уже ощущаться затруднений в транспорте, рабочих и проч., а кроме того, уже к этому времени Ставкой были заявлены требования не на возобновление только боевого комплекта, т.-е. 5—6 миллионов, а на полтора миллиона ежемесячно, или на 18 миллионов в год. Значит, заказ $7\frac{1}{2}$ миллионов снарядов составлял менее половины требуемого, а потому его следовало бы по меньшей мере удвоить и даже утроить, имея в виду ясно определившуюся уже неисправность поставок.

ГАУ, повидимому, понимало все это, тем не менее не усилило заказов до такой степени по следующим причинам, приведенным в показаниях ген. Кузьмина-Караваева и Смысловского верховной следственной комиссии.

В виду существующих законоположений о военном фонде (действие которого ограничивалось тем годом, в котором закончилась война, с надбавкой лишь 4 льготных месяцев) в первые месяцы войны все заказы разрешались лишь в срок до октября—ноября 1915 года.

Поэтому более или менее крупные заказы на снаряды на этот срок могли взять только очень немногие заводы, которые уже имели у себя достаточное и соответственное оборудование и потому могли в столь короткий срок развить и дальше свою производительность.

По этим большим заказам изготовлялись в преобладающем количестве снаряды тех калибров, которые требовались по намеченным организационным соображениям, а также на вооружение крепостей. Снарядов 3-дм. калибра было в работе незначительное количество, потому что установленный для большой войны комплект 3-дм. скорострельной артиллерии состоял налицо. Эти заводы и надо было сразу же использовать для крупных снарядов, но т. к. о таковых пока тревоги не били, то и им заказы были выданы на 3″ калибр [1]).

---

[1]) Перед самой войной, а именно весной 1914 года, па 16-ти заводах исполнялась работа по изготовлению разного рода снарядов на сумму 60 миллионов рублей.

Тем не менее эти заводы уже были знакомы с изготовлением снарядов, а потому их стоило развивать, помогая им в преодолении затруднений по выписке из-за границы станочного и прессового оборудования, предпочтительно перед остальными, явившимися в большом числе претендентами на заказы, чтобы не создавать вредной для дела конкуренции на заграничное оборудование, получать которое было очень трудно и рассредоточивать которое по заводам мелким, а тем паче вновь создаваемым или никогда не готовившим снаряды, было совершенно нецелесообразно, ибо от таких заводов ждать успеха пришлось бы очень долго, между тем как работавшие уже снаряды заводы смогут впоследствии, развившись без помехи, усилить свою производительность до такой степени, которая во много раз превзойдет все то, что обещали (но, конечно, не дали) разные предприниматели, искавшие в заказах только одной наживы. Поэтому ГАУ считало, что не следует поощрять спекулятивные предложения и утешаться бумажным числом выданных заказов, а основываться на заводах, уже изготовлявших снаряды; из неготовивших же выдавать заказы только заведомо солидным предприятиям или оказавшимся пригодными при специальном обследовании их техниками ГАУ. Таким образом, предполагалось организовать надежные и мощные центры производства снарядов на вполне пригодных для этого заводах, собирая к ним постепенно все технические средства (как в смысле оборудования, так и личного состава), имевшиеся внутри страны и могущие быть доставленными из-за границы, и развивая их производительность до тех пор, пока она не достигнет пределов, достаточных для удовлетворения нужд армии.

С уверенностью можно сказать, что такой способ „мобилизации“ нашей промышленности был бы наиболее целесообразным, и если бы его удалось осуществить на деле более или менее полно, то и снарядов получилось бы значительно больше, в более короткий срок и по цене значительно низшей. Но на деле вышло не так, и ГАУ по причинам, о которых будет сказано ниже, пришлось отсту-

пить от намеченной таким образом программы и выдавать заказы, что называется, направо и налево, при чем не только совершенно ничтожным заводам, но иногда прямо „пустому месту“, на котором ловкие аферисты обещали оборудовать с поразительной быстротой новые предприятия, которые должны были буквально засыпать нашу армию снарядами...

Конечно, при таких условиях заводское оборудование, которое можно было достать главным образом за границей и притом в очень ограниченном количестве, перекупалось по бешеным ценам спекулянтами и вырывалось у солидных заводов; точно так же переманивался личный состав, по части которого заводы бедствовали с самого начала войны (как об этом подробно было сказано выше); наконец, началась злостная спекуляция с валютой, бороться с чем было очень трудно и военному ведомству и кредитной канцелярии министерства финансов. Словом, началась та бешеная спекуляция на снарядах, подобной которой еще не видел свет и в результате которой расплодилась масса мелких, немощных в техническом отношении и просто дутых предприятий, поглощающих с поразительной прожорливостью и с ничтожной производительностью всякого рода оборудование, инструментальную сталь, металлы, топливо, транспорт, рабочие руки и технические силы, а также валюту.

Таким образом, вместо разумного и наиболее продуктивного концентрирования всех средств производства— их как будто нарочно распыляли по мелочам, вследствие чего почти все действительно солидные и мощные предприятия оказались лишенными возможности получить все им необходимое, а потому и вынуждены были значительно замедлить темп своего развития.

Я уже говорил в начале этого труда о том беспримерном ажиотаже, который охватил известную часть нашего общества при известии о крайнем недостатке боевого снабжения на фронте и возможности вследствие этого „хорошо заработать“ на предметах столь острой нужды.

Поэтому я не буду задерживаться на этой теме и ограничусь лишь напоминанием, что именно 3-дюймо-

вая шрапнель и была тем первым лакомым куском, на который оскалились зубы всех шакалов, для которых, кроме легкой наживы, нет на земле ничего святого и у которых, к великому несчастию для России, оказывалось подчас не мало сильных покровителей...

Здесь не безынтересно отметить, что первый толчок к этой спекулятивной горячке был дан самими высшими чинами военного ведомства—тогдашним военным министром и начальником генерального штаба.

Вот как описывает это в своем показании верховной следственной комиссии ген. Смысловский:

„9-го сентября (1914 г.) по приказанию ген. Сухомлинова у него на квартире были собраны представители тех заводов, которые могли бы изготовлять снаряды. Собрание это было довольно случайного характера, т. к., получив накануне приказание о вызове представителей, я мог только наскоро по телефону приказать пригласить их из числа тех, которые имели уже заказы. На собрании присутствовал министр торговли и промышленности. Собрание и совещание имело довольно поверхностный характер, при чем ген. Сухомлинов предложил для более детального обсуждения вопроса собраться через день у помощника военного министра. Однако во всяком случае на этом собрании из обращения ген. Сухомлинова к заводчикам да и самого необычного факта подобного совещания для заводчиков стало ясно, что государство очень нуждается в снарядах. Тут же, насколько помню, было отмечено, что вопрос о цене имеет второстепенное значение.

11-го сентября подобное же совещание состоялось на квартире у ген. Вернандера. На него заводчики явились в большем числе, при чем присутствовал и не безъизвестный Шпан, впоследствии высланный в Сибирь. В течение целого вечера велось обсуждение вопроса и подсчет возможного выхода снарядов в месяц, которое, насколько припомню, определялось, при полном развитии производительности, до 500.000 в месяц (вместо требовавшихся уже в то время 1.500.000).

К концу вечера на совещание прибыл и. д. началь-

ника генерального штаба ген. Беляев с последнею телеграммою о требованиях на снаряды, полученной недавно из Ставки, и, ознакомившись с результатами подсчетов, стал чуть ли не кричать с пафосом и негодованием на мизерность предполагаемых поставок по сравнению с требованием армии и заявил о критической необходимости получать снарядов втрое больше какою угодно ценою.

На меня, да полагаю и на всех представителей военного министерства, присутствовавших на заседании, это выступление генерала Беляева произвело удручающее впечатление. Я понимал прекрасно к тому же, что, несмотря на всю неутешительность определенного на заседании предварительного числа ежемесячной поставки, есть полная надежда ее дальнейшего увеличения, т. к. было ясно, что в такой короткий срок всех средств исчерпать и выяснить было нельзя. Это мое мнение и нашло себе подтверждение в дальнейшем. Полное раскрытие тайны генералом Беляевым только ухудшило дело, так как окончательно поставило поставщиков в положение хозяев, диктующих условия и цены, не говоря уже о колоссальном значении раскрытия истины в недостатке снарядов и в отношении несомненного повышения цен и в стратегическом отношении.

Вряд ли самый искусный шпион в то время мог оказать такую громадную услугу нашим противникам, обнаружив им истинное положение вещей, как это сделало выступление начальника русского генерального штаба.

Я не ошибся в моих предположениях.

На другой день после заседания явился ко мне директор петроградского металлического завода К. П. Федоров, бледный и взволнованный (к слову сказать, по всем моим впечатлениям один, если только не единственный, из наиболее честных директоров, с которыми мне только приходилось иметь дело).

„Я не мог спать всю ночь после вчерашнего заседания“, сказал он мне „Скажите, неужели у нас такое ужасное положение в армии относительно снарядов?“

Я старался успокоить его, насколько мог, уверяя,

что начальник генерального штаба погорячился и что в настоящее время главным образом хлопочут только о пополнении тех запасов, которые расходуются, и тому подобное.

„Ведь поймите,—продолжал Федоров,—что ведь немедленно после заседания во все концы мира полетели телеграммы о том, что Россия так нуждается в снарядах. Ведь теперь цены на все немедленно возрастут и мы даже вовсе, может быть, не купим тех станков и прессов за границей, о покупке которых вчера толковали, так как они будут перекуплены".

Я не имею средств установить, насколько оправдались слова Федорова, но что повышение цен произошло немедленно, с достаточной наглядностью свидетельствует представление в военный совет от 17 сентября, которым были утверждены все предложения на поставку снарядов по исключительно высоким ценам.

С этого времени для ГАУ начался положительно страдальческий период в отношении деятельности по заказам снарядов. Указанные два совещания и дача заказов по несообразно высоким ценам послужили как бы сигналом для повышения цен вообще, а вместе с тем к целому потоку различных предпринимателей, наводнявших ГАУ с многочисленными предложениями на поставку всевозможных предметов, в особенности же на поставку снарядов; но при ближайшем ознакомлении со всеми этими предложениями в огромном большинстве случаев определенно выяснилось, прежде всего, явное стремление к легкой и скорой наживе, получению значительных авансов, но никак не желание помочь государству. Неоднократно начальник управления рекомендовал мне прекратить вовсе прием всех этих поставщиков, но я понимал, что этим я только вызвал бы протест, жалобы, давления свыше и тому подобные меры, почему в огромном числе случаев имел терпение выслушивать каждого посетителя и затем разъяснить ему несостоятельность или непригодность его предложения; в уважительных же случаях принимал предложения".

Но, к сожалению, не только ген. Смысловскому, а и мне потом не удавалось отпихивать не только мало надежные и слабо обоснованные с технической стороны, а иногда и совсем безнадежные и даже явно мошеннические предложения.

Таким образом, вместо того, чтобы взять г.г. промышленников и разных спекулянтов в свои руки, военному ведомству пришлось самому попасть в их цепкие лапы и сыпать в их ненасытную и бездонную утробу сотни миллионов народного достояния, получая от них за это лишь ничтожную помощь в деле обороны...

Почему так вышло, я об этом уже писал раньше: полное отсутствие плана технической мобилизации, выработанного еще в мирное время; беспрестанное давление с фронта вследствие наступавшего снарядного голода; крайнее возбуждение общественного мнения, требовавшего усиления заказов без всяких рассуждений, и действительно ничтожная производительность в это время нашей снарядной промышленности, застигнутой войной в состоянии совершенной неподготовленности. А при всем том полное непонимание дела и отсутствие организаторских способностей у лиц, стоявших во главе военного ведомства; отсюда же и полная его беспомощность настоять на действительно целесообразном решении, которое в условиях момента было единственно правильное, хотя и непонятное для тех широких кругов общества, которые, не понимая всех сложных технических сторон производства, склонны были видеть залог успеха лишь в выдаче как можно больше заманчивых с виду заказов.

В сущности говоря, в это трудное время у нас не было не только главы правительства, в настоящем значении этого слова, и военного министра, понимающего что-либо в военной промышленности, а и министра торговли и промышленности и даже самого этого министерства, ибо в нем не было положительно никаких сведений о нашей промышленности и притом не только о мелкой и средней, а и о самой крупной. Я лично, почти год спустя после начала войны, никак не мог добиться от министерства торговли и промышленности, например, таких

сведений: на каких заводах, сколько и какой силы прессов состоит в действительности. Или таких: на каких заводах имеются сильные станки, пригодные для обточки снарядов крупного калибра. Или: на каких заводах (коксовальных) и в каком количестве производится добыча сырого бензола и переделка (разгонка) его на толуол. Или: каковы перспективы министерства по части обеспечения нашей потребности в кислотах—серной и азотной и в смазочных маслах. Или: где можно достать квалифицированных рабочих таких-то специальностей и т. д. и т. д.

На все эти и им подобные вопросы я или не получал ответов вовсе или, что еще хуже, получал совсем неверные. Вообще для меня так и осталось неразгаданной загадкой: да чем же собственно занимались в этом почтенном министерстве и почему оно носило свое громкое название?

И с самого начала войны и до конца ее это министерство, в сущности говоря, не принимало не только видного, как подобало бы ему, но почти никакого участия ни в тягостной мобилизации нашей застигнутой врасплох промышленности, ни в дальнейшей организации необходимых для ведения войны производств. И эту трудную роль пришлось взять на себя самому Главному Артиллерийскому Управлению, которому пришлось поэтому положительно разрываться на части, чтобы всюду производить своими техниками: и обследования, и инструктирование, и развитие, и снабжение, и создание новых заводов,—словом, все то, что должно было делаться специально для того существующим министерством.

И вместо того, чтобы министр торговли и промышленности с первого же дня войны сел рядом с военным министром и стал бы его первым и ближайшим помощником, он вместо этого избрал благую часть, совершенно отстранившись от дела и продолжая лишь ту исключительно „бумажную" работу, которая и в мирное время была, строго говоря, и бесплодна и ненужна.

Не удивительно поэтому, что при таких министрах, какими были военный и торговли и промышленности, трудно было делу изготовления боевого снабжения попасть

сразу на верный путь и твердо по нему следовать, раз что чуть ли не всякий проходимец мог своим наглым, явно безграмотным предложением, рассчитанным именно на невежество и царившую панику, сбить с толку главу ведомства и заставить его оказать давление на управление, выдающее заказы, в смысле отступления от правильно намеченной программы.

А вот удивительно, что подобные дела не прекратились и с образованием „Особого совещания по обороне государства“, когда были собраны и наиболее видные представители государственного совета и государственной думы (по 10 человек, во главе с их председателями), и старшие представители всех ведомств, и от всех общественных организаций (центр. воен.-промыш. комитета, союза земств и городов, торговых и промышленных кругов), и, кроме того, особо приглашался целый ряд сведущих лиц, могущих быть полезными делу обороны страны.

И при таком блестящем составе этого полномочного совещания дело обеспечения нашей армии боевыми припасами все же не только не двинулось тем темпом, на какой рассчитывалось при его образовании, а, напротив, во многих отношениях пошло хуже, чем если бы дело снабжения оставалось в руках самих довольствующих управлений.

И вот по каким причинам.

Во-первых, это совещание было слишком многоголовым, чтобы быть рабочим и достаточно продуктивным, ибо — это уж бесспорная истина, что никакое практическое дело нельзя делать толком в собрании 50—60 человек, да еще такого разношерстного состава, каким было это совещание.

Во-вторых, в этом огромном составе все же было очень мало людей, действительно понимающих военную технику и причины неудовлетворительности снабжения нашей армии и могущих указать меры, необходимые для его усиления. Зато было много таких, которые видели в этом совещании, главным образом, орудие политической борьбы и в соответствии с этим и вели линию своего поведения. И так как таких было большинство и они были наиболее активными и наглыми, то военный министр, их

ставленник, являвшийся якобы, полным хозяином дел и при котором совещание было лишь „совещательным“ органом, на самом деле был послушным орудием в руках этих господ, которые и делали, что хотели.

И хотя и представителей ведомств (военного, морского, финансов, государственного контроля, путей сообщения, торговли и промышленности) бывало на совещании не мало (до 25—30 человек), но так как они являлись вследствие установившейся с самого начала тенденции, как бы подсудимыми и во всяком случае не смевшими, своего суждения иметь[1]),—то обыкновенно их мнение особого веса не имело.

Что же касается персонального состава совещания, то нельзя не отметить, что среди него нельзя было указать ни на одно лицо, в полной мере обладавшее данными для того, чтобы действительно во всей глубине разрешить больной вопрос об усилении снабжения нашей армии. Не было и просто крупных людей, основательно знавших нашу военную промышленность и понимавших возможность использования частной для военных целей, несмотря на то, что в совещании заседали два „бывших“ министра торговли и промышленности и иногда являлся и третий (Шаховской). И вообще надо признать, что эта война „героев“ не родила, по крайней мере у нас в тылу она не выдвинула среди участников всех четырех совещаний и их многоголовых комиссий и подкомиссий ни одного действительно крупного государственного деятеля с глубоким пониманием истинного положения вещей и с недюжинным организаторским талантом. Все это были люди по преимуществу слова, кафедры и рисовки, привыкшие по каждому вопросу, прежде всего, „говорить“ и говорить много, красиво, с „надрывом“, при чем каждый из них совершенно искренно считал, что если он „хорошо сказал“ и произвел на слушателей ожидаемое „впечатление“, то он свое дело сделал,—и глядел победителем. Каковы же будут дальнейшие результаты его говорения— это его по существу мало озабочивало...

---

1) За самыми редкими исключениями.

Конечно, я не буду утверждать, что в особом совещании по обороне не было совсем людей, понимавших дело и бывших в состоянии помочь ему; но, к сожалению, это были или совсем маловлиятельные люди, или же прикосновенные к „промышленности“, а потому и заинтересованные больше всего в извлечении из войны личных выгод.

Большинство же совещания, как уже было упомянуто выше, состояло из общественных деятелей, которые ставили себе определенную задачу—доказать во что бы то ни стало, во-первых, полную несостоятельность военного ведомства в деле обеспечения армии боевыми припасами, а во-вторых, что все спасение родины—в руках только их, общественных деятелей. Поэтому, не останавливаясь решительно ни перед чем, даже перед ущербом для снабжения армии, все эти господа повели такую бешеную кампанию против военного министерства в частности и особенно против ГАУ, что всякому маломальски непредубежденному члену совещания было ясно, что при этом неизбежно должно будет пострадать, и притом существенно, само то дело, ради которого, яко-бы, ратовали эти печальники за нашу родину.

Все, кто противился такой политике особого совещания и старался доказывать, что и главные управления тоже коечто делают, а главное, могут сделать значительно больше, если только им не будут мешать, не будут их травить и ставить их в тиски бесчисленных комиссий (подготовительных, междуведомственных, наблюдательных, контрольных) и из-за всякой мелочи устраивать им публичные инквизиции в пленуме совещания,—все такие протестанты безжалостно изгонялись из совещания и из управлений как „вредные“ люди старого бюрократического режима, неспособные проникнуться новыми веяниями и виновные во всех наших бедах. Таким именно образом был удален из ГАУ мой ближайший помощник по делу снабжения—ген. Смысловский. На мой протест, что это будет явный ущерб делу снабжения армии, что с начавшимся бегством, вследствие создавшегося положения, из ГАУ лучших работников и невозможностью привлечь на службу в него

при таких условиях новых, я, сам совершенно новый человек у этого сложнейшего и важнейшего дела, буду поставлен с уходом ген. Смысловского в крайне тяжелое положение,—ген. Поливанов ответил мне, что он сам лично очень ценит ген. Смысловского, не верит ни одному слову возводимых на него обвинений и что, кроме того, понимает ущерб для дела от его ухода, но что уйти ему нужно, так как „Родзянко и Гучков настаивают на этом". После этого мне было предложено удалить еще ряд служащих ГАУ, против которых не выдвигалось никаких конкретных обвинений, кроме того, что у такого-то члена совещания (чаще всего у Родзянко, Протопопова, Гучкова, Шингарева, Милюкова, Коновалова) имелись какие-то „обоснованные" подозрения.

Когда же я требовал вместо подобного удаления предать виновного суду, этого не делалось по причинам, мне неизвестным. Но так как я не соглашался на изгнание моих подчиненных по одним каким-то подозрениям, то в ГАУ начались визиты буквально каждый день чинов главного военно-судного управления с поручениями военного министра произвести расследование по целому ряду дел. Эти расследования длились все время, пока военным министром оставался ген. Поливанов и в результате, несмотря на все усердие производивших дознание, видимо специально инструктированных и получавших указания не от одного военного министра, ни один из чинов ГАУ суду предан не был.

Конечно, разные упущения найдены были, но разве можно было работать без упущений в таких условиях, когда, с одной стороны, требуется величайшая поспешность и решение дела только по существу, а с другой—поверяющие ведомства продолжают попрежнему настаивать на соблюдении всех законных формальностей, а при всем этом со стороны общественного мнения—щедрые обвинения во взяточничестве и чуть ли не в государственной измене. И как можно было спокойно и плодотворно работать, когда буквально не проходило дня, чтобы не было какого-либо „расследования": то чин главного военно-судного управления по приказанию военного министра; то

член наблюдательной комиссии особого совещания; то следователь верховной комиссии; то срочная справка для подготовительной артиллерийской комиссии; то документы для сенатора Гарина, специально назначенного помощником военного министра для предания суду всех „преступных элементов“ главных управлений... А тут еще—неумолчный гул осуждений со стороны всего общества и резкие обвинения из армии.

Я надеюсь, что всякому ясно, каково было работать при таких условиях. Это было прямо сверх человеческих сил, и действительно всякий, кто только мог, бежал из этого ада, а привлекать новые силы, и притом порядочные, при подобных условиях было невозможно. Конечно, было не мало охотников „окопаться“ в стенах ГАУ от посылки на фронт или в надежде половить рыбку в мутной водичке, но ведь не таких же „работников“ нужно было ГАУ. Даже вполне приличные строевые офицеры— и тех могли бы взять только на самые второстепенные места, т. к. все мало-мальски ответственные должности требовали работников, уже хорошо освоившихся с трудной техникой дела удовлетворения потребностей армии самыми сложными видами боевого снабжения, а с большинством из них могли справиться только лица с высшим артиллерийским образованием. Обо всем этом я неоднократно докладывал ген. Поливанову, но ни он, ни особое совещание знать ничего не хотели и продолжали свою травлю ГАУ, не доверяя ему, мешая ему проводить свою программу и стараясь при всяком удобном и неудобном случае подчеркивать, что если что делается для армии, то только потому, что все дело взяли в свои руки „общественные деятели“, отстранив от него ГАУ.

При таких условиях естественно, что ГАУ было бессильно бороться с нахрапом тех алчных предпринимателей, которые организовали крестовый поход на казенный сундук под видом спасительных для армии предложений на поставку 3″-х шрапнелей, т.-к. получившие отказ знали куда теперь апеллировать: они являлись к Родзянко (или к Гучкову, или еще к какому-либо из членов особого совещания), проливали несколько гражданских слез

и заявляли жалобу на ГАУ. В ближайшее же заседание особого совещания Родзянко или Гучков разражался филиппикой против ГАУ, громил рутину, косность и предательство чинов его и требовал немедленной выдачи заказа, хотя и по несообразно высокой цене и с выдачей крупного аванса, хотя и без надежных гарантий со стороны подрядчика.

И выдавали, несмотря на протест ГАУ и предсказания, что из этого ничего, кроме извода казенных денег, не выйдет.

Правда, скоро и само особое совещание убедилось в справедливости этих предсказаний, но, конечно, в своих ошибках не повинилось, а лишь ввело для обеспечения интересов казны такой корректив: впредь выдавать аванс (до 65% от суммы заказа,—это вместо-то залога, который должен был вносить сам подрядчик по нашим законам, действовавшим до войны) подрядчикам, не имевшим законного обеспечения, только **под гарантию банка**. Вот откуда началось полное закабаление нашей промышленности банками, которые, выдавая свои гарантии, конечно, не за маленькие проценты, преследовали исключительно свои ростовщические цели, нисколько не считаясь ни с состоянием попавших к ним в сети заводов, ни с интересами обороны: им только вынь да положь день в день следуемые им проценты, иначе заводу угрожали печальные последствия, законом предусмотренные. И заводы должны были платить, т. к. знали, что банки с ними шутить не будут. Конечно, при таких условиях ни одно промышленное предприятие не могло развиваться сколько-нибудь нормально, т. к. заботы о предстоящем платеже в банк висели над ними Дамокловым мечом и при этом, конечно, было уже не до правильной постановки и усовершенствования производства, всегда требующих лишней затраты, а напротив, приходилось **выжимать** все, что только можно было выжать, хотя бы ценой понижения качеств работы и явно вредной для дела перегрузки производства.

Выгодна была такая система только для дутых предприятий, которые заранее знали на что шли и которые

так изощрялись в подстраивании разных „форс-мажеров“ (которых, по правде сказать, было и без того более чем достаточно почти с самого начала войны), что стали по этой части положительно виртуозами, состязаться с которыми было явно не по силам нашим казенным юрисконсультам. Поэтому только в редких сравнительно случаях удавалось поймать, что называется, за хвост этих ловких аферистов, и тогда страдал, конечно, банк, который, однако, в накладе не оставался, ибо математически учитывал вероятность подобных неприятностей соответственной надбавкой % % на все выдаваемые им „гарантийные письма“ и с лихвой компенсировал изредка получавшиеся убытки.

Но кто всегда оставался в накладе от этих афер— это армия, не получавшая снарядов, несмотря ни на безумные цены на них и ни на всякие авансы и прочие льготы для бесстыдных подрядчиков.

Я не буду останавливаться на отдельных эпизодах этих отвратительных вакханалий с 3″ снарядами, т. к. для этого пришлось бы потратить много времени и места; в общем о таких пароксизмах ажиотажа уже сказано в начале этого труда; в частности же, т.-е. конкретными примерами по этой части полны дела как ГАУ, так и наблюдательной и артиллерийской подготовительной комиссии особого совещания по обороне; буквально не было ни одного заседания сего последнего без того, чтобы не докладывалось о целом ряде неисправных поставщиков, из коих большинству место было, конечно, на скамье подсудимых. В ГАУ им велся специальный список. Желающие подробнее познакомиться с этими вопросами могут обратиться в ГАУ и в архивы б. особого совещания по обороне и верховной следственной комиссии; там можно получить все относящиеся сюда документы.

Переходя теперь к вопросу о том, как нашей промышленности удалось справиться с задачей изготовления снарядов, должен отметить, что фактически за время войны поставляли 3″ снаряды:

а) шрапнели . . . . 25 заводов
б) гранаты . . . . 17 „
в) три отдельных организации: г.-м. Ванкова, Всероссийского союза земств и городов, Центрального военно-промышленного комитета, а также
г) группа Путиловского завода, взявшая подряд на 3 миллиона 3″ гранат[1]).

Все данные о деятельности этих заводов свидетельствуют, насколько правильна и целесообразна была первоначальная идея ГАУ—базироваться только на солидных и действительно стоящих того заводах, снабжать их всеми средствами, как материальными, так и людскими, и развивать их до возможных пределов. А всю прочую мелюзгу, которая за все-то время войны изготовила всего по нескольку десятков тысяч снарядов,—всех их надо было использовать, да и то буде это потребовалось бы, лишь как подсобные мастерские для крупных заводов, при чем во многих случаях оказалось бы выгоднее оставить их работать на общий рынок или же совсем ликвидировать некоторые из них, взяв от них прессы, станки и проч. на крупные заводы, где это оборудование нашло бы себе несомненно более продуктивное применение[2]).

Но чтобы действительно осуществить такую программу, надо было издать соответствующий закон, именно „Закон о всеобщей промышленной повинности", совершенно аналогичный „Закону о всеобщей воинской повинности".

---

1) Собственно цельных патронов.

2) Удобнее всего это было бы сделать так, как сделали французы т.-е. по территориальному признаку, и, как известно, результаты у них получились блестящие.

Такой закон был бы и высоко справедлив по своему уравнительному значению, и всем понятен. Это было бы не то, что однобокий закон о „милитаризации“ предприятий, работающих на оборону, согласно проекта которого вся тягота ложилась бы на одних рабочих (к прямой, к слову сказать, выгоде г.г. промышленников). Но так как новым законом задевались бы священные интересы частной промышленности, то о нем смели заикаться только отдельные смельчаки, навлекавшие на себя при этом громы и молнии сильных мира сего.

А между тем, это был единственный правильный путь, сразу вступив на который, мы смогли бы стать действительными хозяевами нашей промышленности и извлечь из нее все то, что она могла дать. Говорить же при этом о нарушении интересов отдельной группы лиц было просто смешно, раз государство считало своим правом и долгом распоряжаться не то что имуществом, а жизнью миллионов своих граждан.

Вот что говорит в своем показании верховной следственной комиссии по этому поводу ген. Смысловский:

„Весь строй торговых отношений ГАУ с поставщиками, обусловленный существующими законоположениями, и вся формальная сторона их, порождавшая целый ряд затруднений и в мирное время, совершенно не соответствовали условиям заготовлений в военное время и притом для такой важнейшей цели, как оборона страны.

В этих законоположениях красною нитью проходило, во-первых, свободное предложение со стороны поставщиков, а во-вторых, полное недоверие к обеим сторонам со стороны закона. При первых же выстрелах законы эти само собой отчасти рухнули. Так, вместо уменьшения задатков, требуемых на военное время по закону, наоборот, по положению совета министров они были увеличены до 65%, а условия получения их облегчены. По указанию помощника военного министра Главное Артиллерийское Управление начало заключать спешные сделки и давать заказы без тех формальностей, которые требуются

законом, входя только затем в Военный Совет с представлениями об утверждении сделанных распоряжений.

Тем не менее от прежнего порядка к новому перейти было весьма трудно. Десятками лет поставщики были приучены к свободным поставкам „и все мои личные усилия обратить на военное время эти поставки в повинность, обязательную для заводчиков в такой же мере, как и воинская, не увенчались успехом".

После Смысловского на той же идее неоднократно настаивал и я, но также, или почти также, безрезультатно: к отдельным заводам, особенно проштрафившимся, удавалось применять эту меру и то после упорнейшей борьбы в особом совещании по обороне[1]); но как общая мера, она так и не была проведена в жизнь до самого конца войны, несмотря на то, что пример нашей союзницы Франции был у нас перед глазами.

Но даже оставляя в стороне такую „решительную" меру, как введение закона о „всеобщей промышленной повинности", и руководясь только простым здравым смыслом и минимальным техническим пониманием дела, можно было и получить гораздо больше снарядов, и выгадать во времени, в цене, в техническом и рабочем персонале, в топливе, в металле, в транспорте,—словом, положительно во всем том, в чем мы испытывали колоссальные затруднения с самого начала войны, если бы, просто отбросив всю ту промышленную мелюзгу, о которой сказано выше, распределить заказы только между действительно мощными и способными к дальнейшему развитию заводами и установить за ними действительный контроль ГАУ, введя в правления этих заводов правительственных директоров.

То же нужно было проделать и всем организациям, об'единившим вокруг себя более или менее значительное количество заводов, каковы ген. Ванкова, Земгора, цен-

---

[1]) Достаточно вспомнить ту бурю, которую подняли г.г. промышленники и иже с ними, когда, наконец, пришлось взять в руки военного ведомства Путиловский завод, хозяева которого не хотели знать ничего, кроме своих коммерческих интересов.

трального и областных промышленных комитетов. Я не имею возможности проследить за всеми ними по неимению подробных данных, но крупнейшая из этих организаций, г.-м. Ванкова, отчет которой вышел в печати, полностью подтверждает сказанное.

Из цифровых данных отчета видно, насколько выгодно было давать заказы только крупным предприятиям, стараясь развивать их, чем возиться с массой мелких заводов, на которые надо было назначать и инструкторов, и наблюдающих, и приемщиков, и браковщиков, и распылять на них все те средства, которых нехватало и для крупных заводов.

То же самое несомненно имело место в остальных организациях, действовавших во время войны, а именно в военно-промышленных комитетах и учреждениях земгора[1]).

Таким образом, вследствие отсутствия заранее составленного плана (мобилизации промышленности до войны) и неуменья (а отчасти и нежелания) взяться как следует за дело после объявления войны (всеобщая промышленная повинность), поступление с заводов 3″ снарядов в самое горячее время острой нужды в них, т.-е. в первое полугодие войны, шло очень медленным темпом: с августа 1914 г. по январь 1915 г. было подано всего ок. 200.000 снарядов. Во второе полугодие (с февраля по июль 1915 г.) эта подача уже значительно возросла и дошла до 3.377.000, но зато и требования с фронта возросли в пропорции еще большей. Угоняться за этими требованиями (не бумажными требованиями, сильно, как мы видели, преувеличенными, а по действительной потребности) удалось нашей промышленности лишь к концу 1915 и началу 1916 года, т.-е. через $1^1/_2$ года после начала войны.

А между тем, судя по той марке, какую показала наша промышленность в эту войну при самых неблагоприятных условиях, с уверенностью можно сказать, что

---

[1]) Я здесь пока не буду подробно останавливаться на деятельности этих общественных учреждений, так как им мною будет посвящена особая глава.

из нее и в первые месяцы можно было бы выжать гораздо больше, чем получилось на самом деле. Но для этого нужно было прежде всего настоящее руководительство этим не легким и не простым, конечно, делом, что должны были сделать наши министры—военный и торговли и промышленности. Раз же они этого не сделали, то помочь делу можно было не созданием десятков многолюдных совещаний и комиссий, а введением всеобщей промышленной повинности и решительным разрывом с прежним мертвящим бюрократизмом и формализмом и путем надлежащего расширения прав начальников главных снабжающих управлений. Конечно, выбор сих последних должен был быть сделан в соответствии с возлагавшейся на них задачей, но затем уж им должна была быть предоставлена значительная свобода действий, при каком угодно контроле со стороны и прямого начальства, и поверяющих ведомств, и еще кого угодно. Но только эти г.г. контролеры не должны были стеснять инициативу и распоряжения того, от кого зависит весь ход дела и кто один несет на себе всю ответственность за успех его.

Сделали же как раз наоборот: посадили над начальниками каждого главного управления подготовительную комиссию, междуведомственное совещание, наблюдательную комиссию, особое совещание; все эти инстанции стремились разыгрывать роль не только опекунов, но и настоящих хозяев положения и вершить все дела, оставляя на долю начальников главных управлений только одну ответственность...

Таким образом, начальники главных управлений оказались в самом тяжелом положении: им приходилось вести непрерывную и упорную борьбу одновременно на несколько фронтов, при чем самое ужасное в их положении было то, что тогда им была совершенно неясна создавшаяся конъюнктура и они не понимали, чего же собственно от них требуют.

В конечном результате, при таком положении начальники главных довольствующих управлений перестали быть хозяевами вверенного им дела и являлись лишь приказчиками особого совещания по обороне, а потому с момента

создания сего последнего с них должна быть снята не только материальная, но и всякая моральная ответственность за результаты снабжения армии, которое определенно велось не по правильному пути. И если тем не менее в некоторых областях этого снабжения результаты получались не очень плохие, то надо отметить, что это случилось не „благодаря особому совещанию", а „несмотря на особое совещание" [1]).

Вот при каких условиях приходилось вести заготовление 3″ снарядов, в избыточном снабжении которыми нашей армии все были склонны видеть единственно верное средство вернуть успехи на фронте. Ни о чем другом пока не думали и не говорили; все внимание было сосредоточено на 3″ выстрелах (да еще на винтовках). Но для сколько-нибудь понимавших дело было ясно, что вслед за 3″ выстрелами неминуемо возникнет нужда в выстрелах для более крупных калибров, удовлетворить которую будет уже неизмеримо труднее, чем 3″. А потому надо было сразу же оценить относительное значение каждого калибра, определить его, так сказать, удельный весь и уже в соответствии с этим распределять заказы и давать наряды на снаряды разных калибров. Обо всем этом я неоднократно заявлял и начальнику генерального штаба, и военному министру, и особому совещанию по обороне. Первые двое как будто понимали мои доводы и соглашались с ними, при чем первый из них дважды рискнул открыто поддержать меня; но объяснить это особому совещанию я не мог, ибо „из всех глухих самый безнадежный тот, кто не хочет слышать", а оно именно не хотело слушать, т. к., во-первых, с фронта еще не били тревогу насчет тяжелых снарядов, в то время как насчет легких набат

---

[1]) В дальнейшем, в отдельной главе, я еще вернусь к этому больному вопросу нашего тыла минувшей войны и, если затронул его теперь, то только потому, что именно из-за нехватки 3″ снарядов поднялась у нас буря общего негодования, результатом которой и явилось образование особого совещания по обороне. Правда, скоро обнаружилась нехватка и других предметов снабжения армии (да иначе и быть не могло), но это уже не так било по нервам, успевшим притупиться на первых неудачах, а потому у всех осталось впечатление, что главнейшая причина наших неудач—это нехватка 3″ снарядов и что выручило из этой беды, хотя и поздно, именно это особое совещание по обороне.

гудел неумолчно; а во-вторых, все заводчики алкали именно 3″ снарядов (самых выгодных и самых простых в изготовлении). В результате загрузили заказами на них все заводы, в том числе и те, которые с успехом могли бы готовить и более крупные калибры. Высказанная в особом совещании надежда, что в свое время, когда понадобится, можно будет эти заводы перевести на тяжелые снаряды, оказалась, конечно, тщетной, т. к. г.г. заводчики упорно отказывались делать это, опираясь на сильных защитников в самом совещании (Родзянко, Протопопов, Гучков, Коновалов, Жуковский, Майдель...), а раз на это не шло совещание, то, конечно, не шел и председатель его (военный министр), только фиктивно числившийся каким-то якобы диктатором снабжения.

И чтобы своротить потом приобретшее громадную инерцию изготовление 3″ снарядов на новые рельсы, потребовались усилия прямо нечеловеческие; и все же-таки сделать это в полной мере не удалось, да и то, что было сделано, получилось с таким запозданием, что, конечно, не могло угнаться за все возраставшими потребностями фронта по части тяжелых снарядов.

И не только отдельные заводчики, но и общественные организации (земгор и военно-промышленные комитеты) и даже уполномоченный Главного Артиллерийского Управления г.-м. Ванков прилагали все усилия, чтобы не только не сократить производство 3″ снарядов, а напротив, всячески развивать его, даже и после того, как и им стало ясно, что дальнейшее развитие может итти не иначе, как в явный ущерб развитию тяжелых снарядов, и что потребность армии в 3″ снарядах уже удовлетворена в степени несравненно большей, чем в тяжелых.

Конечно, каждый из них смотрел на порученное ему дело с высоты своей деревенской колокольни и совершенно искренно считал, что его дело не только самое главное, но и единственно спасительное для России, и выполнить его наилучшим образом каждый считал своим священным долгом, делом чести и самолюбия, не говоря уже о связанном с этим материальном расчете. Посмотреть же на дело в целом, так сказать, с высоты Ивана Великого,

никто из них не мог, т. к. бывать на нем не приходилось.

Правда, в результате 3″ снарядов мы получили много (хотя и не очень скоро), и наша армия в 1916 году оказалась ими явно пресыщенной, в то время, как по части тяжелых снарядов недостаток, и притом острый, ощущался до самого конца войны. И все это произошло оттого, что само дело снабжения в корне было поставлено неправильно: вместо того, чтобы сосредоточить его всецело в руках одного ответственного хозяина, министра снабжения, снабдив его при этом всеми необходимыми, хотя бы диктаторскими правами и полномочиями, его обратили в какого-то, полномочного только на бумаге, председателя особого совещания по обороне, оказавшегося всецело в руках политических и финансовых дельцов, довольно равнодушных, в сущности, к вопросам обороны. При такой постановке дела вполне естественно, что и начальники главных снабжающих управлений, в частности и артиллерийского, оказались связанными по рукам и ногам и, конечно, только с величайшими затруднениями могли кое-как влиять на дело снабжения армии. О расширении их прав против положенных по законам мирного времени и думать было нельзя, ибо особое совещание считало это не только ненужным, но даже вредным. А каковы были эти „права мирного времени“? Трудно поверить, но это факт, что у начальника ГАУ хозяйственных прав было меньше, чем у г.-м. Ванкова, чем у председателя какой-либо строительной комиссии, чем у любого начальника завода... У него просто не было никаких прав, и он за всякой мелочью должен был лазить в Военный Совет, а потом в особое совещание по обороне, притом через подготовительную комиссию.

Как же при таких условиях он мог проявлять свою инициативу и ведать, в широком смысле слова, боевым снабжением армии? Ведь даже в самом маленьком деле и то без свободы действия для его хозяина получить сколько-нибудь удовлетворительные результаты немыслимо.

Вот, например, каких прав потребовал себе г.-м. Ванков с первых же шагов своей деятельности по заго-

товлению всего одного миллиона 3″ гранат (см. официальное письмо его от 15/VI 1915 г. № 11 на имя начальника ГАУ):

„ 1) Необходимо, чтобы все секвестрованные на юге России и в средней России заводы были переданы мне для установки на них производства гранат или помощью передачи их другим работающим гранаты заводам или при помощи установки на них работ наймом техников и потребных мастеровых. Такие заводы ныне совершенно бездействуют.

2) Необходимо дать власть на предмет секвестра станков, приборов и машин, а если нужно, то и секвестра и реквизиции всех заводов, которые по тем или иным соображениям замедляют производство гранат или не желают изготовлять их.

3) Необходимо устранить конкуренцию на заводах дачей нарядов на гранаты разными организациями или лицами. Эта конкуренция повышает цены и может удлинить срок.

4) Необходимо предоставить мне право брать артиллерийских и других техников по моему усмотрению со всех заводов и учреждений. Мне нужны еще 40 артиллерийских техников или прапорщиков-инженеров, так как по числу 13 + 36 = 49 заводов прикомандированных ко мне 9 прапорщиков, из которых 3 химика, крайне недостаточно для этих 49 заводов, привлеченных мною к работе по заготовлению гранат.

5) Предоставить мне право устранять администрацию частных заводов, которые по каким-либо соображениям замедлят производство снарядов, и ставить на ее место военную или гражданскую администрацию.

6) Необходимо централизовать по исполняемым заводами нарядам все отделы военного и морского ведомств в руках уполномоченного.

7) Необходимо закрепить мастеровых разных цехов к заводам без права перехода с одного завода на другой без разрешения военной администрации завода, дабы

рабочие не переходили с завода на завод из-за увеличения платы.

8) Крайне желательно и полезно объявить все заводы московского и киевского округов мобилизованными на военном положении. Ни один завод без разрешения уполномоченного не должен работать.

9) Ни один станок, ни один предмет без разрешения уполномоченного с этих заводов не может быть забираем или секвестрован.

10) Ход и порядок работ на всех заводах московского и киевского округов устанавливается уполномоченным.

11) Необходимо устранить задержку в даче вагонов для доставки топлива и материалов заводам.

12) Необходимо освободить от явки по мобилизации мастеровых—ратников 2-го разряда, работающих на заводах, выполняющих срочные заказы по изготовлению снарядов, дабы этим призывом не обессиливать рабочий персонал заводов.

13) Необходимо вернуть, насколько это возможно, токарей и инструментальщиков-специалистов из войсковых частей и командировать их, оставляя на военной службе, на заводы, работающие на государственную оборону, с таким расчетом, чтобы использовать полностью имеющееся оборудование заводов, если возможно, работая тремя сменами рабочих по 8-ми часов, т.-е. все 24 часа в сутки.

14) Из ежемесячной работы с заводчиками выясняется польза выдавать им заказ по их оборудованию на более продолжительный срок, примерно около одного года.

Вот те вопросы, которые за два месяца усиленной работы предъявила мне к разрешению сама жизнь. Многие из этих вопросов оставались неразрешенными за неимением права разрешать их.

Быть может, для мирного времени о них и писать нельзя, но по обстоятельствам военного времени вопросы эти должны быть рассматриваемы и разрешаемы быстро, решительно и окончательно, дабы не задерживать производства“.

И он до известной степени был прав и был бы прав

вполне, если бы наша армия нуждалась только в том предмете, изготовлением коего ведал он, т.-е. только в оболочках и взрывателях для 3″ гранат (французского образца). Но так как, кроме них, армии нужно было еще очень многое даже для составления того же выстрела (именно еще: гильзу, капсульную втулку, заряд пороха и заряд взрывчатого вещества), а кроме того, и другие „выстрелы“ (для других более крупных калибров) и другие предметы (винтовки, пулеметы, орудия, лафеты, порох, взрывчатые вещества и т. д.), то, конечно, всех просимых Ванковым прав предоставить ему полностью было нельзя.

Их надо было поделить между всеми заготовителями всех предметов снабжения армии и флота согласно удельному весу каждого из них, другими словами, все права надо было дать единому министру снабжения (как это и было у всех наших союзников), а он уже распределял бы их по ведомствам и главным управлениям сообразно с общим планом снабжения армии и флота [1]). У нас же вместо этого создали ряд политиканствовавших говорилен, в действительности никем не объединенных, олицетворявших собою прежнюю „ведомственность“ со всеми отвратительными грехами старого режима: разного рода трениями, бюрократической рутиной и разноголосицей, и ни в какой мере не выполнивших роли того „объединяющего и руководящего“ органа, который имелся в виду при создании этих совещаний и который действительно был так необходим для армии и всей страны.

И если при всем том 3″ снарядов все же-таки получили много (более, чем было нужно), то надо иметь в виду, как уже сказано выше, что это—предмет самый простой и самый легкий в изготовлении, а кроме того, и самый выгодный, и что поэтому на него набросились все, кто веровал в Бога и особенно в чорта.

А кроме того, надо отметить, что все это количество 3″ снарядов получилось в слишком продолжительные сроки,

---

[1]) У нас о министре снабжения речь зашла только после февральского переворота, за несколько недель до начала весеннего оживления военных действий на фронте, т.-е. тогда, когда такая коренная ломка как-никак установившего ее режима могла принести только вред делу.

которые, несомненно, можно было бы значительно сократить при объединенном руководительстве делом их заготовления. И так как во-время свои снаряды не поспели, то поневоле пришлось прибегнуть к заграничным заказам, преимущественно уже целыми „выстрелами“, т. к. у нас ощущался недостаток и в остальных элементах, кроме собственно самых корпусов снарядов.

б) Заграничные заказы 3″ снарядов.

Это были первые заграничные заказы, к которым нам пришлось прибегнуть в крупном масштабе во время минувшей войны. И вот тут-то сказалось наше полное незнакомство с заграничным рынком, услугами которого нам было суждено широко пользоваться в течение всей войны. И за это незнакомство мы заплатили поистине дорогой ценой и народного золота, и народной крови.

А явилось это результатом двух причин.

Во-первых, вследствие последовавшего после японской войны категорического запрещения заказов и покупки за границей всего того, что, хотя бы и по более высокой цене, могло быть изготовлено или добыто у себя в России, у главных довольствующих управлений военного ведомства порвались живые связи со многими заграничными промышленными предприятиями и очень ослабла осведомленность о заграничной военной технике. Редкие (из экономии) командировки офицеров - специалистов за границу лишь в ничтожной степени восполняли этот пробел.

Мало помогли делу и наши военные агенты, сами не техники и не имевшие помощников из числа военных техников [1]).

---

[1]) Однако, считаю долгом отметить, что бывший перед самой войной в Германии нашим военным агентом г.-м. Михельсон, благодаря своим личным качествам, а также высшему математическому образованию, оказался незаурядным наблюдателем не только специально военной стороны германского государственного строя, а и других его сторон, в том числе и развития технических и промышленных сил Германии. Обо всем этом, в особенности об угрожающем усилении ее военной мощи, г.-м. Михельсон своевременно доносил в ГУГШ, как об этом он дал показание верховн. следств. комиссии. Мне неизвестно, имелись ли в его донесениях указания, касавшиеся специально „военно-промышленной мобилизации“ Германии, но

Во-вторых, наше министерство торговли и промышленности и в этом отношении оказалось совершенно не на высоте: и оно само, и его заграничные агенты, оказавшиеся при объявлении войны в Англии, существенной помощи нам не оказали, ибо сами заграничного рынка не знали.

Таким образом, запрещение заграничных заказов, проведенное с благою целью подъема и развития отечественной промышленности, оказало военному ведомству плохую услугу во время войны: оно вынуждено было обратиться к посредничеству разного рода „представителей", иногда весьма темных личностей, которыми вскоре была населена чуть ли не вся гостиница „Астория", как показывает ген. Смысловский верховной следственной комиссии:

„Некоторые из этих представителей были рекомендованы ГАУ лицами, занимавшими видное общественное и служебное положение. Так, представитель, прославившийся своими мошенническими проделками, американской фирмы Чарльз Флинт был рекомендован солистом его величества Н. Н. Фигнером, который сам занимался поставками каменного угля; Живатовский, подозревавшийся в одновременной поставке и нам и Германии, посаженный впоследствии за какую-то недобросовестную проделку в тюрьму, бравшийся поставлять все, что угодно и откуда угодно, привезен был лично генералом Вогаком, бывшим нашим военным агентом в Китае, и директором Русско-Азиатского банка и Путиловских заводов А. И. Путиловым; капитан Мэкки, представитель фирмы Аллисона—великобританским посольством в Петрограде и генералом великобританской службы Вильямсом, состоявшим в Ставке; петроградский портной Джэнс поддерживался бывшим товарищем председателя государственной думы А. Д. Протопоповым, бельгийский консул Гейдемен однажды явился в управление с визит-

---

довольно интересный доклад об этом предмете Михельсон сделал в особом совещании в заседании 16/XII 1915 г. Копию этого доклада я привожу в конце настоящего отдела. И чтобы уже совсем покончить с этим вопросом, я после доклада Михельсона привожу и другой доклад на ту же тему, сделанный в том же заседании особого совещания бывшим директором департамента промышленности в министерстве торговли и промышленности В. Н. Литвиновым Фалинским. Этими двумя докладами и была, в сущности говоря, исчерпана эта тема в особом совещании по обороне, которое ограничилось чиновничьим „принятием их к сведению".

ной карточкой ген. Сухомлинова; и Кнаап и Цимдин, доверенные капитана Мэкки, рекомендовались Сухомлиновым и, если не ошибаюсь, министром финансов Барком.

Была сделана попытка объединения действий по заграничным покупкам с министерством торговли и промышленности, но окончилась неудачей. Выяснилось, что для нужд общей промышленности министерство это само с трудом справляется на те средства, которые ему были отпущены, почему даже сырые материалы, необходимые для предметов вооружения, изготовлявшихся на частных заводах в России, артиллерийское ведомство принуждено было приобрести само. К тому же, насколько я слышал, министерство торговли прибегло к посредству чуть ли не того же Живатовского, упомянутого выше, цены которого были выше тех, по каким приобретались те же материалы артиллерийским ведомством.

Политическая обстановка складывалась тоже весьма неблагоприятно: союзные державы сами были в большой нужде; нейтралитет скандинавских государств имел характер к нам неблагоприятный, в отдаленной Америке, промышленность которой с первых же дней войны была захвачена Англией, Францией и Германией, шли колебания относительно признания предметов вооружения военной контрабандой, не подлежащей вывозу.

Только одна Япония тотчас же пошла нам навстречу, предложив производить изготовления в Америке через ее посредство, почему в Токио тотчас же была командирована комиссия специалистов под председательством ген. Гермониуса, распространившая затем свою деятельность и на Америку.

Дело военных заказов за границей приходилось создавать заново".

Что и говорить, положение создалось не легкое. Однако выход из него был тот самый, к которому все равно пришлось притти в конце-концов, а именно: обращение к союзным правительствам с просьбою взять дело наших заказов в свои руки, через специальные наши комиссии при их министерствах снабжения. И чем раньше и организованнее мы это сделали бы, тем скорее и вы-

годнее мы использовали бы рынки наших союзников и не так безнадежно попали бы к ним в кабалу, как это случилось позже, когда нужда, что называется, приперла нас к стенке и когда уже мы должны были итти на всякие условия. Обойтись же совсем без участия хозяев тех стран, куда мы совались во время разгара войны, было, конечно, немыслимо. Наивно было думать, что мы сможем через каких-то „представителей-аферистов“ что-то урвать из-под носа у наших союзников на их же рынке, если они сами не захотят дать нам что-либо. Да еще у таких союзников, как наши, которые сами норовили сорвать с нас что можно, и по этой части, конечно, могли дать нам много вперед.

Все это мы знали или должны были знать, и все же-таки много раз попадали на удочку к разного рода темным дельцам. Да и как было не попасть, раз сами министры, в том числе и военный, присылали в ГАУ и рекомендовали этих господ, вместо того, чтобы сразу стать на верный путь сношений непосредственно с правительствами союзников. И пока познали настоящую цену этих „представителей“ и раскусили их, сколько было потрачено дорогого времени и убито энергии, не говоря уже о деньгах

Особенно изобретательны и назойливы были эти господа по части „заграничных предложений“, суливших им особенно обильную жатву. Тут они прибегали к мистификации ГАУ посредством телеграмм из-за границы, писанных под диктовку из Петрограда. С большим трудом удавалось разоблачить эти махинации и отметить авторов их. В конце-концов пришлось обратиться к правительствам союзников, но, к сожалению, они не оказали нам поддержки в той мере, как на это рассчитывали мы и как это было выгодно и для них самих.

Здесь считаю необходимым остановиться подробно на той опекунской роли, которую приняла на себя в отношении наших заграничных заказов наша союзница Англия.

Если английское правительство вообще принимало живое участие в наших заграничных покупках и заказах, то наибольшую деятельность про-

явило оно именно в отношении снабжения русской армии пушечными патронами.

Большинство частных предложений попадало в ГАУ и к председателю особой распорядительной комиссии по артиллерийской части через посредство английского военного министерства, которое вело постоянные переговоры с заводами Англии и Америки, старалось подыскать новых поставщиков и вообще стремилось служить посредником между русским правительством и частною промышленностью.

При этом английский военный министр, лорд Китченер, проявлял склонность монополизировать в своих руках все снабжение русской армии и проверять целесообразность наших заграничных заказов. Для этого он с самого начала действия особой распорядительной комиссии добивался в точности узнать потребности русской армии, производительность русских заводов и заключенные уже контракты за границей.

В этом именно смысле составлена памятная записка 18-го марта, в которой английское военное министерство выражает необходимость получить „полный, откровенный, подробный и верный" перечень потребностей русской армии и всех русских заказов. Кроме того, лорд Китченер неоднократно обращался с тем же вопросом к ген. Рубану (русскому военному представителю в Англии), который в свою очередь справлялся о потребностях армии у председателя комиссии.

Так, 15-го февраля генерал Рубан просил сообщить ему:

1) какое количество пушечных и гаубичных снарядов имеется у нас в настоящее время;

2) какое количество изготовляется в месяц в России, и

3) до какой производительности дойдут русские заводы в будущем.

18-го февраля председатель комиссии ответил на это, что в виду постоянных боев, требующих большого расхода боевых припасов, не представляется возможным определить с достаточной точностью наличие имеющихся снарядов, что поставки в России, постепенно возрастая, достигнут к июню 1915 года девятисот тысяч снарядов в

месяц. Что же касается заграничных заводов, то их поставки должны также в совокупности равняться девятистам тысячам в месяц, при том условии, что контракты будут ими выполнены своевременно.

Руководствуясь этими данными, английское военное министерство разработало и передало на усмотрение председателя комиссии целый ряд предложений поставок пушечных патронов.

Телеграммою 26 января (8 февраля) генерал Рубан донес, что лорд Китченер предлагает заказать через канадское правительство 5 миллионов пушечных патронов. 3-го февраля великобританское посольство сообщило председателю комиссии, что представитель канадских фирм прибыл в Петроград и что английское правительство предлагает заключить этот заказ в Петрограде. Результатом этого явился заказ фирме пяти миллионов снарядов.

13-го марта лорд Китченер предложил председателю заказать в Америке (фирме) еще пять миллионов снарядов, на что председатель ответил, что давать заказы на снаряды за границей более не предполагается, ибо общее количество заказанных снарядов уже достигло 10 милл.

28-го марта (10 апреля) к председателю комиссии явился английский военный агент и еще раз изложил предложение лорда Китченера и получил на словах тот же ответ.

Из телеграммы от 28 марта (10 апреля) видно, что лорд Китченер, зная о заказанных десяти миллионах снарядов и ожидая со стороны поставщиков больших запозданий в сдачах, считал эти заказы недостаточными и настаивал на возможно скором принятии предложений.

При этом лорд Китченер отправил телеграмму аналогичного содержания и в Ставку Верховного главнокомандующего, ибо уже 31 марта (13 апреля) председатель комиссии получил извещение об этом деле от начальника штаба Верховного главнокомандующего. В телеграмме из Ставки, однако, были только переданы слова лорда Китченера, а образ мыслей об этом предмете Верховного главнокомандующего приведен не был.

Вследствие этого председатель комиссии в тот же день, 31 марта (13 апреля), отправил в Ставку телеграмму следующего содержания: „Телеграмма Китченера мне была доставлена майором Ноксом три дня назад. Ответ дан в тот же день отрицательный, так как решил прекратить дальнейшие заказы на пушечные патроны за границей, которых уже дано на 9.800.000. Все эти заказы в срок сданы не будут, что уже доказали Виккерс и Шнейдер. Американские фирмы также все просрочат. Если еще дать заказы в Америке, то выполнения их можно ожидать не ранее, как через восемь—двенадцать месяцев. Из перехваченных военной цензурой телеграмм мне известно, что американские заводы настолько завалены заказами с континента, что они не в состоянии что-либо выполнить ранее 1916 года. Во всех контрактах обусловлено наше право, в случае надобности, продолжить их на новое количество. Указание лорда Китченера на медленную работу машин и затруднения с рабочими не точно. По донесению нашего приемщика, месяц назад еще половина зданий не была готова и оборудование машинами не поставлено“.

Указывая затем на несколько неисполненных таким образом контрактов, председатель обращал внимание начальника штаба Верховного главнокомандующего на то: „как заманчиво обусловливают все фирмы свои поставки при даче заказов и как эти заказы выполняются после закрепления за ними денег“.

Председатель комиссии просил доложить обо всем изложенном Верховному главнокомандующему и заключал телеграмму следующими словами: „Если Верховный главнокомандующий найдет мое решение неправильным, то испрашиваю повеления на продолжение заграничных заказов“.

Ответ начальника штаба Верховного главнокомандующего гласил: „Верховный главнокомандующий повелел передать вам, что он вполне одобряет ваше решение относительно дачи дальнейших заказов заграничным фирмам“.

Получив таким образом более чем ясное подтверждение отрицательного мнения относительно этого навязывае-

мого нам английскими властями заказа, председатель окончательно отклонил его.

В связи с этим отказом председатель комиссии получил 11-го апреля следующую телеграмму от почетного председателя англо-русского комитета:

„В виду того, что несмотря на три энергичных предложения лорда Китченера приобрести пять миллионов шрапнелей в Америке, ему было отказано, предупреждаю самым серьезным образом, что хотя в данную минуту, может быть, нет нужды, но если позднее нужда в них потребуется, то их более невозможно будет приобрести, так как они на-днях будут все приобретены другими государствами. Считаю моим святым долгом об этом предупредить и убедительно советую немедленно решиться на их приобретение, даже если другие люди будут это отсоветовать“.

Того же 11/24 апреля председатель комиссии ответил на это: „Вновь категорически повторяю, что кроме уже заказанных за границей пушечных патронов, более новым фирмам заказывать не будем. Все снабжение точно рассчитано. В случае новой потребности в патронах будем продолжать заказы тем же фирмам, которые их выполняют ныне.

В контрактах это право нам выговорено. С вашей стороны прошу энергично настаивать, чтобы английское правительство приняло все меры, дабы Канадская фирма выполнила свой контракт в срок, так как эта фирма нам была рекомендована через британское посольство. Виккерс по всем контрактам уже бессовестно обманул“.

Между тем вопрос о снарядах был, повидимому, предметом переписки между Верховным главнокомандующим и лордом Китченером, ибо 4/17 мая председатель телеграфировал начальнику штаба Верховного главнокомандующего, что по словам английского военного агента выходит, будто Верховный главнокомандующий просил лорда Китченера заказать пушечные патроны в количестве полутора миллионов в месяц. При этом военный агент просил выслать в Англию технические условия и чертежи пушечных патронов.

В виду того, что все сношения по делам снабжения предметами артиллерийского довольствия шли в это время (первая половина 1915 г.) через особую распорядительную комиссию по артиллерийской части, председатель сей комиссии полагал, что в этом деле, должно быть, произошло некоторое недоразумение, и просил разъяснений.

В ответ на это 6-го мая председатель комиссии получил от начальника штаба Верховного главнокомандующего следующую телеграмму:

„Докладываю, что в виду категорического обещания, данного генералом Китченером Верховному главнокомандующему, оказать усиленное содействие по снабжению и просьбы, лично к его высочеству обращенной, сообщить через полковника действительные единовременную и ежемесячную потребности в предметах артиллерийского снабжения, была послана телеграмма с указанием, что для активности армии и возможности вновь перейти в наступление необходимо пополнить комплекты пушечных патронов до 1 тысячи на орудие, что потребует сразу 3 миллиона, а для спокойной и действительной силы надо ежемесячно по полтора миллиона. Таким образом, в виду настоящей просьбы Китченера указать ему потребности, таковые указаны в цифрах, считая, что, если бы это удовлетворить, то это нисколько не уменьшает потребности русского производства. Избытка не будет, но только при условии, что поступления начнутся уже в июне“.

Между тем, 17 мая председатель комиссии получил от военного министра копию телеграммы Верховного главнокомандующего, в которой он говорит о необходимости принять экстренные меры по снабжению действующей армии вооружением и боевыми припасами и извещает об одобрении государем нового проекта особого совещания под председательством военного министра, с участием представителей государственной думы и отечественной промышленности.

Из других предложений поставок пушечных патронов нужно отметить следующие:

25-го февраля генерал Рубан уведомил, что американская фирма Вифлеемских стальных заводов предлагает

через фирму Моргана и английского военного министра поставку в пять миллионов комплектных патронов шрапнелей и гранат, по 22 доллара за штуку, со сдачей в течение всего 1916 года. К этому присовокуплялось предложение изготовлять орудия и мортиры.

На это председатель комиссии ответил 1-го марта, что все „предложения, сделанные через Моргана, ни по ценам, ни по срокам безусловно неприемлемы“.

Это отрицательное отношение председателя комиссии к посредничеству фирмы Моргана нашло себе подтверждение в телеграммах ген. Сапожникова от 30 мая и 12 июня.

Исследовав на месте вопрос о возможности давать артиллерийские заказы непосредственно поставщикам при посредстве Моргана, ген. Сапожников донес, что „постоянный захват банкирским домом Моргана монополии на заказы союзных правительств, несомненно, является в высшей степени прискорбным явлением. При передаче военных заказов Моргану военно-торговые интересы страдают весьма сильно, что подтверждается неоднократно выражавшимся в английском парламенте негодованием на деятельность этой фирмы и современным печальным состоянием снабжения английской армии на театре войны. Дальнейшее развитие этой монополии, несомненно, может отразиться неблагоприятно и на наших будущих заказах, т. к. отвлечет в группу Моргана многих крупных поставщиков, заинтересованных преувеличенной прибылью. Насколько мне известно, финансирование наших заказов в Америке и в настоящее время уже находится исключительно в руках группы Моргана, что, несомненно, даст ей громадное влияние на рынок.

Обезвредить Моргана с нашей стороны можно было бы путем отнятия у него такой монополии нашего финансирования в Америке и обращением к другим банкирам“.

Далее ген. Сапожников приводил целый ряд примеров заказов, которые бы могли быть даны американским фирмам непосредственно, но, благодаря посредничеству Моргана, или не были даны совсем или были даны так, что являлись гораздо более выгодными Моргану и амери-

канским фабрикантам, чем русским интересам. Так, заказ на прессованный пироксилин был дан заводу, у которого не было прессов; пулеметы Браунинга-Кольта предполагалось покупать и заказывать у несуществующего завода и т. п.

В результате, замечает ген. Сапожников, „ни по одному контракту, заключенному через Моргана и генерала Рубана, приемщики не могут получить своевременно копий контрактов“.

В другой телеграмме, датированной тем же числом, ген. Сапожников указывает на то, что „Морган совершенно не считается с присутствием в Америке русской приемной комиссии“ и отказывается выдать ему копии контрактов, мотивируя это тем, что контракты заключены им не с русским, а с английским правительством. Обо всем этом председатель комиссии уведомил начальника штаба Верховного главнокомандующего.

Одновременно с телеграммой ген. Сапожникова председатель комиссии получил телеграмму ген. Гермониуса, в которой он сообщает, что лорд Китченер сообщил ему о данном полномочии заказывать для России боевые припасы и пригласил его участвовать в комиссии, образованной при английском военном министерстве, для распределения русских заказов.

В первом же заседании этой комиссии был возбужден вопрос о заказе $9\frac{1}{2}$ миллионов патронов для полевых пушек. При этом ген. Гермониус просил объяснить ему, на чем же собственно основываются английские власти, регулируя будущее снабжение русской армии.

Цифра $9\frac{1}{2}$ миллионов тоже была непонятна, ибо еще два месяца тому назад лорд Китченер предлагал нам заказать 5 миллионов.

В ответ на это ген. Гермониусу показали всю переписку английских властей с русскими, при чем ген. Гермониус обратил внимание на фразу в письме начальника штаба Верховного главнокомандующего о предлагаемых нам $1\frac{1}{2}$ миллионах патронов в месяц. Что же касается необоснованности цифры $9\frac{1}{2}$ миллионов патронов, то английская комиссия приняла во внимание возражение

ген. Гермониуса и решила запросить об этом Ставку Верховного главнокомандующего.

Получив эту телеграмму, председатель комиссии, видя, что дело снабжения армии, полностью порученное ему, является предметом самостоятельных забот иностранных властей, не компетентных в наших потребностях и действующих под сильным влиянием коммерческих учреждений (например, Моргана, как это было упомянуто выше), сообщив этот текст в Ставку, отправил начальнику штаба Верховного главнокомандующего телеграмму следующего содержания:

„В бытность мою в Ставке вы мне выяснили, что предложения Китченера на заказы в случае поздних сроков будут отклонены. Из телеграммы Гермониуса видно, что Китченер уполномочен заказывать что угодно в неограниченном количестве и даже на семнадцатый год. Имея в виду обе телеграммы Сапожникова и тот факт, что все заказы Китченера будут даваться тому же Моргану, следует ожидать, что все нами ранее заказанное непосредственно в Америке будет парализовано Морганом и вместо ускорения подачи заказов будет только замедление. Прошу мне указать, какую инструкцию я должен дать Гермониусу, и поставить меня в известность, какие полномочия даны Китченеру. Меня также тревожит вопрос, кто впоследствии будет ответственен перед контролем и законодательными учреждениями за длительные заграничные заказы, в которых никакой нужды нет, раз они будут даваться хотя союзным, но иностранным правительством".

6-го июня начальник штаба Верховного главнокомандующего ответил председателю комиссии, что „ориентировка Петрограда о возможных надеждах на усиленный приток снабжения и политические условия привели к необходимости принять предложение лорда Китченера, обещавшего полную гарантию исполнения заказов при 25-процентном задатке.

Вся ответственность переходит на штаб Верховного главнокомандующего при согласии с необходимостью заказа совещания военного министра, в котором участвуют председатель и члены думы".

Что же касается деятельности английской комиссии, то о ней можно судить по тому факту, что в одном из следующих заседаний цифра $9\frac{1}{2}$ миллионов была заменена 12 миллионами, при чем единственной предоставляемой нам гарантией являлось право отказа в случае несвоевременного исполнения контракта. Настаивая на иных, более надежных гарантиях, ген. Гермониус указал, между прочим, на то обстоятельство, что предложение патронов превышает спрос. Поэтому заказы, предлагаемые Морганом, были приняты только условно.

26-го июня ген. Гермониус донес, что в пятом заседании комиссии вновь обсуждался вопрос о распределении русских заказов между американскими заводами, при чем существенную роль в разрешении вопросов играли представители Моргана. При этом председатель комиссии предложил спросить Верховного главнокомандующего, нужно ли еще заказывать снаряды сверх тех, о которых уже было условлено. Ген. Гермониус высказался, что подобное предложение не должно исходить от комиссии и что он во всяком случае не присоединяется к этому заключению, имея в виду, что ничего похожего на попечительство о нашем снабжении не должно исходить от английского военного министерства. Тогда председатель заявил, что телеграмма будет послана от имени лорда Китченера.

Таким образом, лорд Китченер окончательно сделал это дело своей монополией, отстранив от обсуждения вопроса даже ген. Гермониуса и сносясь только со Ставкой Верховного главнокомандующего.

В дальнейшем против этой опеки Англии старалось бороться и особое совещание по обороне государства, но толку из этого вышло также мало, ибо, очутившись в положении бедной приживалки у богатых родственников, мы могли только делать вид протестующих, на самом же деле с нами считались очень мало. Вскоре по делам „несостоятельной“ России образовался целый „Опекунский Совет“ наших союзниц, который и выделил в январе 1917 года своих представителей на междусоюзническую конференцию в Петрограде, чтобы окончательно решить,

как обойтись с нашими назойливыми просьбами о разного рода „вспомоществованиях“.

Результаты этой конференции помещены в особом отчете, о котором я уже упоминал выше и на который я ссылаюсь в конце каждой главы настоящего исследования.

Возвращаясь теперь конкретно к вопросу о заказах на 3″ выстрелы, данных нами за границей в минувшую войну, я, к сожалению, лишен возможности дать подробный и исчерпывающий перечень этих заказов, а также поставок их вследствие указанного уже выше состояния архивов ГАУ и Главзаграна, а также отсутствия лиц, ведших в этих управлениях дело заграничных заказов.

Поэтому я вынужден ограничиться перечислением только тех заказов, сведения о которых имеются у меня документально. Эти сведения сгруппированы мною в нижеприводимой таблице. (См. табл. № 7).

Согласно этой таблицы нами было дано заказов за границей на 3″ выстрелы на 37 миллионов, а по сведениям, полученным мною из главного управления по заграничным заказам, за все время войны 1914—1918 г.г. нами было заказано за границей 56 миллионов 3″ выстрелов.

Я не имел возможности документально проверить эти сведения по делам ГАУ и по моим записям, поэтому числа Главзаграна я не считаю достоверными [1]). Тем не менее привожу их ниже в том виде, как получил их сам.

---

[1]) Но и не решаюсь их прямо игнорировать (как они, по-моему, того заслуживают), ибо в эту несчастную войну у нас было столько „хозяев“, что нельзя поручиться за то, что кое-какие заказы, и даже крупные, не были даны без ведома и учета ГАУ.

Дано заказов за границу на 3″ снаряды.

На английский кредит:

На 3″ полевые шрапнели	8.201.466	штук.
„ 3″ „ патроны	24.500.000	„
„ 3″ химические снаряды	500.000	„
Итого	33.201.466	штук.

На французский кредит:

3″ патроны с фугасной гранатой	2.300.000	штук.
3″ полевые патроны	5.426.000	„
3″ гранатные патроны	8.441.000	„
3″ шрапнельные патроны	1.000.000	„
Итого	17.167.000	штук.

На японский кредит:

3″ полевые шрапнели	3.200.000	штук.
Итого	3.200.000	„

На американский кредит:

3″ шрапнельные патроны	2.500.000	штук.
Итого	2.500.000	„
А всего. . . .	56.068.466	штук.

Это число слишком разнится от итога таблицы № 7, согласно которой за границей нами заказано было всего 37 миллионов. Но ведь не из пальца же высосал Главзагран свои „данные“... И если окажется, что он прав хотя наполовину, то суммируя заказы внутри страны с

заграничными, придем к заключению, что всего за эту войну нами было заказано около 100 миллионов 3″ выстрелов.

В отношении исполнения заграничных заказов я также не имею достоверных сведений и потому вынужден ограничиться нижеприводимой выдержкой из отчета Главзаграна, в котором приводятся сведения о суммарных поступлениях 3″ снарядов заграничного производства по годам, а именно:

Всего поступило из-за границы снарядов к 3″ пушкам:

к горным	в 1915 году	241.322
к легким	„	946.682
	в 1916 году	8.104.753
	Итого. . .	9.292.757

Других сведений в моем распоряжении нет, а потому приходится пока довольствоваться хоть этим.

Теперь я приведу в виде справки, как это делалось и в предыдущих отделах, соображения Ставки Верховного главнокомандующего по части 3″ выстрелов к приезду в Россию междусоюзнической конференции в январе 1917 года.

В этих соображениях сказано:

I. На первый период (с 1/14 января 17 г. по 1/14 июля 17 г.).

„Потребность в выстрелах к 3″ полевым орудиям удовлетворяется полностью.

Недостаток в 1.400.000 выстрелов к горным пушкам будет пополнен заказом на отечественных заводах“.

ТАБЛИЦА № 7

заграничных заказов 3-дм. выстрелов за войну 1914—1918 г.г.

Контрактный срок поставки. / Кому дан заказ	В Англии. Виккерсу (через Балинского) шрапнельные патроны (без пороха).	В Америке. Гранатные. Канадскому обществу в Монреале.	В Америке. Гранатные. Моргану через лорда Китченера.	В Америке. Шрапнельные. Канадскому обществу в Монреале.	В Америке. Шрапнельные. Моргану через лорда Китченера.	Во Франции. Гранатные. Французскому правит. через воен. агента.	Во Франции. Гранатные. Фирме Шнейдера по 1-й конвенции.	Во Франции. Гранатные. Фирме Шнейдера по 1-й конвенции.	Во Франции. Гранатные. Фирме Шнейдера по 1-й конвенции.	Во Франции. Гранатные. Французскому правительству II-я конвенция.	Во Франции. Шрапнельн. Французскому правит. через воен. агента.	Во Франции. Шрапнельн. Фирме Шнейдера.	В Японии. Гранатные. К полевым пушкам Арисака.	В Японии. Шрапнельные (Осакскому арсен.). К полевым пушкам Арисака.	В Японии. Шрапнельные (Осакскому арсен.). Одних корпусов 3" шр.	ИТОГО.
1915 I	—	—	Конечный срок поставки 1 марта 1917 г. Частные сроки выяснить не удалось.		Конечный срок поставки 1 марта 1917 г. Частные сроки выяснить не удалось.	Конечный срок поставки 1/VII 1916 г. Частные сроки неизвестны.	—	Конечный срок поставки 1/I 1916 г. Частные сроки неизвестны. Заказ дан в два приема 2 300.000 и 1.176.000	Конечный срок поставки 1 VII 1916 г. Частные сроки не известны.	Конечный срок поставки 1/VII 1917 г. Частные сроки неизвестны.	Конечный срок поставки 15/II 1917 г. Частные сроки неизвестны.	Конечный срок поставки 1/VI 1916 г. Частные сроки неизвестны.	Конечный срок поставки 15/II 1917 г. Частные сроки неизвестны.	Конечный срок поставки 15/XII 1916 г. Частные сроки неизвестны.	Конечный срок поставки 1/VII 1917 г. Частные сроки неизвестны. Заказы даны в три раза: 1.200.000, 2.000.000 и 800.000.	Вследствие неимения контрактов, частные сроки точно установить не удалось.
II		—					—									
III	60.000	—		—			90.000									
IV	240.000			65.000			100.000									
V	240 000	75.000		275.000			150 000									
VI	240.000	75.000		325 000			200.000									
VII	240.000	125 000		375 000			200 000									
VIII	240.000	175.000		375 000			220.000									
IX	240 000	350.000		250 000			220 000									
X	250.000	350.000		250 000			220.000									
XI	250.000	450 000		250.000			225 000									
XII	—	450.000		285.000			225.000									
1916 I	И еще 500.000 химических снарядов, частные сроки поставки коих выяснить не удалось.	450.000		—			225.000									
II		—		—			225.000									
III		—		—			—									
IV		—		—			—									
V		—		—			—									
VI		—		—			—									
VII		—		—			—									
VII		—		—			—									
IX		—		—			—									
X		—		—			—									
XI		—		—			—									
XII		—		—			—									
ИТОГО.	2.500.000	2.500.000	3.000.000	2.450.000	9.000.000	1.000.000	2.300.000	3.426.000	2.715.000	1.500 000	1.000.000	1.000.000	50.000	670.000	4.000 000	37.161.000
		17.000 000				12 941.000							4.720.000			

II. На второй период (с 1/I 17 г. по 1/I 18 г.).

а) „Ежемесячная потребность в 3 мил. 3″ полевых выстрелов (вместе с химическими) определяет общую потребность в год в 36 миллионов выстрелов.

Ожидается поступление 41.860.000 выстрелов, в том числе из Франции—8.400.000, по двум конвенциям из Америки—14.500.000 и из Японии—900.000.

Годовая потребность удовлетворяется с избытком.

б) Потребность в выстрелах к горным пушкам определена в январе 1917 года—300 тыс., феврале—360 тыс., марте—420 тыс., апреле—480 тыс., мае—540 тыс. и далее по 600 тыс. в месяц и сверх того ежемесячно по 20 тыс. химических.

Потребность в выстрелах к горным пушкам удовлетворяется отечественными заводами".

III. На третий период (с 1/14 января 17 г. по 1/14 июля 18 г.).

„Потребность в 3″ полевых выстрелах слагается из ежемесячной по 3.000.000 и на вступающие с 1/14 января 1918 г. зенитные орудия; всего 54.972.000 выстрелов.

Потребность в выстрелах к горным пушкам—по расчету предыдущего периода.

Недостающие к 1/14 июля 1918 г. 19.336.000 выстрелов к полевым и горным пушкам заказываются на отечественных заводах".

Из этой справки явствует, что по части снабжения нашей армии выстрелами к 3″ пушкам Ставка Верховного главнокомандующего (вернее, управление полевого генерал-инспектора артиллерии) не испытывало никакой тревоги, считая, что вся исчисленная потребность будет удовлетворена без всяких затруднений.

Далеко не так благополучно обстояло дело, как увидим дальше, с выстрелами для остальных тяжелых орудий; и это прекрасно было известно Ставке и Упарту, которые также хорошо знали, что усиление подачи этих последних

выстрелов как из самой России, так и из-за границы возможно только при условии сокращения (и притом значительного) выстрелов к 3″ пушкам, так как и мы и наши союзники в это время испытывали уже самую острую нужду во всех средствах производства и потому не могли одновременно давать и то и другое в тех огромных количествах, какие требовались. Между тем Упарт вместе с требованиями громадных количеств тяжелых выстрелов продолжал настаивать и на своих несообразных нормах 3″ выстрелов, из-за которых наше внутреннее производство более тяжелых снарядов так до самого конца войны и не могло подняться до необходимого уровня.

в) Изготовление дистанционных трубок.

Следующим после корпуса снаряда элементом „выстрела" является дистанционная трубка у шрапнели (снаряда картечного действия) и взрыватель или ударная трубка у гранаты (снаряда фугасного действия).

Изготовление этих трубок является самостоятельною отраслью производства, независимо от изготовления собственно снарядов, и производится на особых заводах— трубочных.

Производство их очень сложно и капризно и требует как большой точности работы и специального оборудования, так и особо обученного технического персонала, как на заводах оружейных и пулеметных. Поэтому развитие этого производства (бывшего до войны у нас только на двух казенных и одном частном заводах) до размеров, потребовавшихся войной, встретило затруднения, трудно преоборимые в короткий срок.

До войны у нас трубки готовились:

а) дистанционные—на двух казенных трубочных заводах и на одном частном,

б) взрыватели—на двух казенных заводах.

Насколько трубочное производство сложно и капризно, видно из следующих фактов.

В 1910 и 1911 годах на одном из трубочных заво-

дов, на котором наша трубка разрабатывалась и изготовлялась успешно в течение многих лет, производство трубок начало давать неудовлетворительные результаты. Постепенно на заводе образовалось до 900.000 трубок, изготовленных, казалось бы, совершенно правильно, но, однако, дававших неудовлетворительные результаты при испытании стрельбой.

Другой трубочный завод, выстроенный по последнему слову науки, имевший во главе одного из лучших наших техников, а в составе своих офицеров —бывших офицеров Петроградского трубочного завода, с 1912 года и до самого начала войны не мог дать ни одной удовлетворительно действующей трубки, хотя к этому времени им были изготовлены уже сотни тысяч трубок.

3) Один частный завод пользовавшийся содействием солиднейшей фирмы Шнейдер (Франция), 200.000 трубок с трудом изготовил в течение четырех слишком лет, несмотря на постоянные и всевозможные послабления в отношении технических условий и правил испытания и приема.

К началу войны два наших казенных трубочных завода имели общую производительность ок. 300.000 дистанционных 22-сек. трубок в месяц или ок. $3^1/_2$ миллионов в год.

Что двумя казенными трубочными заводами, как бы они ни развили свою деятельность, удовлетворить всю потребность в дистанционных трубках никак не удастся при обнаружившемся масштабе войны,—это должно было стать ясным ГАУ с того момента, как Ставкой впервые была заявлена потребность в 3″ выстрелах в 1.500.000 в месяц, т.-е. с начала сентября 1914 года.

С этого времени ГАУ и начало искать, где бы можно было поместить заказы на трубки.

При этом надежд на частное производство внутри России ГАУ возлагало очень мало, ибо знало всю сложность и трудность дела фабрикации трубок. Поэтому ГАУ не без основания считало, что всякое *новое* трубочное предприятие обречено на заведомый долгий неуспех. И действительно, специалистов этого тонкого производства

в нашей частной промышленности не существовало, а в казенной их еле-еле хватало для обслуживания своих заводов, к которым предъявлялись теперь самые жестокие требования, одновременно и по усилению и по расширению.

В виду этого все внимание сразу было обращено на заграничный рынок и в первую очередь ГАУ обратилось к менее других обремененному войной японскому правительству (еще в июле 1914 г.), через его военного агента, с просьбой уступить нам готовые японские трубки и разрешить дать заказ японскому трубочному заводу (арсеналу в Осаке) на дистанционные трубки нашего образца.

По получении после длительных переговоров принципиального согласия в Японию был командирован ген. Гермониус, на которого было возложено поручение приобрести и заказать там, что можно, из предметов боевого снабжения, а также содействовать установлению производства наших 22-сек. трубок в Осакском арсенале.

Затем в октябре 1914 года был дан заказ на 1 миллион наших 22-секундных трубок заводу Виккерса, а вслед за тем начались переговоры с другой английской фирмой „Кингс-Нортон" на поставку 500.000 (после было увеличено до 1.000.000) наших дистанционных трубок.

Окончательно заключить этот последний заказ долго не удавалось вследствие того, что заседавший в Лондоне наш англо-русский комитет был совсем не на высоте своего положения, не имея в своем составе специалистов по части боевого снабжения и вообще энергичных и независимых людей. Этот комитет потом был реорганизован, и во главе его был поставлен упомянутый выше наш известный специалист по военной технике ген. Гермониус.

Здесь надо отметить, что все эти заграничные заказы на трубки (в том числе и на те, которые были заказаны в составе целых патронов) существенной пользы нам не принесли, так как были выполнены и прибыли к нам с большими запозданиями; так что выручили в конце-концов свои казенные заводы.

Заграничные заказы были распределены между следующими заводами:

Кингс-Нортон . . (Англия).	23/XII 14 г. / 30—IV 15 г.	на	22″ / 1.000.000	—	30/VIII 16 г.
Шнейдер . . . . (Франция)	31/V 15 г.	на	1.000.000	—	16/V 16 г.
Бренер-Кузнецов . (Япония)	10/VIII 15 г.	на	4.000 000	—	1/III 17 г.
Тайхей-Куминай . (Япония).	11/III 16 г.	на	2.000.000	—	1/V 17 г.

Что же касается частных заводов, то хотя первоначально ГАУ совсем не надеялось, как уже было сказано выше, найти скорую помощь по части трубок в нашей частной промышленности, но выяснившаяся недостаточная надежность заграничных заказов, все возраставшая потребность в трубках и перегруженность до последних пределов казенных заводов, с одной стороны, а с другой,—наличие некоторых обстоятельств, заставило изменить первоначальный взгляд на это дело и пойти на предложения отдельных заводчиков, которым была передана незначительная часть заказов.

г) Изготовление взрывателей.

К снарядам фугасного действия, гранатам, у нас перед войной были разработаны и приняты на службу взрыватели так-называемого „безопасного“ типа:

3 ГТ — 3″ головной тротиловой — для 3″ и 42″ гранат
4 ГТ — 4″ „ „ — для 48″ бомб
6 ГТ — 6″ „ „ — для 6″ бомб.

„Безопасными“ они названы потому, что самая опасная часть их—капсюль с гремучей ртутью помещен в этих взрывателях в особой холостой камере, в которой он находится до самого момента падения снаряда и в которой должен локализоваться случайный взрыв этого капсюля, не передаваясь детонатору, от взрыва коего взорвался бы весь разрывной заряд бомбы. В этом существенное

отличие взрывателей этого типа от других, в которых всякий взрыв капсюля гремучей ртути влечет за собой разрыв всей бомбы, а следовательно, и самого орудия, если означенный взрыв капсюля произошел по каким-либо причинам тогда, когда снаряд еще находился в орудии. И опыт войны (статистика преждевременных взрывов снарядов в канале орудий) действительно подтвердил прекрасные качества взрывателей этого типа.

Но зато изготовление их сопряжено с большими трудностями, т. к. для них требуется сталь высшего качества (трудная в обработке), способная выдержать без разрыва те высокие давления, которые сопутствуют взрыву гремучей ртути в холостой камере. Поэтому и станки для обработки такой стали требуются сильные, а кроме того, и точные, т. к. работа всех частей взрывателя этого типа требует большой точности.

В мирное время эти взрыватели готовились только на двух казенных заводах. Частных заводов к этой работе привлекать нельзя было уже по одному тому, что ежегодный расход этих взрывателей был ничтожный, ибо вследствие большой стоимости тротиловых гранат их предполагалось расходовать только на показные стрельбы—по 40 штук в год на каждый полигон. Так что по изготовлении 800.000 штук взрывателей 3 ГТ, требовавшихся для боевых комплектов 3″ скорострельных пушек, даже и казенным заводам пришлось сидеть почти без заказов на эти взрыватели.

Годичная производительность этих заводов соответственно мобилизационным заданиям (изготовить в год войны упомянутый запас боевого комплекта) была около 40.000 в месяц. И первое время войны (полевых операций) требования шли главным образом на шрапнели и лишь почти год спустя (когда определился позиционный характер войны) начался усиленный спрос на гранаты. Потребовалось большое число взрывателей, изготовить которое стало непосильным трудом для двух казенных заводов при всем их напряжении. Тогда пришлось прибегнуть к заказам за границу и своей частной промышленности.

Размещать эти заказы (на взрыватели) представлялось ГАУ делом более простым, чем на дистанционные трубки, т. к. изготовление взрывателей все же проще, чем трубок (нет работы с порохом и сборка гораздо легче), а потому для этой работы можно было привлекать любой механический завод, соответственно, конечно, оборудованный. Но на деле это вышло не так просто и, несмотря на сильно пониженные технические требования как от самого материала, так и по части точности, частные заводы почти сплошь с этой работой не справились и ни один из них контрактных сроков не соблюл.

А между тем требования с фронта на гранатные выстрелы стали расти в сильной степени и одновременно стали поступать значительные партии уже изготовленных у нас гранатных корпусов. В виду этого пришлось прибегнуть к той же мере, как и по отношению к шрапнелям, а именно пустить на снаряжение 3″ гранат старые „ударные трубки обр. 1884 года“, хранившиеся в складах в количестве свыше миллиона штук. Конечно, прежде чем пустить их в дело, они были в возможной степени обезопасены соответствующими переделками (пружина и ударник), которые, хотя и уменьшали вероятность преждевременных разрывов, но, понятно, лишь в незначительной степени.

Затем, по идее этой же трубки (когда запас старых трубок иссяк, а настоящие взрыватели все еще не поступали) была спроектирована очень простая по работе латунная трубка, названная обр. 1915—1916 г., готовить которую могла любая мастерская, имеющая хотя слабое токарное оборудование; а также были приняты взрыватели марок 13 Г М, 1 Г М, 14 Г Т и 15 Г Т, которые представляют собою только незначительные видоизменения трубки обр. 1884 г. и преследуют цель—предотвращения преждевременных разрывов всего снаряда от случайного взрыва „ударного“ (малого) капсюля, но ни в какой мере не гарантируют от этого при случайных взрывах (в канале орудия) „большого“ капсюля с гремучей ртутью, так что все эти ударные трубки являлись

лишь суррогатом настоящих взрывателей и лишь по нужде допускались на замену их.

Конечно, результатом такого допущения были несчастные случаи на фронте, которые действовали на войска самым удручающим образом. Поэтому стрельбу с такими ударными трубками приходилось обставлять рядом предосторожностей, понижавших скорострельность орудий, а следовательно, и действительность самой стрельбы. Но иного выхода не было и с этим приходилось мириться, тем более, что подобного рода явления были и у наших союзников, и у наших врагов. В конце настоящего труда, в особом приложении, будут приведены статистические данные о преждевременных разрывах орудий у нас, у французов и частью у немцев (по сведениям, оказавшимся в приказах немецкого командования, отобранных у взятых в плен офицеров и в делах захваченных штабов на Западном фронте).

Что касается заграничных заказов на взрыватели, то они давались лишь на „безопасный тип“, т.-е. на 3 Г Т и 4 Г Т (и отдельно, и в составе целых выстрелов—гранатных). Заграничные заводы справлялись с этой работой в общем не лучше наших частных, что указывает на трудность этой работы.

Отдел II.

10) Выстрелы для тяжелой артиллерии.

Под этим заглавием я буду рассматривать выстрелы и для мортирной (гаубичной), и для собственно тяжелой (полевой) артиллерии, т.-е. для орудий 42-лин., 48-лин. и 6-дм. калибров; выстрелы же для более крупных калибров я рассмотрю особо.

По последнему действовавшему перед войной мобилизационному расписанию на вооружении нашей армии должно было состоять (см. отдел об орудиях): 42-лин. скорострельных пушек обр. 1910 г.—76; 48-лин. гаубиц—512 и 6-дм. гаубиц—164 (о запасных орудиях этого рода я не упоминаю, ибо содержать к ним боевые комплекты было не положено).

Боевые комплекты к ним положено содержать в следующем количестве: на каждую 42-лин. пушку по 1.200 выстрелов, на 48-лин. гаубицу—по 1.000 и на 6-дм. гаубицу—по 1.000.

Фактически к началу войны у нас в армии состояло следующее количество орудий: 42-лин., 48-лин. и 6-дм. калибров и выстрелов к ним (см. „свод“ верх. след. ком. о выстрелах, стр. 5 и 48):

Таблица № 8.

	Число орудий.	Число выстрелов на орудие.	Число выстрелов.		
			Должно было быть.	Было в действительн.	Нехватало.
42-лин. .	76	1.200	91.200	22.344	68.856
48-лин. .	512	1.000	512.000	449.477	62.523
6-дм. . .	164	1.000	164.000	99.910	64.090
Итого . . .	752	—	767.200	571.731	195.469

Из этой таблицы видно, что к началу войны боевые комплекты к тяжелым орудиям (42-лин., 48-лин. и 6-дм.) состояли не полностью: недоставало 195.469 выстрелов или ок. 25% (т.-е. 1/4).

Нехватка, касавшаяся собственно 42-лин. и 6-дм. орудий, т.-е. так-называемой „полевой тяжелой артиллерии", была около 133.000, что по отношению к комплектам этих орудий, т.-е. к 255.200, составляет около 52% (или 1/2).

Значит, собственно „полевая тяжелая" артиллерия выступила в кампанию только с половиною положенных ей комплектов.

Я собственно подчеркивал это обстоятельство потому, что уже его одного, казалось, было бы достаточно, чтобы с самого же начала войны привлечь самое серьезное внимание всех ведающих боевым снабжением армии на такую нехватку выстрелов к тяжелой артиллерии. Самая же эта нехватка произошла оттого, что ведь почти до самой войны наши тяжелые дивизионы имели на вооружении старые орудия, обр. 1877 года (42-лин. и 6-дм. в 120 п.) и перевооружились новыми скорострельными образцами, можно сказать, лишь накануне выступления в поход. Боевые же комплекты к новым орудиям только изготовлялись в это время на заводах, так что даже первые практические стрельбы дивизионам, получившим новые орудия, пришлось вести боевыми припасами от прежних орудий.

В виду всего этого, казалось, надо было напрячь все силы к тому, чтобы подогнать изготовление выстрелов к орудиям тяжелой артиллерии; однако этого сделано не было ни ГАУ (в тот период, когда оно еще могло оказывать свое влияние на дела боевого снабжения, т.-е. до образования особой распорядительной комиссии по артиллерийской части), ни особой распорядительной комиссией (за все время, правда, короткого ее существования, т.-е. до половины 1915 года). Причиной тому, как я уже неоднократно указывал выше, было царившее тогда общее убеждение, что центр тяжести всех боевых операций лежит в 3″ пушках и что именно ими и решится участь войны, а потому заботы о достаточном снабжении их

должны доминировать над всем остальным. Тон в этом отношении задавала Ставка Верховного главнокомандующего, и ген. Янушкевич и г. Ю. Данилов почти весь первый год ни о каких других выстрелах не били тревогу, как только о 3″. Правда, у некоторых более осведомленных в артиллерийском деле начальников, как, напр., у ген. Иванова, проглядывала и в этот период тревога о „гаубичных“ и „тяжелых“ выстрелах, но это было так случайно, так не подчеркнуто, как бы вскользь и совсем без того „напора“, каким сопровождались требования на 3″ снаряды, что это или не производило почти никакого впечатления, или ничтожное по сравнению с впечатлением от недохватки 3″ выстрелов. Вот почему и все заботы были направлены почти исключительно на усиление подачи сих последних.

Я лично сделал несколько безуспешных попыток изменить такую односторонность в деле снабжения нашей артиллерии выстрелами в первый раз при назначении меня председателем особой распорядительной комиссии по артиллерийской части и потом в бытность мою товарищем председателя сей комиссии; при этом мне прямо было указано, что я, как закоренелый „крепостник“ (я 20 лет прослужил в крепостной артиллерии), страдаю извращением артиллерийского чувства, переоцениваю значение „крупных“ калибров и просто некомпетентен в вопросах чисто полевой войны, в которой роль принадлежит только легкой пушке, о которой и надо заботиться прежде всего и больше всего.

Но вот образуется особое совещание по обороне, в состав которого я вхожу в качестве начальника ГАУ. В нем я уже начал вести определенную кампанию за необходимость уделить побольше внимания „тяжелым“ выстрелам, хотя бы за счет сокращения легких.

Но в это первое время деятельности совещания (и созданного-то вследствие оказавшейся полной „несостоятельности“ ГАУ) с мнениями сего последнего предумышленно не считались, а потому и внесенное мною предложение перевести часть заводов, работающих 3″ снаряды, на более крупные калибры было признано просто ересью.

Я тогда написал об этом в Ставку г. Янушкевичу, прося его воздействия на военного министра и начальника генерального штаба, а сим последним в отдельных докладах старался доказать всю неправильность принимаемых особым совещанием решений. Г. Янушкевич ответил мне, что вполне разделяет мою тревогу насчет тяжелых снарядов и что по этому поводу он пишет Беляеву, а на имя военного министра пишется рескрипт от имени Верховного главнокомандующего.

Но и эти воздействия из Ставки особых результатов не имели, т. к. доминирующей партии совещания было совсем не на руку мое предложение: во-первых, это было невыгодно, как уже было сказано выше, для г.г. заводчиков, а во-вторых, это означало бы первую „сдачу позиции", т. е. добровольное признание неправильности мероприятий совещания, да еще по обличению ненавистного ГАУ. Вот почему, когда под влиянием моих доводов (а больше, конечно, письма Янушкевича) г. Беляев в двух ближайших заседаниях совещания поддержал меня, то и эта поддержка особой пользы не принесла, ибо совещание политично ограничилось признанием „принципиальной" правильности моих заявлений, но на деле продолжало вести свою прежнюю линию.

И вот, когда ГАУ ближайший крупный заказ на 6.000.000 снарядов было приказано передать заводам не непосредственно от себя, а через центральный военно-промышленный комитет, то сей последний, вопреки прямым и ясным указаниям ГАУ, стал раздавать заказы только на 3″ снаряды и притом тем самым заводам, которым давало и ГАУ. Получив об этом определенные сведения, подтвержденные в заседании 24/VI (7/VII) 1915 года и заведывавшим финансовой частью центр. военно-промышленного комитета В. В. Жуковским, я заявил решительный протест против такой „политики". На это я получил наивный ответ, что „ц. в.-п. комитет не знал, изволите ли видеть, о столь острой нужде в тяжелых снарядах и не мог усмотреть таковой в препроводительной бумаге ГАУ, а потому в первую очередь заказаны 3 мил. 3″ снарядов". Я настаивал на пере-

воде этих заказов на более крупные снаряды, меня поддержал Беляев, но толку опять не вышло: совещание признало действия ц. в.-п. комитета правильными и не подлежащими отмене. И только в виду крайней резкости моего протеста и угрозы довести все это до сведения Ставки (что мною и было сделано) совещанием была принята резолюция, в которой высказывалась просьба к ц. в.-п. комитету в будущем иметь в виду потребность в тяжелых снарядах. При этом в редакции журнальных постановлений как этого заседания, так и предыдущих и последующих ни единым словом не упоминается о том, что вся инициатива постановки на очередь вопроса о тяжелых снарядах все время исходила от ГАУ, которое одно боролось, хотя и безуспешно, за необходимость немедленного и крупного заказа их.

Вот как, например, отмечен в журнале особого совещания от 24/VI (7/VII) 1915 г. мой вышеупомянутый протест против действий ц. в.-п. комитета:

„При этом совещание в связи с установленным (кем и когда?) серьезным недостатком в снарядах для орудий крупного калибра нашло соответственным просить ц. в.-п. комитет, чтобы при распределении между заводами остальной части общего заказа в 6.000.000 снарядов в первую очередь был поставлен вопрос об удовлетворении потребности в снарядах для тяжелой артиллерии, для чего ГАУ надлежало бы точнее установить размер соответственной потребности и сроки, в которые она подлежала бы удовлетворению“.

Тем дело и ограничилось, а ц. в.-п. комитет, конечно, никаких тяжелых снарядов не заказал, да и заказать не мог, т. к. за такой заказ никто из заводчиков добровольно браться не хотел, а заставить их сделать это против воли, как настаивало ГАУ, особое совещание не хотело.

Вот как провалился такой важный вопрос, как о тяжелых снарядах, и притом год спустя после начала войны, в особом совещании по обороне, призванном спасать отечество и поправлять грехи таких учреждений, как ГАУ. И вот при каких условиях приходи-

лось работать тем немногим лицам и учреждениям, которые действительно понимали дело и искренно хотели помочь снабжению нашей армии.

Но, конечно, так дальше дело с тяжелыми снарядами итти не могло в особом совещании, и скоро настал час, когда раздался набат из Ставки. И этот набат уже не мог быть заглушен радостным трезвоном по поводу изобилия в 3″ снарядах, ибо ясно определившийся позиционный характер войны, почти игнорируя легкие снаряды, требовал тяжелых и тяжелых.

И только-что, после усилий прямо сверхчеловеческих, удалось, хотя и не в полной мере, удовлетворить и эту нужду (в конце 1916 года), как назрела и оставалась почти совсем неудовлетворенной новая нужда в снарядах для особо крупной артиллерии (от 8″ до 12″).

Так мы и покончили войну, не достигнув по этой части удовлетворительных результатов, так как к этому времени экономический развал у нас достиг небывалых размеров, не позволявших и думать об одновременном изготовлении всех упомянутых выше типов снарядов в грандиозных заданиях Ставки.

Меры к усилению подачи тяжелых снарядов.

Какие же, однако, меры были приняты особым совещанием для удовлетворения возникшего голода по части тяжелых снарядов?

Когда во второй половине 1915 года раздались первые серьезные и тревожные требования тяжелых снарядов, особое совещание по обороне реагировало на них достойным образом: оно просто „приняло их к сведению“ и передало их „по принадлежности“—ГАУ, поставив при этом ему на вид „неуспешность снабжения армии столь необходимым для нее предметом“. Но тут я определенно и резко показал особому совещанию, насколько коротка у него память, и напомнил ему всю историю с недавними неоднократными отклонениями моих предложений о необходимости перевода заводов с более мощным прессовым и станочным оборудованием на тяжелые снаряды с легких. Особое совещание, конечно, проглотило эту пилюлю и поручило уже самому ГАУ озаботиться возможно интенсивным изготовлением тяжелых снарядов, не возлагая уже никаких надежд на свои „общественные организации“, несостоятельность которых была уже ясна всякому непредубежденному члену совещания.

Но время было уже безнадежно упущено, общее расстройство в стране все неудержимо прогрессировало, а потому и все усилия ГАУ не давали тех результатов, которые получились бы год или даже полгода тому назад. Все это прекрасно видело и понимало особое совещание, но тем не менее оно не упускало случая при каждом новом требовании Ставки лицемерно скорбеть о нехватке тяжелых снарядов и пытаться сваливать вину в этом на ГАУ. Но ни одного случая не упускал и я, чтобы полностью вернуть эти обвинения особому совещанию, которое главным образом и даже единственно было виновато в этой беде. Я не могу припомнить точного числа раз, но с уверенностью могу сказать, что не менее десяти, я напоминал все это особому совещанию, и ни разу мои заявления в протокол занесены не были.

Но, к счастью, участников этого злосчастного совещания осталось еще достаточно, и говорил я всегда довольно энергично, чтобы все это можно было удостоверить и помимо официальных протоколов живыми свидетельскими показаниями.

Наконец, особое совещание прозрело окончательно по части своей беспомощности в деле изготовления тяжелых снарядов и обратилось ко мне с просьбой взять это дело полностью и единолично в свои руки, без права чьего-либо в него вмешательства. Таким образом, была образована, хотя, конечно, и очень поздно, особая „комиссия тяжелых снарядов", которая, наконец, и взялась за это дело так, как давно уже надо было взяться за него. И только после этого представилась возможность перераспределить соответственным образом заказы на снаряды разного рода и взять в руки самих г.г. заводчиков.

Указав общие условия, в которых происходило заготовление тяжелых снарядов, перехожу к подробностям снабжения ими армии.

---

11) Потребность в тяжелых выстрелах.

Потребность в выстрелах для орудий средних калибров (42-лин., 48-лин. и 6-дм.), как и для 3" пушек, была определена не сразу, а почти год спустя после начала войны, и потом все время непрерывно увеличивалась.

Так, начавшись с месячной нормы:

для	42-лин. пушек	в 36.000	выстр.
„	48-лин. гаубиц	в 75.000	„
„	6-дм. „	в 37.000	„

заявленная Ставкой месячная потребность росла в такой прогрессии:

для 42-лин. пушек	в	50.000; 75.000; 100.000
„ 48-лин. гаубиц	в	170.000; 300.000
„ 45-лин. гаубиц	в	400.000; 150.000
„ 6-дм. „	в	100.000; 200.000; 250.000

Последние числа относятся к заданиям Ставки осенью 1916 года. А какова была действительная месячная потребность фронтов в этих выстрелах? Ответить на этот вопрос вполне определенно можно было бы лишь при условии, что точно известен расход этих выстрелов, а а этого-то как раз и нет, т. к. учет по ним велся еще с большей небрежностью, чем по выстрелам к 3″ пушкам.

Поэтому единственным достоверным документом в этом отношении является опять-таки „справка“ полевого генерал-инспектора артиллерии при Верховном главнокомандующем, представленная им на междусоюзнической конференции в январе 1917 года.

В этой справке показан такой месячный расход тяжелых выстрелов за каждые пять месяцев войны в 1914 (август—декабрь), 1915 (апрель—август) и 1916 (апрель—август) годах:

	в 1914 г.	в 1915 г.	в 1916 г.
48-лин. гаубицы	35.000	67.000	154.000
6-дм. „	17.000	33.000	152.000

(О 42-лин. пушках сведений в справке не имеется).

При этом сделана такая оговорка: „Приведенные числа расхода выстрелов в 1916 году из 48-лин. и 6-дм. гаубиц (и высших калибров) не представляют собою действительной потребности в них, ибо эти орудия все время испытывали недостаток в выстрелах“.

Помножив вышеприведенные числа на 5, получим расходы тяжелых выстрелов за периоды оживления военных действий в каждом году:

	1914 г.	1915 г.	1916 г.
48-лин. гаубицы	175.000	335.000	770.000
6-дм. „	85.000	165.000	760.000

Как приведено выше, к 20 июля (2 августа) 1914 г. (к началу войны) состояло налицо выстрелов:

к 48-лин. гаубицам	449.477
к 6-дм. „	99.910

И так как за время с 20/VII (2/VIII) 1914 г. и до 1/14.I 1915 г. было изготовлено и подано на фронт еще (как это будет видно из нижепомещенных таблиц):

к 48-лин. гаубицам	94.336 выстр.
к 6-дм. „	31.345 „

то, следовательно, в 1915 год эти орудия вступили с таким состоянием своих боевых комплектов:

48-лин. гауб. (449.477—175.000)+94.336=368.813
6-дм. „ (99.910 — 85.000)+31.345 = 46.255

Значит, к 1/14 января 1915 года эти орудия имели запасы выстрелов, составлявшие 72% и 30% от положенных им боевых комплектов к началу войны.

Следовательно, полевые 48-лин. гаубицы были по отношению к наличию их комплектов в таком же положении, как и 3″ пушки, и поэтому к ним прямо могут быть отнесены все те суждения, которые уже были высказаны в соответственном месте о полевых легких пушках.

Что же касается 6-дм. гаубиц, то их положение было значительно хуже: у них оставалось всего около $^1/_3$ комплекта.

О 42-лин. же пушках ничего определенного сказать нельзя, ибо о состоянии их боевых комплектов, к сожалению, справка не дает никаких данных[1]).

---

1) Это обстоятельство дает подтверждение того, что справка помещала только проверенные ею данные, избегая помещения сомнительных, относительно которых не удалось собрать фактического материала. Так, о 42-лин. пушках и раньше и позже дан ряд других сведений, но о месячном расходе их выстрелов не сказано ничего.

Что положение с выстрелами к 6-дм. гаубицам должно было быть наиболее тяжелым, это можно было предвидеть и раньше, ибо изготовление их комплектов было наиболее трудным. Они и выступили в поход с крупной нехваткой положенных им комплектов именно потому, что разогнать 6-дм. производство не так просто, как трехдюймовое. Поэтому-то и надо было с первых же дней войны обратить на него самое серьезное внимание и выделить для него заводы с наиболее мощным оборудованием.

Затем проследим, каковы были расходы и приходы выстрелов к рассматриваемым орудиям за 1915 и 1916 г.г.

1915 год.

В течение этого года было подано на фронты

к 42-лин. пушкам . . . . 213.848 выстр.
к 48-лин. гаубицам . . . . . . 728.973 „
к 6-дм. „ . . . . 282.176 „

Что вместе с вышеприведенными остатками к 1 янв. 1915 г. составит:

к 42-лин. пушкам . . . . 243.000 выстр. [1])
к 48-лин. гаубицам . . . . . 1.097.786 „
к 6-дм. „ . . . . 328.431 „

А каков был расход этих выстрелов в 1915 году?

Для пяти летних месяцев (сезон боевого оживления) этого же года полевой генерал-инспектор артиллерии дал в своей справке, как мы видели выше, такие числа ежемесячного расхода выстрелов:

для 48-лин. гаубиц 67.000
для 6-дм. „ 33.000

---

[1]) В виду неимения данных для определения величины остатка 42-лин. выстрелов к 1/I—1915 г. принимаю, что этот остаток был в процентном отношении примерно таким, как и у соседних батарей тех же тяжелых дивизионов. У 6-дм. гаубиц, т.-е. в 30% от величины боевого комплекта или примерно в 30.000 выстрелов.

Какое же число этих орудий было в строю в каждый месяц 1915 года, в точности установить не удалось, но, как указано выше, в отделе об орудиях имеются документальные данные о числе орудий к следующим срокам:

	42″	48″	6″	Документ:
1. К началу войны . . .	76	516	164	„Свод." верх. след. комиссии № 20, стр. 5.
2. К 1/14 янв. 1916 г. . .	72	582	297	Лист. 112 дела № 373 штаба Верх. главноком.
3. К 1/14 янв. 1917 г. . .	108	720	358	Справка Упарта, стр. 2 (отчет конференции).

На основании чисел этой таблицы можно принять без значительной погрешности, что в среднем в 1915 г. действовало на фронте:

42-лин. пушек . . .	74	как среднее между числами 1-й и 2-й строк.
48-лин. гаубиц	550	
6-дм. „	230	

Деля теперь соответственно 67.000 и 33.000 на 550 и 230, получаем следующие числа месячного расхода выстрелов на тяжелое орудие в 1915 году:

на 48-лин. гаубицу . . . . . 122 (в день—4[1]).
на 6-дм. „ . . . . . 144 (в день—5[1]).

Таков был расход гаубичных выстрелов в летние месяцы. Для месяцев же „мертвого" сезона 1915 года расхода в справке не дано; там дан тот месячный расход, который Упартом считается необходимым в будущем (для мертвых сезонов), т.-е. когда орудия будут достаточно обеспечены комплектами:

---

[1]) В 1914 году расход тяжелых выстрелов составлял:
на 48-лин. гаубицу . . . . . ок. 70 выстрелов (2 в день)
на 6-дм. „ . . . . . . ок. 100 „ (3 в день)

на 42-лин. . . . . 150 выстрелов.
на 48-лин. . . . . 150 „
на 6-дм . . . . 75 „

В 1915 же году эти орудия испытывали недостаток выстрелах, а потому в 7 месяцев „боевого затишья“ расходовали, вероятно, значительно меньше этих норм. Но сколько именно—неизвестно; а так как все же было бы интересно знать этот расход хотя приблизительно, то можно определить его по такому (приблизительному, конечно) расчету.

К 1/14 января 1916 года на фронтах состояло всего налицо (в возимых запасах и в резерве, согласно „сведения“, помещенного на листе 100 дела № 373 штаба Верх. главнокомандующего):

к 42-лин. пушкам . . . . . ок. 190.000 выстр.
к 6-дм. гаубицам . . . . . ок. 190.000 „
к 48-лин. гаубицам . . . . ок. 275.408 „

Вычтя теперь из всего прихода выстрелов в 1915 г. сумму израсходованных в летние месяцы и только-что приведенные остатки к 1/1 1916 г., получим то, что было расходовано в 7 месяцев „мертвого сезона“:—

42-лин. пушками . . . . . ок. 100.000 выстр.
6-дм. гаубицами . . . . . ок. 100.000 „
48-лин. гаубицами . . . . ок. 488.000 „

что составляет месячный расход по тогдашнему числу орудий:

на 42-лин. и 6-дм. гаубицу . . . ок. 40 выстр.
на 48-лин. гаубицу . . . . . . ок. 120 „

По этому расходу выходит, что в месяц периода боевого затишья полевые гаубицы расходовали в 1915 году столько же выстрелов, как и в месяц боевого оживления, т.-е. летние; тяжелые же дивизионы расходовали в мерт-

вый сезон почти в $3^1/_2$ раза меньше, чем в летний; но, конечно, этим выводам можно давать только относительное значение в виду неполноты относящихся сюда данных.

1916 год.

Как мы видели выше, в этот год гаубичная и тяжелая артиллерия перешли с таким запасом выстрелов:

к 48-лин. гаубицам . . . . . 275.000 выстр.
к 42-лин. пушк. и 6-дм. гауб. . . 100.000 „

За 1916 год было подано, как это будет видно из нижеприводимых таблиц, выстрелов:

к 48-лин. гаубицам . . . . . . ок. 2.150.000
к 42-лин. пушк. и 6-дм. гауб. . . ок. 750.000

Так что за весь 1916 год эти орудия получили выстрелов:

48-лин. гаубицы . . . . . . ок. 2.425.000
42-лин. пушки и 6-дм. гауб. . . ок. 850.000

Достаточно ли было этого количества выстрелов для удовлетворения действительной боевой потребности этих орудий?

Полевой генерал-инспектор артиллерии ответил на этот вопрос отрицательно; в справке, как уже указано выше, ежемесячные расходы выстрелов 48-лин. и 6-дм. гаубицами в летние месяцы 1916 года (154.000 и 152.000) названы „не представляющими действительной потребности, ибо эти орудия постоянно испытывали недостаток в выстрелах“.

Так сказано в нижней половине страницы 4-й справки, а в верхней половине той же страницы даны такие числа наличия к 1/14 января запасов выстрелов (в батареях и в резервах) к орудиям средних калибров:

к 48-лин. гаубицам		1.267.000
к 45-лин.	„	254.000
к 42-лин.	„	460.000
к 6-дм.	„	464.000
к 6-дм. (Шнейдер, 120 и 200 пд.) пушка	.	129.000
	Итого	**2.574.000**

Конечно, и эти числа не так уже внушительны, если принять во внимание развернувшийся масштаб войны, но во всяком случае они были почти в пять раз больше тех, с которыми мы начали войну (ок. 570.000).

При этом и число самых орудий возросло, хотя и не в такой степени, как число выстрелов.

Нижеприводимая таблица дает сравнительные данные по части орудий и выстрелов к началу войны и к 1/I 1917 г.

	к 20/VII 1914 г.		к 1/I 1917 г.	
42-лин. пушек и выстрелов к ним . . .	76	22.000	108	460.000
45-лин. гаубиц „ „ „ . .	—	—	252	254.000
48-лин. „ „ „ „ . .	516	450.000	720	1.267.000
6-дм. „ „ „ „ . .	173	100.000	358	464.000
Итого . . .	765	572.000	1.438	2.445.000
Орудий разных образцов.				
42-лин. пушек, обр. 1877 г.	Использованы		200	—
6″ в 120, 190 и 200 пудов	не были.		432	129.000
6″ осадных Шнейдера	—	—	18	—
А всего . . .	765	572.000	2.088	2.574.000

(Установить число выстрелов к 42-лин. пушкам обр. 1877 года и к 6″ осадным пушкам системы Шнейдера работы Путиловского завода не удалось).

Таким образом, за 29 месяцев с начала войны число орудий среднего калибра в армии возросло примерно в 2,5 раза, запас же выстрелов к ним (наличие в батареях и запасах, т.-е. помимо того, что было израсходовано за это время в боях)—ок. 5 раз.

При этом необходимо принять во внимание, что к этому времени вопрос с 3″ артиллерией был разрешен окончательно: она была уже несомненно пресыщена выстрелами (и шрапнельными и гранатными) и потому была в состоянии самостоятельно решать, без стеснения в расходе их, все посильные для нее задачи (в том числе такую важную и требовавшую громадного расхода снарядов, как разрушение всякого рода заграждений), не обременяя более крупные калибры, как это приходилось делать раньше.

И тем не менее, полевой генерал-инспектор артиллерии все время считал, что полевая тяжелая артиллерия (все средние калибры) еще не вполне обеспечены выстрелами, каковых было в наличии к 1/I 1917 г. (см. предыдущую таблицу) на орудие:

на 42-лин. пушку	по 4.260	выстрелов.
„ 48-лин. гаубицу	„ 1.760	„
„ 45-лин. „	„ 1.000	„
„ 6-дм. „	„ 1.270	„

И, кроме того, в дальнейшем можно было рассчитывать на регулярную ежемесячную подачу, не менее как:

к 42-лин. пушкам	30.000	выстрелов или ок.	300	на орудие.
„ 48-лин. гаубиц.	400.000	„ „ „	560	„ „
„ 45-лин. „	150.000	„ „ „	600	„ „
„ 6-дм. „	150.000	„ „ „	420	„ „

И хотя все эти числа были несравнимы с теми, с какими мы начали войну, тем не менее еще в конце 1916 года из Ставки заявлялось, что и их все же было недостаточно. И спорить против этого, конечно, не приходилось. Увеличить же их можно было и притом значи-

тельно, если бы взялись за это дело сразу, когда стала выясняться роль тяжелой артиллерии и во-время бы отказались от бессмысленного разгона 3″ выстрелов. Но этого сделано не было, время все упускалось и до самого конца Упарт упорствовал на ничем не оправдываемом увеличении числа легких выстрелов. Результат получился, конечно, соответственный.

Тем не менее надо отметить, что в заявлении междусоюзнической конференции наших потребностей по части выстрелов для тяжелой артиллерии совсем не звучит тревожных нот, как и по части 3″ выстрелов, и помощи в этом отношении от наших союзников не требовалось, кроме как к 45-лин. английским гаубицам, обеспечить боевое питание коих приняла на себя Англия.

Вот как выражена наша потребность в выстрелах для тяжелых орудий в нашем представлении междусоюзнической конференции в январе 1917 года.

На 1-й период.

(1/14.I 17.—1/14.VIII 17.).

Для 42-лин. пушек, новых и старых .	500.000	выстрелов.
„ 45-лин. английских гаубиц . . .	950.000	„
„ 48-лин. гаубиц	2.400.000	„
„ 6-дм. гаубиц (пол. и креп.). .	965.000	„
„ 6-дм. пушек в 120, 190 и 200 п.	513.000	„
„ 6-дм. Канэ и Шнейдера . . .	103.800	„
Итого	5.431.800	выстрелов.

На 2-й период. (1/14.I 17 г.—1/13.I 18г.).	На 3-й период. (1/14.I 17 г.—1/14.VII 18 г.).
1.100.000	2.036.600
1.800.010	2.700.000
4.800.000	7.200.000
1.895.000	2.984.750
1.136.600	1.759.400
273.600	489.000
11.005.200	17.169.750

В пояснительной записке сказано, что вся исчисленная выше потребность полностью будет удовлетворена отечественным производством, за исключением выстрелов к 45-лин. гаубицам, обещанных Англией[1]). И действительно, если бы не наступившие события, то это предположение могло бы быть осуществлено в 1917 году полностью.

12) Подача тяжелых парков на фронт.

В нижеприводимой таблице показано, как производилась подача выстрелов к орудиям тяжелой артиллерии за время войны 1914—1918 г. г.

Таблица № 9 (на отд. листе).

Изготовление тяжелых снарядов в России.

Затруднения с изготовлением тяжелых снарядов достигли в 1916 году таких размеров, что пришлось и в отношении их прибегнуть к суррогатам, а именно к допущению вместо стальных чугунных снарядов, которые вмещали в себе почти вдвое меньший разрывной заряд. В это же время наши союзники французы сообщили нам, что и они вынуждены прибегнуть к такой же замене стальных снарядов чугунными, но что при этом у них выработан способ получения чугуна повышенных качеств путем добавки к нему во время плавки некоторого количества стальных обрезков, отчего получающемуся таким образом металлу ими дано название „сталистого чугуна“, снаряды из которого с успехом употребляются на французском фронте. Хотя такие снаряды, несмотря на несомненное превосходство их перед просто чугунными, являлись все же второстепенными по отношению к нашим прекрасным стальным снарядам, тем не менее пришлось прибегнуть и к ним, в виду того, что они требовали зна-

---

1) Это спокойствие за будущее, по части выстрелов для тяжелой артиллерии, является прямым результатом работы особой „комиссии тяжелых снарядов при ГАУ“.

чительно меньше механической обработки и скорее могли попасть на фронт.

В виду этого г.-м. Ванкову, у которого работала партия французских техников[1]), было поручено заняться изготовлением снарядов из сталистого чугуна, и им было изготовлено до 1/14 января 1917 года следующее количество таких снарядов:

48-лин. бомб		156[2])
6-дм.	„	17.667
155-м./м.	„	48[2])

---

13) Выстрелы для крупно-калиберной артиллерии.

Здесь я рассмотрю выстрелы к орудиям больших калибров, а именно:

к 8-дм. гаубицам
„ 9,2-дм. „
„ 10-дм. пушкам
„ 11-дм. гаубицам
„ 12-дм. „

Вот с этими снарядами мы справиться до самого конца войны действительно не могли, т. к. для производства их необходимо особенно мощное заводское оборудование, каковым обладали у нас всего несколько заводов. Но все эти заводы в части их производительности снарядов крупных калибров были безапелляционно почти полностью заняты морским ведомством (для нужд боевого флота) и никакие доводы военного ведомства, особого совещания по обороне, Упарта и Наштаверха ничего сделать не могли. Флот настаивал на совершенной необходимости заготовить для его

---

[1]) Состав которых был усилен из Франции еще специалистами по сталистому чугуну.

[2]) Столь малые цифры потому, что производство только налаживалось в 1916 году.

Ред.

орудий большое количество выстрелов (вторые и третьи боевые комплекты и еще что-то, о чем никому из непосвященных и знать не надлежало), а потому для снарядов к крупным орудиям, состоявшим на сухопутном фронте, уделялась лишь ничтожная доля производительности означенных заводов. Между тем Ставка (Упарт) требовала значительное количество выстрелов к крупным орудиям и к приезду междусоюзнической конференции заявила следующую потребность на эти выстрелы:

к	8-дм. гаубицам	по	22.500	в месяц
„	10-дм. пушкам	„	700	„ „
„	11-дм. гаубицам	„	4.000	„ „
„	12-дм. „	„	6.000	„ „ [1]).

И это только на каждый из первых двух месяцев (январь—февраль) 1917 года, а затем предстояло еще значительное увеличение потребности в этих выстрелах.

Таким образом, минимальная потребность в них определялась в 33.000 в месяц. А сколько их мы могли давать в виде выстрелов на фронт, видно из приводимой ниже таблицы № 10.

Из этой таблицы видно, как неудовлетворительно было снабжение выстрелами орудий крупных калибров: они получали всего одну десятую того, что им было нужно в действительности. И если бы не крепостные запасы (береговых крепостей), а также не некоторая помощь со стороны морского ведомства (снабжавшего выстрелами те 12-дм. гаубицы, которые готовились на Обуховском заводе), то наша крупная артиллерия была бы обречена, особенно первое время, чуть ли не на полное молчание на фронте.

[1]) Орудия 9,2-дм.—Англичане брались снабжать сами и производство снарядов к ним устанавливать у нас не предполагалось.

Отдел III.

14) Результаты работ русской промышленности.

Интересно теперь подвести итоги того количества снарядов, какое было сработано нашей промышленностью за время войны 1914—1918 г. г.

При этом будет принят такой метод: „за снарядную единицу“ берется 3″ снаряд; количества же снарядов всех остальных калибров выражаются в этой единице помножением числа их на переводные коэффициенты, пропорциональные кубу отношения их калибров к 3 дюймам.

Таким образом, переводные коэффициенты будут равны:

для 42-лин. калибра $\left(\frac{4,2}{3}\right)^3 = 2,7$

„ 48-лин. „ $\left(\frac{4,8}{3}\right)^3 = 4,1$

„ 6-дм. „ $\left(\frac{6}{3}\right)^3 = 8$

„ 8-дм. „ $\left(\frac{8}{3}\right)^3 = 19$

„ 10-дм. „ $\left(\frac{10}{3}\right)^3 = 37$

„ 11-дм. „ $\left(\frac{11}{3}\right)^3 = 49,3$

„ 12-дм. „ $\left(\frac{12}{3}\right)^3 = 64$

Заключение.

Сопоставляя все приведенное выше относительно снабжения нашей армии в минувшую войну выстрелами к артиллерийским орудиям, прихожу к следующим заключениям.

I. Положенное по последнему перед войной мобилизационному расписанию количество выстрелов к полевой легкой и горной артиллерии состояло к началу войны полностью налицо и было подано на фронт в течение 4 месяцев.

Здесь необходимо отметить, что этот срок—4 месяца—является значительно сокращенным против того, какой официально был установлен последним мобилизационным расписанием, а именно: 480 дней или 16 месяцев. Такой нелепый срок не возбуждал никаких сомнений в своей целесообразности до начала 1912 года, когда впервые вопрос о готовности местных парков вызвал тревогу, но был обсужден тогда очень поверхностно и ни к каким реальным результатам не пришли.

Вторично этот вопрос был поставлен на обсуждение в конце 1912 года, после балканских событий, в совещании из начальников штабов пограничных и резервных к ним военных округов. В этом совещании вопрос о готовности местных парков был обсужден обстоятельно, причем были установлены и новые сроки, взамен ранее существовавших, именно было признано необходимым подачу всех 112 местных парков закончить в 90 дней или в 3 месяца. Но по журналу этого совещания никаких распорядительных действий в установленном законом порядке произведено не было, а потому он и остался не осуществленным до самой войны. ГАУ журнал означенного совещания был сообщен только в апреле 1913 года. И вообще со стороны ГУГШ не было предпринято никаких мер к тому, чтобы постановления совещания были быстро проведены в жизнь, и не установлено за этим никакого контроля.

В третий раз вопрос о сроках готовности местных парков возник в начале июня 1914 года по соответствующему запросу ГАУ в ГУГШ, которое ответило, что все 112 парков должны быть готовы к концу 3 месяца, при чем тон переписки отличается эпическим спокойствием, как будто речь шла о совершенно новом вопросе не особенной спешности, о котором можно еще долго переписываться.

Наконец, в четвертый раз тот же вопрос обсуждался в совещании у начальника генерального штаба 17-го июня 1914 года, т.-е. за месяц до начала войны. И вот на этом-то совещании (и на последующих, бывших в ГАУ) вопрос о сокращении мобилизационных сроков готовности местных парков был разрешен, наконец, исчерпывающе и намечен ряд мер организационного и хозяйственного характера, только после принятия и осуществления которых можно было считать задачу сокращения сроков решенной. Но так как лишь окончательное заключение по этому вопросу требовалось ГУГШ от ГАУ к 20 июля/2 августа 1914 г., то понятно, что никаких фактических изменений в сроках готовности местных парков до начала войны произвести было нельзя. Они произведены и не были; а потому, когда начавшаяся война сама потребовала произвести это ускорение подачи парков и притом во что бы ни стало, то пришлось попросту поставить крест на всем том, что было сделано до сих пор (т.-е. на мобилизационном плане с его 480-дневным сроком) и прибегнуть к импровизациям, поставившим в крайне тяжелое положение как само ГАУ, так и его окружные органы.

И вот при таких условиях, когда от мобилизационных предположений не осталось, что называется, камня на камне, ГАУ удалось всю подачу парков закончить в 120 дней (вместо 480)—такой успех при данных обстоятельствах надо признать существенным и незаурядным.

Таким образом, несмотря на то, что еще с начала 1912 года вопрос о сокращении сроков подачи местных парков был самою жизнью и сложившеюся политической обстановкой выдвинут на первый план, он так и не вышел до самой войны из сферы канцелярской переписки

вследствие непростительного, чисто чиновничьего отношения к этому важнейшему делу со стороны старших чинов военного ведомства и, прежде всего, военного министра, его помощника и начальника генерального штаба, в прямую и первейшую обязанность коих входила забота об увеличении мобилизационной готовности армии.

А в какой мере сокращение мобилизационных сроков готовности местных парков было важно для армии, видно из тех телеграмм, которыми командование фронтов вопияло об ускорении подачи выстрелов в течение первого, важнейшего, периода войны.

II. Выстрелов к орудиям средних калибров (т.-е. к 42-лин. пушкам и 48-лин. и 6-дм. гаубицам) к началу войны нехватало, примерно, на ¼, или 25%. Произошло это по той причине, что почти до самой войны наши тяжелые дивизионы имели на вооружении орудия старых образцов (1877 года) и перевооружились новой артиллерией почти перед самым выступлением в поход. Боевые же комплекты к ним в это время только-что изготовлялись на заводах и, конечно, не могли поспеть к окончанию мобилизации самих дивизионов.

Здесь надо отметить, что все образцы новых орудий были всесторонне испытаны и окончательно приняты еще в 1910 году. Поэтому к моменту объявления войны, т.-е. почти 4 года спустя, полевая тежелая и гаубичная артиллерия могла бы и должна была быть вполне готовой вместе с положенными ей боевыми комплектами; и если этого в действительности не оказалось, то виной тому было опять-таки недостаточно внимательное отношение к этому делу со стороны тех же старших чинов военного ведомства, не сумевших, с одной стороны, использовать постоянную готовность государственной думы по части отпуска необходимых средств, а с другой—не установивших действительного надзора за выполнением программы перевооружения армии новой артиллерией.

III. Состояние боевых комплектов в округах было недопустимо небрежно: ни окружное начальство, ни ГУГШ, в ведение которого с 1910 года перешли все мобилизационные вопросы, ни военный министр и его помощник,—

словом, никто не интересовался этим важнейшим для боевой готовности армии делом и не принимал никаких мер для наблюдения за ним и регулярного над ним контроля. И если к началу войны состояние боевых комплектов было хотя в незначительной степени упорядочено, то только благодаря заботам ГАУ, которое в последние два года перед войной било тревогу по этому поводу, но которому трудно было оказывать влияние на окружные артиллерийские управления, вышедшие с 1910 года из подчинения Главного Артиллерийского Управления, и на строевые артиллерийские части, уже совершенно не считавшиеся с его указаниями.

IV. Кроме боевых комплектов, предусмотренных мобилизационным расписанием, никаких других боевых запасов содержать не полагалось; точно так же не имелось и никаких указаний насчет того, должно ли предвидеть необходимость изготовления во время самой войны боевых припасов взамен расходуемых на полях сражений. Правда, имелось „Постановление Военного Совета 1904 г.“ насчет того, что наши артиллерийские заводы должны расширить свою производительность до таких пределов, чтобы быть в состоянии в годичный срок восполнить годичный же расход боевых припасов за время войны. А т. к. считалось, что предусмотренных мобилизационным расписанием боевых комплектов будет достаточно „на год большой европейской войны“, то, следовательно, и производительность наших артиллерийских заводов должна была быть достаточной, согласно означенного постановления военного совета, для восстановления в годичный срок мобилизационных боевых комплектов.

Именно так посмотрела на дело верховная следственная комиссия, и с формальной стороны нельзя отрицать юридической правильности такой точки зрения, ибо постановление Военного Совета 1904 года отменено не было. Но в действительности от него уже не осталось и следа, после него целый ряд специальных комиссий и совещаний рассматривал те же вопросы о боевых комплектах и о необходимом расширении производительности артиллерийских заводов; ряд междуведомственных совещаний рассматривал

финансовую сторону этих вопросов; наконец, с 1910 года ГУГШ, взявшее все мобилизационные вопросы полностью в свои руки, уделяло им особое внимание,—и ни в одном из постановлений этих многочисленных комиссий и совещаний и журналов ГУГШ ни разу не упоминается о постановлении Военного Совета 1904 года или о правильности его принципиальных положений, и нет никаких указаний на то, что, кроме положенных по мобилизационному расписанию боевых комплектов, необходимо будет готовить их еще и во время самой войны. При чем даже тот самый Военный Совет, который в 1904 году вынес означенное постановление, провалил в 1914 году (в частном своем присутствии) первое после начала войны представление ГАУ о необходимости заказа „в запас" одной четверти состоявших к началу войны боевых комплектов. И из целого ряда приведенных выше документов несомненно явствует, что о необходимости готовить боевые припасы во время самой войны спохватились лишь после ее объявления. В этом был наш главный грех и наше главное несчастье, что мы предполагали, что современную войну можно вести только за счет заготовленных в мирное время запасов. А потому и не заботились в должной мере о развитии наших заводов, казенных и частных, и не составили плана технической (заводской) мобилизации, почему уже во время самой войны нам пришлось прибегать к ряду спешных и малоцелесообразных импровизаций. При этом необходимо отметить, что министерство торговли и промышленности оказалось совсем не на высоте положения и не только существенной, а просто никакой помощи делу снабжения армии не оказало, и главным довольствующим управлениям военного ведомства пришлось на своих плечах вынести всю тяжесть создавшегося положения.

V. В первый же месяц войны (с 10 августа 1914 г.) стали поступать с обоих тогдашних фронтов самые тревожные сведения о нехватке выстрелов (преимущественно и даже почти исключительно к 3″ пушкам) и настойчивые требования об усилении снабжения ими. Эти требования все усиливались, и т. к. подача парков не поспевала

за ними, то высшее командование фронта заявило, что из-за недостатка в выстрелах не только приходится отказываться от новых операций, но и что все наши неудачи на фронте являются неизбежным следствием именно этого недостатка в боевом снабжении артиллерии. Между тем, на основании приведенных выше документов, представляется полная возможность установить, что после 5 месяцев войны, именно к 1/14 января 1915 года, у нас имелся запас ок. четырех с половиной миллионов 3″ выстрелов, т.-е. около $^2/_3$ всего того запаса, с которым мы начали войну. Поэтому является непонятным, каким образом с таким запасом выстрелов можно было бить в набат о якобы „катастрофической“ нехватке таковых. Ближайшее исследование приводит к заключению, что причины тому были следующие:

Во-первых, указанная выше (в п. 1) наша мобилизационная неготовность (в части подачи местных парков) и, как неизбежное следствие ее, полная неорганизованность доставки и распределения выстрелов на фронты при полной же неосведомленности командования об истинном состоянии запасов на фронтах и в армиях. Вследствие этого действительно имелись части и целые армии, страдавшие отсутствием выстрелов в то время, как у других их был значительный избыток. Идея „резервов“ выстрелов, при помощи которых (резервов) можно было быстро парализовать возникшие местные нехватки их, была осуществлена лишь в самом зачаточном виде.

Во-вторых, усвоенная войсковыми начальниками, начиная от малых и до самых высших, с самого начала военных действий привычка преувеличивать свои расходы и преуменьшать свое наличие выстрелов в надежде получить большее пополнение.

В-третьих, крайняя расточительность выстрелов, объясняемая тем, что старшие артиллерийские начальники, инспектора артиллерии в корпусах и бригадные командиры, а вначале даже командиры дивизионов были совершенно устранены от руководительства боевыми действиями артиллерии, которая поэтому попала в малограмотные в артиллерийском отношении руки общевойсковых начальников,

требовавших стрельбы от подчиненных им батарей по ничтожным целям, а часто просто ради звукового и „морального“ эффекта, непременно „ураганным“ или „барабанным“ огнем и притом целыми часами. В результате таких требований наличные запасы батарей скоро иссякли, а т. к. вследствие начавшегося с первого же месяца войны расстройства транспорта быстро пополнять комплекты было трудно, то и создалась благоприятная почва для тревоги из-за неподвоза выстрелов, легко переходившей в панику. А раз какая-либо часть испытала на себе панику, она легко поддавалась ей в будущем, особенно имея в виду начавшуюся общую деморализацию после первых неудач и все прогрессировавшее расстройство транспорта.

В-четвертых, исключительное значение, какое приобрела в эту войну артиллерия на полях сражений, особенно с выбытием лучших кадров пехоты (особенно офицерского состава), породило у командного состава преувеличенные до болезненности опасения за возможность нехватки выстрелов для артиллерии, в огне которой видели единственную надежду на спасение, а потому ради обеспечения ее боевыми комплектами, не задумываясь, шли на заведомые искажения истины.

И, в-пятых, полное отсутствие в главном командном центре, в Ставке Верховного главнокомандующего, компетентного органа для ведания вопросами боевого питания армии. Вся эта важнейшая часть была, как какой-то несущественный придаток, приклеена к управлению дежурного генерала, в котором не было буквально ни одного человека, мало-мальски смыслившего в этом сложном деле. С громадными затруднениями удалось внедрить туда маленького (но очень знающего и способного) чина из ГАУ, штабс-капитана С. [1]), который скоро и овладел положением, но, конечно, крупно влиять на дело не мог. И только с образованием при Ставке Упарта началось действительное руководство артиллерией фронтов, борьба против неправильного ее использования и ограничение бессмысленной траты выстрелов.

---

1) На внедрение более крупного чина ни за что не шел дежурный генерал, опасаясь, очевидно, утраты части своего влияния.

Таким образом, при соответствующей организации подачи местных парков, при целесообразном распределении запасов выстрелов и питании ими действительно нуждающихся частей, а также при надлежащем руководительстве боевыми действиями артиллерии—особого недостатка в выстрелах для нее не было бы в течение и того первого периода, когда ощущался патронный голод, судя по тому наличию запасов выстрелов, какое оказалось в действительности согласно справки, представленной междусоюзнической конференции полевым генерал-инспектором артиллерии.

VI. Начавшийся в армии с первых же месяцев войны патронный голод продолжал ощущаться еще долгое время и даже после того, как к этому уже не было никаких оснований. Как уже сказано выше, размеры действительной потребности в выстрелах так до самого конца войны и остались невыясненными, так как сколько-нибудь правильного учета (прихода, расхода и наличия) боевых припасов не велось и официальным сведениям по этой части верить было нельзя. Пользуясь этим обстоятельством, т.-е. полной неосведомленностью тыла об истинных нуждах фронта, Ставка неизменно заламывала несообразные нормы выстрелов, все время играя на том, что все неудачи на фронтах происходят исключительно от недостатка в боевом снабжении армии.

Вследствие этого перед тылом сразу же встала заведомо непосильная ему задача—начать быструю подачу огромного количества выстрелов, особенно имея в виду слабое развитие промышленности у нас вообще и полную ее мобилизационную неподготовленность. Тем не менее, эта промышленность показала высокую марку, и если бы ее во-время использовали как следует, то и результаты получились бы несравнимо лучшие. К сожалению, такого использования сделано не было, т. к. начавшаяся в первый год войны паника была, как всегда, плохим советчиком, и потому мы не попали сразу на правильный путь, не выбрались на него и потом. Особенно этому помешало вмешательство так-называемых „общественных деятелей“, которые, настояв на удалении ряда лиц, повинных, по их мнению, в дефектах снабжения армии боевыми припасами, вместе с тем пришли к решению взять все дело снабжения в свои руки, что им и удалось, при чем они

использовали созданные особые совещания главным образом как орудие политической борьбы. При таких условиях работа главных довольствующих управлений военного ведомства, на которых лежала вся тяжесть снабжения армии, затруднялась до крайности и надо только удивляться, как при этом они могли сделать то, что сделали.

Особенно трудной оказалась задача усиления снабжения армии выстрелами к тяжелым орудиям вследствие значительного запоздания с этим делом из-за не сразу выяснившейся роли тяжелой артиллерии и полного непонимания ее значения большинством особого совещания по обороне, а также из-за преступного мирволения сим совещанием г.г. заводчикам, которым легче и, главное, выгоднее было готовить мелкие снаряды. Единственным правильным решением этого вопроса было введение „всеобщей промышленной повинности“, но о ней и заикаться было нельзя в виду той роли, какую играли г.г. промышленники, вернее—банки, закабалившие всю нашу промышленность.

Не малую роль в этом деле сыграл и полевой генерал-инспектор артиллерии, который своим упорством в требовании бессмысленно больших количеств легких снарядов даже после совершенно очевидного пресыщения ими фронтов и тыловых складов помешал возможному усилению производства снарядов тяжелых.

VII. Наконец, в ниже помещаемой сводной таблице показано количество выстрелов к орудиям всех калибров как изготовленных внутри России, так и полученных из-за границы.

Из этой таблицы видно, что количество снарядов, дошедших до фронта, значительно меньше суммы заказанных за границей и изготовленных внутри России.

Так, 3″ снарядов было заказано и изготовлено за границей ок. 40 миллионов (а может, и больше) да в России их изготовлено ок. 55 миллионов, итого—ок. 95 миллионов. В виде же готовых выстрелов их дошло до фронта всего 60 миллионов.

Снарядов средних калибров: изготовлено у себя—ок. 12 миллионов да за границей—ок. 3 миллонов, итого ок. 15 мил-

СВОДНАЯ ТАБЛИЦА № 11

общего количества выстрелов ко всем орудиям, поступившим в армию в течение 1914—1917 г.г.

	Состояло к началу войны (запас боевых комплектов).	Поступило от внутреннего производства и из-за границы.						
		С 20/VII—1914 г. по I/I—1915 г.	В 1915 году.	В 1916 году.	В 1917 году.	Итого за время с 20/VII 1914 г. до I/I-1918 г.	А всего.	Суммарно.
Выстрелы. К 3-дм. пушкам.	6.433.000 / 0	516.000 / 0	10.062.000 / 1.188.000	19.420.000 / 8.104.000	11.739.000 / 2.668.000	41.737.000 / 11.960.000	48.170.000 / 11.960.000	60.130.000
К средним калибрам (от 4 до 6 дм.).	572.000 / 0	140.000 / 0	1.176.000 / 129.000	3.797.000 / 1.692.000	3.329.000 / 868.000	8.442.000 / 2.689.000	9.014.000 / 2.689.000	11.703.000
К крупным калибрам (от 8 до 12 дм.).	0 / 0	0 / 0	0 / 0	10.403 / 45.450	14.773 / 38.120	25.176 / 83.570	25.176 / 83.570	108.746
ИТОГО.	7.005.000 / 0	656.000 / 0	11.238.000 / 1.317.000	23.227.000 / 9.842.000	15.083.000 / 3.574.000	50.204.000 / 15.533.000	57.209.000 / 15.533.000	72.742.000
СУММАРНО.	7.005.000	656.000	12.555.000	33.069.000	18.657.000	65.737.000	72.742.000	—

Примечания. 1) Количество выстрелов из России показано в числителе, из-за границы в знаменателе.
2) Заграничные поступления выстрелов показаны по числу прибывших на территорию России. О количестве же фактически поступивших на фронт точных сведений не имеется.

лионов. До фронта же в виде выстрелов дошло менее 12 миллионов.

Интересно также сравнить число выстрелов, считавшееся достаточным для ведения войны (мобилизационные запасы), с тем, которое фактически пришлось подать на фронт и которое, как известно, все же не удовлетворило заявленной оттуда потребности:

3″ — 6,4 миллиона и 60,1 миллиона
средн. калибра — 0,6 „ и 11,7 „

А. Маниковский.

6/XII—19 г. Москва.

Приложение № 1.

Заметка

о мобилизации германской промышлености, доложенная особому совещанию по обороне в заседании 16 декабря 1915 г. (Журнал № 33).

В докладе одного из членов особого совещания по обороне было совершенно правильно указано, что Германия в военно-промышленном отношении была подготовлена гораздо лучше не только России, но и Франции и Англии. До войны и даже в ее начале указаниям на военную и военно-промышленную мощь Германии у нас в полной мере не верили и приходилось слышать, что эти указания преувеличены. Теперь же, когда мы еще не вышли из периода неудач, несомненно появилась другая крайность. Многие склонны преувеличивать военную мощь Германии, а в особенности имеется склонность оделять германцев чуть ли не сверхъестественной предусмотрительностью в деле подготовки к войне вообще и в деле мобилизации промышленности в частности.

Я смею утверждать, что организация подготовки к войне в Германии была нам вообще известна и чрезвычайного в ней нет ничего.

Германия отлично подготовилась к той войне, которой она сама хотела и в успехе которой была заранее уверена. Эта война предусматривалась на 4—5 месяцев продолжительностью. К такой же войне, какая теперь на самом деле разыгралась,—я положительно утверждаю,—она не готовилась и ее не предвидела; а если бы могла предвидеть, что она примет такие размеры и протянется так долго, она никогда бы ее не начала.

Разница в подготовке Германии и союзников была несоизмеримая в течение первого полугодия, а после этого срока разница в заблаговременной подготовке почти уравновесилась более выгодным военно-промышленным положением союзников.

Тем не менее, надо признать, что оказавшаяся мощь мобилизовавшейся уже во время войны германской промышленности превзошла ожидания самих немцев. Поэтому интересно установить главные причины такого явления. По отношению к мобилизации промышленности немцы применили принципы всякой мобилизации и по мере надобности захватывали все бо́льшие и бо́льшие области промышленной и экономической жизни.

Я не буду касаться вопроса о степени развития промышленности вообще, ибо ясно, что большая промышленность, мобилизовавшись, останется большой, а маленькая промышленность, мобилизовавшись, останется маленькой.

I.

Первое условие успешной мобилизации промышленности в Германии—это, конечно, огромный процент заводов из общего их числа, которые еще в мирное время специально изготовляли предметы вооружения и снаряжения.

Германия снабжала орудиями войны весь мир и, в частности, Россию, и мы за свой счет содержали эту дорогостоящую военную промышленность Германии.

Это всем известно, поэтому на этом пункте я подробно останавливаться не буду, а сделаю лишь из него мобилизационный вывод.

Мощность этой специальной военной промышленности давала немцам такой *большой кадр инженеров, техников, мастеров и рабочих, специализировавшихся на военно-промышленной работе*, какого ни одна другая страна не имела.

Такой кадр импровизировать нельзя. Тем бережнее нам надо относиться к тому маленькому техническому и ремесленному кадру, который мы имеем. Его надо взять постепенно на поименный учет. Для мобилизации промышленности это—вопрос важнейший.

II.

Перейду ко второму условию удачной мобилизации германской промышленности, в широких кругах менее известному.

Для успешной мобилизации надо не только определить, какие заводы будут работать, а главное, надо совершенно точно определить, какие именно типы предметов они должны работать. Ясно, чем этих типов больше, тем мобилизоваться труднее. Поэтому одна из главнейших задач мобилизации— сократить число типов фабрикуемых предметов. Немцы давно очень хорошо поняли, что этот вопрос имеет первостепенную важность не только для военного времени, но и для мирной жизни народа. Чем образцов предметов фабрикации меньше, тем самые предметы дешевле, ибо фабрикация их валовая.

Поэтому постепенно еще в мирное время, путем правительственной нормировки, а также добровольной нормировки фабрикатов по взаимному соглашению между собою, германская промышленность пришла к созданию целого ряда нормальных типов фабрикации. Германское военное ведомство учло значение нормальных типов и старалось, чтобы нормальные типы фабрикатов соответствовали потребностям армии при мобилизации. Делалось это исподволь, понемногу. Результаты этого у нас на глазах. Нам надо будет наверстать потерянное время и, говоря теперь о приведении в строгий порядок мобилизующейся промышленности, одновременно провести стройный **закон о нормальных типах производства хотя бы важнейших элементарных предметов, необходимых в военное время нашей армии.**

Этот список должен быть по возможности полный и по возможности короткий. Надо также нам, как в Германии, добиться главного, чтобы эти типы были хороши, просты и дешевы. Закон о нормальных типах должен требовать, чтобы всякий фабрикант и всякий торговец данной отрасли промышленности обязательно имели производство и держали на складе нормальные типы предметов. Кроме этих нормальных типов, они могут производить и продавать всякие

образцы, какие они пожелают. Практика Германии показывает, что в любом магазине можно дешево в готовом виде получить целиком или по отдельным составным частям предметы нормированных типов, а для ненормированных надо обыкновенно делать специальный заказ, обходящийся необычайно дорого. Закон о нормальных типах для промышленности страны имеет громадное значение. Нам теперь надо, конечно, ограничиться нормированием предметов военного потребления армии. Должны быть, например, нормированы:

1. Составы главных металлов, необходимых для военных целей, и те профили, по которым они должны прокатываться.

2. Главные типы паровозов, автомобилей и повозок.

3. Железные мосты для железных дорог и шоссе, которые должны продаваться готовыми в потребном количестве.

4. Главные инструменты, как-то: лопаты, топоры, киркомотыги и т. д.

5. Типы проволоки, гвоздей, шурупов и т. п.

6. Главные типы станков, необходимых для военных целей; их производство должно быть широко поставлено в самой России, чего бы это ни стоило.

7. Предметы артиллерийского довольствия должны быть разделены на две категории:

а) сложных и по необходимости изменяющихся и совершенствующихся; их надо производить на казенных заводах и на небольшом числе мощных частных;

б) выкристаллизовавшихся уже, более простых и более или менее прочно установившихся типов предметов, которые можно передать частной промышленности. При этом надо стремиться одному и тому же заводу давать как можно меньше разных типов заказов. Одной такой сортировкой дачи заказов сократится число потребных станков.

Чем число нормированных типов артиллерийских заказов будет меньше, тем, конечно, их изготовление пойдет успешнее и дешевле.

Список этим перечнем исчерпан быть не может.

Нормированы должны быть, подобно Германии, также типы производимых на внутреннем рынке кож, шерсти, хлопка, сукон и других предметов потребления для армии.

Составление списка необходимых нормальных предметов, а равно и выбор этих типов должны войти в задачу комиссии, проектируемой особым совещанием.

Мобилизация промышленности неразрывно связана с необходимостью немедленно провести закон о нормальных типах предметов, необходимых армии.

III.

Третий важный фактор успешности мобилизации германской промышленности—это тресты или, как их называют немцы, ферейны и фербанды. Трест есть объединение. В объединении—сила. Весь вопрос в том, куда эта сила направлена. Если она направлена для хищнической эксплоатации своих сограждан—это явление вредное; если она направлена на создание лучших и более дешевых фабрикатов—это благодеяние. Злую волю и хищничество надо самыми суровыми мерами беспощадно искоренять. Но сами по себе тресты есть, во всяком случае, организация, а когда хочешь мобилизовать промышленность, то всякие промышленные организации надо не разрушать, а всячески поддерживать и поощрять. Немецкие ферейны и фербанды, возникшие при мобилизации военной промышленности, обнимают почти все виды промышленности Германии и являются опорой снабжения германской армии. Правительство дало некоторым из них, например, металлическому, шерстяному и продовольственному, даже часть своей власти—право реквизиции соответствующих предметов. А они за это, образуя тресты, обязались перед государством из прибыли трестов отчислять в пользу акционеров 5%, а весь избыток дохода, сверх 5%, отдавать государству на содержание семейств убитых и раненых на войне. Такие тресты негодования возбуждать не могут. Даже переплата за продукты продовольствия будет вноситься без ропота, с легким сердцем, в уверенности, что это есть косвенная жертва для воинов. Между тем, в смысле стройности мобилизации промышленности это для прави-

тельства громадная помощь. Не будучи организациями бюрократическими, а промышленными, они не стеснены разными формальностями и смело ищут новых путей в деле замены недостающего новыми продуктами.

Для примера укажу на производство волокон из торфа. У нас ошибочно переводят немецкое название дословно „древесная вата“. Еще в мирное время в герцогстве Ольденбургском существовало на окраинах Люнебургской пустоши несколько заводов, принадлежащих частным лицам, а главным образом самому герцогу Ольденбургскому. Заводы эти из торфа этой местности добывали волокнистую массу и делали из нее „древесную вату“, войлок и даже ткани. Они, конечно, были хуже настоящих хлопчатобумажных и шерстяных изделий, но зато были поразительно дешевы; а войлок, как строительный материал, не съедаемый молью, был для вагонной фабрикации очень ценен. Теперь в Германии нет подвоза хлопка и шерсти, и вот эта фабрикация удесятерилась. Все лазареты и госпитали завалены своей собственной очень дешевой торфяной ватой, повязками, фланелью, одеялами и валенками для окопов. Такое развитие этой промышленности без трестирования было бы трудно.

Так же трестировалась вся мощная химическая промышленность с Баденскими химическими заводами во главе. Результат их работ: известное всем изобилие взрывчатых веществ, удушливых газов и даже открытий, как искусственная резина и т. п.

Германские тресты являются высшими мобилизационными единицами германской промышленности. Они служат мощной опорой германского тыла. На них опирается германская армия. При их помощи высший командный состав избавил себя от многих мелких тыловых забот и может сосредоточить свое внимание на стратегических задачах.

Возбужденные ныне вопросы о приведении в стройный порядок мобилизации промышленности нельзя считать теперь уже запоздалыми. Русская мобилизационная промышленность должна достигнуть наибольшей своей мощи и производительности к тому же сроку, как и русская армия.

Этот срок—последний день войны. Надо быть готовым к тому, что в этот день подвоз из-за границы станет невозможным.

Если мобилизованная русская промышленность не даст тогда самостоятельно своей армии прочной базы, нас ждет нечто гораздо более горькое, чем берлинский конгресс.

Подписал: генерального штаба

генерал-майор Михельсон.

Приложение № 2.

О мобилизации русской промышленности.

Семнадцать месяцев войны уже дали весьма поучительный для выяснения нашей боевой готовности материал. Уроки прошлого не могут пропасть даром и должны быть использованы для соображения некоторых мероприятий будущего. Предугадывая возможность войны и даже готовясь к ней, великие державы прежде всего ошиблись в определении вероятной продолжительности ее. Вряд ли кто-либо мог думать в начале войны, что даже по истечении полутора года со времени открытия военных действий нельзя будет, хотя бы примерно, предугадать ее конец.

Так, первоначально у нас предполагалось, что запасы предметов снаряжения армии достаточно велики, в виду чего дальнейшая заготовка их производилась в ограниченных количествах. Вскоре, однако, планы наших заготовлений стали вестись по расчету на сентябь месяц 1915 г., впоследствии они рассчитывались уже на июль 1916 г., а в настоящее время некоторые расчеты ведутся уже на срок до середины 1917 года. Подобный же переучет заготовлений производился, насколько известно, и у наших союзников.

Общее количество запасов снаряжения армии, заготовленных в период, непосредственно предшествовавший открытию военных действий, оказался таким образом слишком ничтожным по сравнению с количествами, потребными для ведения настоящей войны.

Еще большая невольная ошибка была допущена при исчислении боевого расхода заготовлений, в особенности предметов артиллерийского снабжения. Те количества боевых припасов, которые считались в самом начале войны

достаточными для достижения известного эффекта, оказались совершенно ничтожными по сравнению с числом выпущенных в некоторых боях снарядов, между тем достигнутые успехи представлялись весьма небольшими. И это обстоятельство, не предусмотренное ни нами, ни нашими союзниками, вызвало неоднократный общий переучет планов заготовлений. В результате оказалось, что настоящая война потребовала такого количества заготовлений, которое до войны показалось бы совершенно невероятным. Дальнейшие заказы во многом превосходят то, что готовилось до сего времени.

На самом деле, производство снарядов по 200—300 тысяч в день,—количество, до производства которого доходят некоторые воюющие страны,—кажется совершенно чудовищным.

Для пополнения боевого расхода могли служить предметы дальнейшего производства: внутреннего и иностранного. О значении запасов говорить не приходится, ибо по самому существу дела значение их могло быть крайне ограниченным: они должны были служить лишь для начала военных действий. Готовность к войне в отношении снаряжения и снабжения армии должна была, очевидно, определяться не запасами, а возможностью производства заготовлений во время самой войны на внутреннем рынке и за границей.

Но опыт наших иностранных заказов в настоящую войну в достаточной степени убедил нас в том, в какой мере заказы эти являются необеспеченными. Заграничные заказы могли быть производимы или у союзников, или же в нейтральных странах. Но союзники сами нуждаются в заготовлениях для своих армий, а потому рынок этот представляется всегда крайне ограниченным. В лучшем случае союзные страны имеют возможность давать только излишки своего производства, если излишки эти оказываются в действительности. Этим именно обстоятельством объясняются те огромные недопоставки боевых припасов, которые имеют место в отношении Англии и Франции. Так, из 4,5 мил. снарядов, которые должны были поступить к нам до сего времени из указанных стран, поступило всего около пол-

миллиона штук. Таким образом, рынок союзных стран не мог быть принимаем в серьезное внимание при определении и учете заготовлений, ибо страны - союзницы, как принимающие сами участие в войне, воспрещают и будут всегда воспрещать к вывозу все то, что необходимо для снабжения их собственных армий.

В несколько ином положении оказываются заказы в странах нейтральных: здесь нет ограничений вывоза, но вывоз этот служит в равной мере и для противников, являющихся нашими конкурентами в размещении заказов.

Независимо от сего, заказы в нейтральных странах подвержены в высокой степени различного рода неожиданным ограничениям и стеснениям, в зависимости от склонения политических симпатий в ту или иную сторону.

При всем том производство вообще всех иностранных заказов сопряжено с целым рядом иного рода неудобств. Сюда относятся трудности доставки заказанных предметов, необходимость приспособления наших потребностей в отношении калибров, систем и проч. к установившимся условиям иностранного производства, а не наоборот, как это имеет место при заказах на внутреннем рынке, находящемся в нашей власти и распоряжении. В результате, в отношении общей массы заграничных заказов, выполнение коих вообще сопряжено с разного рода трудностями, наблюдаются общие запоздания и случайности, лишающие уверенности в том, что будет получено то именно, что было заказано, в обусловленных количествах, в надлежащие сроки и должного качества.

Отрицательные стороны иностранных заказов в финансовом отношении не нуждаются, казалось бы, в особенном пояснении. Расплата в золотой валюте ставит страну в чрезвычайно трудное положение и имеет пагубные последствия для курса денег,—все равно, производится ли эта расплата путем кредитных операций или же прямым вывозом золота в натуре, как это имело место в первый период войны, когда наше золото было в слитках отправлено в Англию.

Вызываемая заграничными заказами потребность в золотой валюте ставит часто в положение, обязывающее

принимать при заключении займов, даже у союзников, условия, не отвечающие ни достоинству, ни независимости страны. Обычные же переплаты, и притом в пользу иностранцев, на заграничные заказы, сопряженные с потерей на курс, с излишними перевозками, страховкой и прочими расходами, чрезвычайно обременяют государственное казначейство, и без того испытывающее тяжесть военного бремени.

Есть, однако, в иностранных заказах еще одно обстоятельство, заслуживающее серьезного внимания не со стороны финансовой, а в отношении экономическом. Если бы на те миллиарды рублей, которыми оцениваются наши заграничные заказы, в страну были бы ввезены орудия не разрушения, а производства, как-то: сельскохозяйственные машины, паровозы, вагоны, удобрения и проч., то неблагоприятные финансовые последствия этого ввоза покрывались бы увеличением народно-хозяйственной производительности и служили бы, вообще говоря, к экономическому обогащению страны. К сожалению, ни боевые припасы, ни ружья, ни пушки, ни порох, ни прочие средства разрушения, обильно заказанные нами в других странах, никакому обогащению страны служить не могут.

Высказанные соображения невольно обращают мысль на внутреннее производство: только оно может служить прочной основой боевой способности страны. Значение внутреннего производства настолько велико, что в современных войнах наибольшие шансы победить имеют те страны, которые могут во время самой войны готовить эти предметы в наибольшем количестве. Лучшим доказательством является Германия, своевременно подготовившая свою мощную промышленность к войне. Это дало ей возможность не только питать самое себя боевыми припасами в неисчислимом количестве, но и принять на себя снабжение и снаряжение армий ее союзников—Австрии, Турции и Болгарии. Относительный же по сравнению с силами противников недостаток в людях Германия успешно компенсирует обилием снаряжения, благодаря которому она, имея против себя силы трех могущественных держав, могла в течение полутора года развивать активные военные дей-

ствия. Противники же ее, придерживаясь вследствие недостатка боевых припасов оборонительной тактики, вынуждены были для поднятия боевой готовности приступить уже после открытия военных действий к мобилизации своей промышленности. При этом Англия и Франция, располагающие более сильной промышленностью, могли не только покрывать свой боевой расход, но и делать накопление запасов. Россия же с ее мало развитой промышленностью до настоящего времени никаких запасов скопить не могла. Это объясняется не только слабостью нашей промышленности, но и почти полной ее неподготовленностью к производству предметов снаряжения армии. Достаточно указать хотя бы на то, что перед войной ни один из частных заводов не готовил снарядов, и это производство пришлось вновь насаждать у нас в трудных обстоятельствах военного времени.

В противоположность нашему, Германия делала огромные усилия не только для развития промышленности, но и для приспособления ее к военным потребностям. Это и создало Германии ту мощь, которую она проявила в настоящую войну. В укреплении этой мощи участвовали, к сожалению, и мы, передавая в Германию многочисленные казенные заказы, вместо того, чтобы развивать свое собственное производство. Политика эта дала плачевные результаты, которые ясно сказались вслед за объявлением войны. У нас не оказалось заводов, способных быстро развернуться и немедленно приступить к удовлетворению внезапно возникшей огромной потребности в предметах военного снаряжения. В таком положении мы были вынуждены вслед за объявлением войны пойти по старому пути производства иностранных заказов. Заказы эти касались: пушек, пулеметов, огромного количества снарядов, пороха, пироксилина, толуола, автомобилей, проволоки, подков, шипов, седел, шанцевого инструмента и проч.

Без преувеличения можно сказать, что если бы вместо заказов за границей в русскую промышленность была брошена в начале войны лишь часть сумм, переведенных за границу заказами, то мы могли бы в гораздо большей

степени развить нашу военную мощь, чем это имеет место в настоящее время. Так, истратив уже свыше 300 милл. рублей на заграничные автомобили, мы только теперь приняли решение водворить это производство в России.

Лишь с учреждением особого совещания по обороне государства отношение к русской промышленности изменилось. Но и само совещание было образовано лишь после того, как наши боевые запасы были уже истощены, а в отношении произведенных осенью прошлого года иностранных заказов имелись неоспоримые доказательства, что мы их или вовсе не получим, или же получим с огромным опозданием. При таких условиях не было другого выхода, как обратиться к русской промышленности. Путем выдачи заказов, авансов и иного рода воспособлений существующие заводы стали постепенно приспособляться к военным потребностям и даже начали нарождаться новые отрасли производства. На этом пути мы встретили огромные затруднения. У нас не оказалось необходимого количества машин—орудий, станков, прессов и проч. На ряду с этим мы были вовсе лишены свинца, олова, алюминия, достаточного количества меди, цинка и иного рода сырых материалов. Пришлось за этим обратиться к иностранным рынкам.

Преодолевая целый ряд трудностей, наша промышленность в настоящее время в широкой мере работает на оборону страны. Приспособлен для военных надобностей целый ряд производств, созданы новые отрасли промышленности, иные сильно развились и расширились. Все постепенно приспособляется к тяжелым условиям военного времени. Внимательно вглядываясь в налаживающуюся огромную работу русской промышленности, подсчитывая то, что она уже дала нашей армии и что она еще в состоянии будет вскоре ей дать, можно чувствовать некоторое успокоение по отношению боевой нашей готовности. Мы хоть и медленно, но уверенно крепнем, и никто не думает о мире, ибо благополучный для нас исход настоящей кампании кажется всем нам несомненным. С бодрым чувством ждем мы ближайшего будущего.

Но не столь радостным кажется нам более отдаленное будущее. Оно представляется нам туманно-загадочным. Кончится война, но международного мира и спокойствия после войны ждать нельзя будет. Побежденные и обойденные страны будут таить очаг недовольства, могущего разразиться новыми потоками крови. Вот почему и в разгар настоящей еще неоконченной войны следует подумать о будущем, дабы не оказаться в том же самом положении, в каком застал нас 1914 год.

Было бы величайшей и непростительной ошибкой допустить вслед за окончанием войны разрушение той огромной военной мощи, которую представит собою русская промышленность к концу войны. Прекратятся заказы, и наше военное производство, налаженное с такими усилиями и жертвами со стороны государственного казначейства, может легко расстроиться. Поддержание этой мощи составляет задачу величайшей государственной важности. Речь идет о сохранении в мирное время той способности русской промышленности к производству предметов военного снаряжения, которую она проявляет во время войны. Цель эта может быть достигнута без особых жертв со стороны государственного казначейства и во всяком случае без дачи заводам ненужных в мирное время заказов. Она может быть достигнута прежде всего планомерным распределением и распоряжением всем тем оборудованием заводов, которое уже оплачено заводам казной включением в цену заказов стоимости нового оборудования.

На этих началах, напр., было создано у нас обширное производство снарядов на всех частных заводах. На тех же условиях погашения казною стоимости оборудования были даны нашим заводам большинство крупных военных заказов. Разумное использование одного этого ресурса казны даст возможность держать заводы в состоянии способности приступить, в случае надобности, к немедленному производству военных заказов.

Для этой цели правительство должно обязать ныне работающие на оборону заводы держать соответственное оборудование в состоянии готовности к производству воен-

ных заказов. Взамен сего обязательства заводам должно быть дозволено использование в мирное время оборудования для удовлетворения потребностей частного рынка, но с обязательством возобновления изнашиваемого оборудования.

Подобные обязательства в отношении готовности производить военные заказы правительство могло бы ставить всем вновь возникающим предприятиям, в особенности же тем, коим будут оказываемы какие-либо льготы или вспособления.

Идя таким путем и приводя в известное планомерное соотношение способность наших заводов производить отдельные предметы военных заготовлений, мы достигнем мобилизации нашей промышленности, т.-е. приведения и поддержания ее в состоянии возможности начать производить без потери времени заранее определенное для каждого завода количество военных заготовлений.

Все изложенное касается собственно оборудования заводов. Но этим не исчерпывается поставленная задача мобилизации русской промышленности. Надо воспользоваться обстоятельствами настоящей войны, чтобы приблизить сильную машиностроительную промышленность Петрограда к металлургии, всячески способствуя эвакуации петроградских заводов в район нашей южной горной промышленности и на Урал, где в изобилии имеются и топливо и металлы. Таким только путем мы избегнем тех крупных перевозок на далекое расстояние топлива и металлов из районов горной промышленности в Петроград, кои вызвали крайнее напряжение работы наших железных дорог, и без того обремененных военными перевозками.

На ряду с заботами о мобилизации собственно технических средств заводов (оборудования), нужно сообразить план снабжения и обеспечения их необходимыми сырыми материалами. В этом отношении следует прежде всего водворить у нас добычу и производство свинца, олова, алюминия, цинка и прочих специальных металлов, без коих наша боевая готовность будет всегда находиться в

рискованном положении. У нас имеются богатейшие залежи руд этих металлов, и развить выплавку их не представит особых трудностей.

Нельзя также не обратить внимания на то, что важнейший пункт нашего военного производства—Петроград находится в зависимости от иностранного топлива. Тяжесть этой зависимости мы испытываем теперь в полной силе. Выходом из указанного положения явилось бы освобождение столицы от заводов, работающих на оборону. Но задача эта очень трудноосуществима, а потому вполне целесообразным во всех отношениях представлялось бы использование вод Сайменского озера в Финляндии (Иматра), могущего дать столице по электрическому кабелю около 400.000 лошадиных сил, что с большим излишком покрывает потребности не только промышленности, но и железнодорожного узла Петрограда, общественного и частного хозяйства. При всем том стоимость электрической энергии обойдется в три раза дешевле того, во что обходилось потребление в мирное время английского угля, за который ежегодно выплачивали мы свыше 30 миллионов рублей за границу.

Само собой разумеется, что вышеизложенными указаниями далеко не исчерпываются план и программа намеченной мобилизации промышленности. В ней не затронуты, например, вопросы о создании казенных заводов и о других факторах, могущих так или иначе влиять на боевую готовность нашей промышленности. Создание этой программы потребует серьезной и планомерной разработки того обильного фактического материала, коим располагает в настоящее время военное ведомство, а потому работа эта могла бы быть поручена особой комиссии. Труды этой комиссии, несомненно, должны находиться в теснейшей связи с трудами особого совещания по обороне государства, в виду чего комиссия эта должна быть образована в составе вышеназванного особого совещания в качестве комиссии подготовительной.

По одобрении в особом совещании по обороне государства выработанных этой подготовительной комиссией

плана и программы мобилизации русской промышленности, проведение намеченных мероприятий в жизнь может потребовать, смотря по свойству их, частью одобрения законодательных палат, частью же распоряжений совета министров или председателя особого совещания по обороне государства.

Подписал **В. Литвинов-Фалинский.**

Петроград,

22-го ноября 1915 года.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Количество выстрелов, необходимое для артиллерии (по мобилизационному расписанию № 10), и действительная в них потребность, определившаяся во время войны 1914—1917 г.г.

Отдел I.

Отдел II.

Отдел III.

(К стр. 235).

Таблица № 9

последовательной подачи на фронт выстрелов для гаубичной (мортирной) и полевой тяжелой артиллерии за войну 1914—1918 г.г.

(Сведения о поступлении выстрелов из-за границы документально проверить не удалось).

	42-лин скоростр. пушка	42-лин. 1877 г. пушка.	45-лин. английская гаубица.	48-лин. гаубица	120 м/м. пушка.	5-дм. (60 фунт.) английская.	6-дм. полевая гаубица.	6-дм крепостная гаубица.	6-дм. в 120 пуд пушка.	6-дм. в 190 пуд. пушка.	6-дм. в 200 пуд. системы Шнейдера.	155 м/м. французская	15 с/м. сист Круппа гаубицы.	90 м/м. французская.	Итого
1914 г. VIII	21 744		–	О поступлениях по месяцам сведения не имеется	—		36 752			-	—		-		
IX	18.120	—				-	38.960					—			
X	10.872		—		-		17.376		—	—	—				
XI	7.248						11.576	—		—		—		—	
XII	3.624	—	—				5 792		—				-		—
Итого . . .	61 608		–	94 336	—	—	98.464	—			—			—	255 000
1915 г. I	10 872	—		34 304		—	17.376		-			-	—		—
II	14 496	—	-	34.304	-	—	23.168			—		—	-		—
III	18 120	—		42.880	—	—	28.960					—	—	—	—
IV	14.496			77.184		—	23 168			—	—				—
V	10.872		—	51 456	—		17 376		-	-	—	—			—
VI	7 248	—		42.880			11.584		-	—	—	-	-		—
VII	18.120		—	42.880	—	—	38.960		—	-			—		
VIII	22.248	—		60.032	—	—	26.584					—		-	—
IX	30.000		—	53.496	—	—	30 000	—					—	-	—
X	25 000	-		87 612	—	—	25.000	12.000	-				—		—
XI	25 000			93 369	—	—	25.000	11 000			—		—	-	—
XII	25.000	—		108.576	—	—	25 000	20.000		—					—
Итого . . .	121 472	—		728.973			282.176	45 000	—			—	.	—	1.176.000
1916 г. I	30.000	—	Начали прибывать из Англии с VI 16 г. месячными партиями 27, 218, 122, 138, 197, 153 и 150 тыс. Всего 10006000 в 16 г. в 350000 и 1917 г. Но на фронт попало лишь:	60.000	О поступлении по месяцам сведений не имеется.	—	35.000	20.000		—	—	—	О поступлении по месяцам сведений не имеется.	О поступлении по месяцам сведений не имеется.	
II	30 000	—		75.000		—	30.000	20.000	—	—	2 000				
III	15.000	2.500		90.000		—	5.000	25.000		—	2.000	-			-
IV	10 000	7.500		90.000		—	20.000	20.000		—					
V	25 000	50.000		90.000		—	15.000	20.000				—			
VI	10.000	20.000		12.000		—	40.000	25.000							—
VII	25.000	25.000		150.000		—	25.000	35.000	—	-		—			—
VIII	25.000	30.000		180.000		—	40.000	40.000	—	—		—			—
IX	30 000	35.000		250.000		—	50 000	45.000	5.000			—			—
X	30,000	35.000	X—50.000	320.000		—	60.000	55.000	10.000	—	4 700				—
XI	30 000	35.000	XI—120.000	360.000		—	70.000	50.000	20 000	—	2.000	—			
XII	20 000	35.000	XII—150.000	360.000		16.000	75.000	50.000	25 000	—	1.000	3 000			-
Итого . . .	290.000	274.000	320.000	2.145.000	138 000	16.000	465.000	405.000	60 000	—	22.400	3.000	9 000	520.000	4.667 000
1917 г. I	25,000	50.000	70.000	380.000	15.000	20.000	45.000	90.000	15 000	10.000	15.000		—	50.000	
II	35 000	40.000	90.000	290.000	37.500	—	50.000	75.000	20.000	—	15.000	—	1.000	50 000	
III	15.000	35.000	70.000	210.000	—	4.000	40.000	40.000	50 000	5.000	10.000	11.000	—	—	-
IV	5.000	10.000	70.000	155.000	52.500	—	25.000	10.000	35.000	—	15.000	22.500	—	50.000	—
V	45.000	35.000	—	150.000	—	40.000	40.000	10.000	65.000	25.000	10.700	15.000	—		—
VI	5.000	—	50.000	110.000	500	7.400	10.000	5.000		—	12.000	22.500	-	—	—
VII	50.000	65.000	—	120.000	40.500	16.500	50.000	5.000	25 000	5 000	11.000	16.500	-		
VIII	15.000	15.000	30.000	160.000	4.500	25.500	40.000	10.000	—	—	4.000	9 000			—
IX	10 000	5.000	—	160 000	36.000	17.000	20.000	15.000	5.000	5.000	7.500	1.500		—	—
X	5 000	—	—	30.000	9.500	—	5.000	5 000	5 000	5.000	11.000		—		—
XI				30 000	6.500		—			—	9.000			—	—
XII			—		—	—	—	—		—	6.000	—	—		—
Итого . .	210 000	255.000	380.000	1.795.000	203.000	113.000	325.000	265.000	220 000	55.000	127.000	98.000	1 000	150.000	4.197.000
Всего . .	682.080	529.000	700.000	4.762.809	341 000	129.000	1.170.640	713 000	280.000	55.000	149.400	101 000	10.000	670.000	10.295.000

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Возимых запасов положено.
на 42 лин —294
на 45-лин. 204
на 48-лин. -318
на 6-дм. —176

2) В местных парках положено содержать 48-лин
бомб—5720
шр. 2856
8576
42-лин..
бомб— 604
шр. —3020
3624
6-дм
бомб—3744
шр. —2048
5792

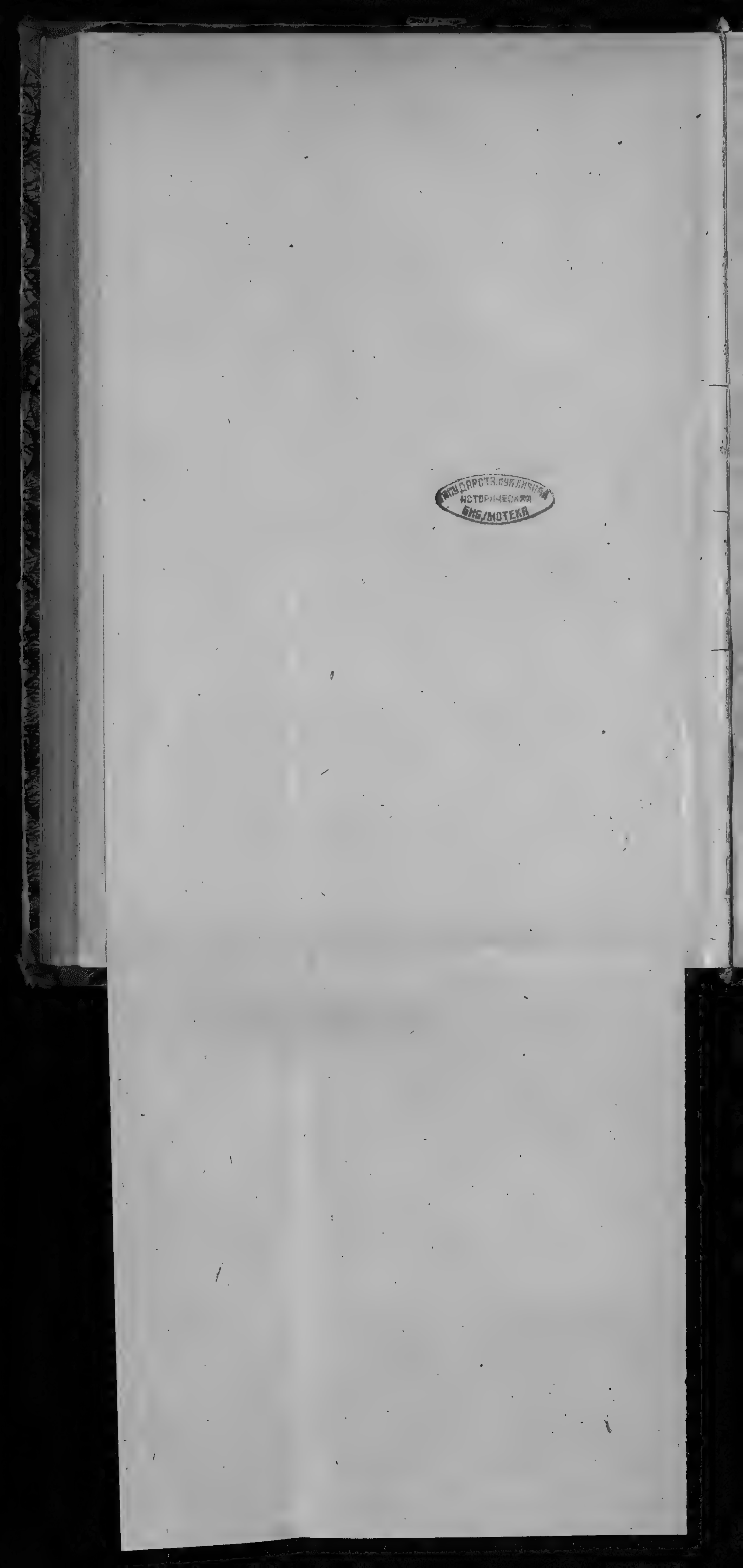
3) С 16-го года, для упрощения, положено содержать парки:
42-лин. 5.000
48-лин. 10.000
6-дм — 5 000
3-дм. легк. 30.000
3-дм. горн —20 000

(*К стр. 237*).

ТАБЛИЦА № 10

подачи выстрелов на фронт к орудиям крупного калибра за войну 1914—1918 г.г.

Год	Месяц	8-дм. гаубица.	9,2-дм. гаубица.	11-дм. гаубица.	12-дм. гаубица.	Итого.	ПРИМЕЧАНИЕ.
1916 г.	I	0 / 0	0 / 0	398 / 0	0 / 0	398 / 0	Числитель—поступления из России.
	II	0 / 1701	0 / 0	535 / 0	0 / 0	535 / 1701	Знаменатель—из-за границы.
	III	0 / 0	0 / 0	789 / 0	0 / 0	789 / 0	
	IV	0 / 525	0 / 0	664 / 0	0 / 0	664 / 525	
	V	0 / 0	0 / 0	562 / 0	100 / 0	662 / 0	
	VI	0 / 6774	0 / 0	924 / 0	20 / 0	944 / 6774	
	VII	0 / 18700	0 / 0	756 / 0	190 / 0	946 / 18700	
	VIII	0 / 0	0 / 0	588 / 0	415 / 1000	1003 / 1000	
	IX	0 / 0	0 / 250	482 / 0	548 / 0	1030 / 250	
	X	0 / 4750	0 / 0	761 / 0	344 / 200	1005 / 4950	
	XI	0 / 11550	0 / 0	737 / 0	534 / 0	1271 / 11550	
	XII	0 / 0	0 / 0	512 / 0	514 / 0	1026 / 0	А всего:
ИТОГО. . . .		0 / 44000	0 / 250	7738 / 0	2665 / 1200	10403 / 45450	= 55853
1917 г.	I	0 / 400	0 / 0	1872 / 0	1000 / 0	2872 / 400	
	II	0 / 2400	0 / 2000	0 / 0	0 / 0	0 / 4400	
	III	0 / 0	0 / 3000	0 / 0	0 / 0	0 / 3000	
	IV	2920 / 0	0 / 0	1627 / 0	0 / 0	4547 / 0	
	V	0 / 0	0 / 2000	0 / 4000	1950 / 600	1950 / 6600	
	VI	0 / 4400	0 / 1250	0 / 1400	0 / 2000	0 / 9050	
	VII	0 / 880	0 / 1250	1200 / 2520	0 / 2100	1200 / 6750	
	VIII	573 / 0	0 / 0	803 / 0	850 / 0	2226 / 0	
	IX	304 / 0	0 / 0	636 / 3180	709 / 0	1649 / 3180	
	X	596 / 0	0 / 0	480 / 0	821 / 0	1897 / 0	
	XI	262 / 0	0 / 0	113 / 0	710 / 0	1085 / 0	
	XII	221 / 0	0 / 0	298 / 0	375 / 0	894 / 0	
ИТОГО. . . .		4572 / 16000	0 / 9500	6401 / 7920	3800 / 4700	14773 / 38120	= 52893
А ВСЕГО. . .		4572 / 60000	0 / 9750	14139 / 7920	6465 / 5900	25176 / 83570	= 108746

ДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

15 —

32, 47, 55, 82, 83,
85, 92, 94 + 98
100, 103, 104, 106
119, 125, 128, 137, 138
142, 148
149, 150

Дрӣ 1955

